

Юрий Корчевский

ЗОЛОТО

Пронабший

Annotation

Из глухой тайги – в далекое прошлое. Из наших дней – в Древнюю Русь. Проклятое золото тянет нашего современника в глубь веков, словно на дно трясины... Здесь, в XV столетии, быть ему городским исправником (сейчас сказали бы: главным опером) и благородным разбойником по прозвищу Кудеяр, что грабит лишь богатых; отстреливаться от татарских головорезов из охотничьего ружья и угодить в плен к язычникам-мордвинам, готовым принести его в жертву своим жестоким богам... Ведь в «темном Средневековье», как и в «лихие девяностые», живут по понятиям: ЗАКОН – ТАЙГА! Первый роман цикла «Золото».

- [Юрий Корчевский](#)
 - [Глава 1. Самолет](#)
 - [Глава 2. Бандиты](#)
 - [Глава 3. Татары](#)
 - [Глава 4. Суд](#)
 - [Глава 5. Невольницы](#)
 - [Глава 6. Кудеяр](#)
 - [Глава 7. Купеческий опыт](#)
 - [Глава 8. Ларец](#)
 - [Глава 9. Наемный убийца](#)
 - [Глава 10. Жертвоприношение](#)
-

Юрий Корчевский
Пропавший

Глава 1. Самолет

Друзья давно подбивали Андрея поохотиться в тайге. Нет, не в Сибири – туда слишком далеко добираться, а на севере Пермского края, где леса почти не хожены. У Валерки Игнатьева в тех местах дед живет. Хоть он и не охотник, а есть где остановиться.

Однако работа все время нарушала планы. То один аврал, то другой... Андрей работал начальником смены в цеху, производящем строительные сэндвич-панели. Окончил институт, как и многие, долго мыкался без толковой работы, пока не пришел на новое предприятие. К охоте же его пристрастил отец, сам заядлый охотник.

Андрей купил себе ружье, тульскую вертикалку «ТОЗ-34» еще доперестроечных времен – хорошего качества и отличного боя, – с рук и ни разу не пожалел об этом. Вот только работа теперь забирала все время. Однако же он выпросил у начальства отпуск с середины августа, когда начинался охотничий сезон. Созвонился с закадычными друзьями, Павлом и Сашей, обрадовал. Тем было проще – сами себе хозяева, а говоря официальным языком – индивидуальные предприниматели.

Обговорили дату отъезда. До отпуска оставалось еще два месяца, лето только началось, но готовиться Андрей стал заранее. Ружье проверил, патроны купил, снаряжение – вроде рюкзака, охотничьего костюма – осмотрел. Вот чего не хватало, так это навигатора. Знал от друзей да из Интернета, что гаджет – вещь удобная, только руки до покупки не доходили, да и с деньгами периодически напряги были. Но в ближайший выходной направился все-таки в магазин электроники, выбрал себе компактный навигатор, с ладонь размером, отвалив за него семь тысяч. Сумма для него значительная, ну так и вещь нужная. Тут же закачал с компьютера карты, выбрался на улицу, прошелся, забираясь в отдаленные уголки города. Сначала непривычно пользоваться было, но освоился. И зарядки аккумулятора GPS-навигатора хватало надолго, часа на три, для ходовой охоты – самое то.

Чем ближе подходило время отпуска, тем само время тянулось медленнее. И все-таки пришел тот день, когда они втроем погрузились в электричку до Москвы. От Рязани до столицы было всего несколько часов хода, а там уже пересадка на Ярославском вокзале до Перми. Виделись друзья теперь нечасто и потому проболтали всю дорогу. А потом еще одна пересадка – до Соликамска, затем машина до Жуланова, где жил дед Павла.

И чем дальше они забирались от центра, от крупных городов, от цивилизации, тем более девственной была природа, чище воздух: дыши – не надышишься. Одно плохо – добирались трое суток.

Отоспались после утомительной дороги, посидели за столом с дедом и бабушкой Павла. А те уж были рады приезду внука! Расстарались, стол накрыли. Курочка вареная, картошечка, зелень – все свое, с огорода, а грибочки маринованные и варенье брусничное – из тайги. Водочку, правда, парни из Перми привезли, но пили умеренно: охота – дело серьезное, пьяных да похмельных она не любит. Так и бутылки не выпили, дедов самогон не хуже оказался, на травах да на орехах настоящий.

С утра с дедом в тайгу пошли – без ружей, с лукошками. Самое время было чернику да голубику собирать. В первый раз тогда Андрей увидел, как она растет, и от обилия обомлел. Сядешь на полянке, среди низеньких, чуть выше щиколотки кустиков – и собирай. Пока на триста шестьдесят градусов обернешься, не сходя с места, – лукошко уже полно. Только сначала в туесок никто не собирал, наберут пригоршню – и в рот. Губы, язык, пальцы – все темно-красное, почти черное. А вкусно – оторваться невозможно, на ягодах еще утренняя роса. Это потом они уже лукошки полные собрали, а в каждом – по ведру почти. До обеда и управились, только вот есть никто не хотел. Обрато уже не дед Никифор выводил, а Андрей – проверить навигатор хотел. Получилось удачно, даже быстрее, чем сюда шли.

– Умная штуковина! – похвалил дед. А друзья Андрея лишь сопели недовольно – себе не догадались купить.

До вечера они еще ходку сделали – дед Никифор показал, где костяника растет. Эта ягода понравилась меньше: кислая да с крупной косточкой. Однако деда обижать отказом не хотелось, поскольку с утра он обещал вывести к озеру, где уток было полно. Сам дед Никифор по старости лет на охоту не ходил, но ружьишко старое, еще отцовскую «БМ», имел. Но главное – места добычливые знал.

Налюбовались они вековыми соснами да елями, дубами неохватными, чистым воздухом надышались, аппетит к вечеру нагуляли. Умяли котелок картошки и едва ли не сковородку самодельной колбасы – давно такой вкуснятины не ели. Не заводская – с соей и разными улучшителями вкуса, а из натурального мяса да под рюмку самогона! Эх, красота!

А как спалось потом на перине! Отмяк душой и телом Андрей, даже мысли крамольные стали появляться: а не уехать ли из суетного города в деревню, фермерством заняться? А что? Сам себе хозяин, природа вокруг, люди приветливые, цивилизацией не испорченные. Одно плохо: не

понимал он ничего в сельском хозяйстве, а другой работы на селе нет. И до пенсии еще ох как далеко, ему двадцать семь всего.

С утра, еще затемно, дед Никифор поднял гостей:

– Долго спать изволите. Сидайте за стол завтракать. Пока до озера доберемся, время уйдет, а птица ждать не любит.

Собрались быстро, это у них под Рязанью с первых же дней открытия сезона выстрелы охотников в лесах да на озерах грохочут. Дичь пуганая становится, к себе близко не подпускает. А здесь, в деревне, они третий день уже – и хоть бы один выстрел слышали.

Тропками провел их дед к озеру, берега которого камышом поросли. Озеро, по местным меркам, изрядное, едва ли не километр в длину.

– Павел, Саша! Вы на этом берегу оставайтесь, только друг от друга подальше отойдите. А ты, Андрей, иди в обход, на тот берег. Как парни начнут стрелять, птица к тому берегу переберется; вот тут ты и не упusti момент. Эх, жаль – собачки нет, самим, значит, в воду за добычей лезть придется.

Да, с собакой они промахнулись. Хорошая легавая на охоте – половина успеха. Да только как ее в городской квартире держать? Ее натаскивать надо, на охоту регулярно выводить, а он сам в этом году в первый раз с ружьем выбрался.

Андрей направился в обход озера. И вроде недалеко было, только слева берег у озера болотистый, идти тяжело, ноги по щиколотку в жижу уходят, того и гляди, сапоги потеряешь. А от уреза воды чуть дальше отойдешь – чащоба непролазная. Кусты разросшиеся, деревья сухие поваленные, поросль молодая. Оно и понятно, не городской парк.

Вокруг деревни поля непаханные, чертополохом заросли. Колхозы развалились, люди в город уехали, из деревни в двадцать дворов только в четырех живут, да и то старики.

С трудом Андрей добрался до противоположного берега, отметил на навигаторе – скорее для тренировки. Пожалел, что в России, как в Южной Америке, мачете не в ходу, – сейчас бы пригодилось. Выбрал место на берегу повыше и посуше, где камышей почти не было и откуда вода была видна, улегся, ружье зарядил.

Видимо, друзья за ним наблюдали, потому что тут же раздалось два дуплета.

Над гладью озера взметнулись испуганные утки. Тут же, почти очередью – еще три выстрела. Не иначе – Саша стрелял, у него пятизарядный полуавтомат «МЦ-21–12».

Утки приводнились у берега, где лежал в засаде Андрей. Он

прицелился, сделал выстрел. Следом, с переносом прицеливания – еще один. Утки взметнулись. Андрей лихорадочно зарядил еще два патрона. Несколько уток прошло прямо над его головой. Он вскинул ружье и выстрелил вдогон, взяв упреждение. Одна утка перевернулась через голову и упала среди деревьев. Андрей повернулся к озеру. На воде плавала еще одна утка. Все-таки он попал!

Сначала он решил достать утку из воды – ветерком тушку могло отогнать от берега. Разделся до трусов, но потом скинул и их и пошел в воду. Берега были топкие, илистые, ногам неприятно. Да и вода холодная, хоть и август. Пермский край – не Сочи, однако.

Андрей доплыл до утки и, с размаху вышвырнув ее на берег, выбрался сам. Отмыл ноги от липкого ила, оделся, обулся и пошел искать в лесу второй трофей. Побродив вдоль опушки, он стал постепенно отходить все дальше и глубже в лес. Да что такое? Сам же видел, как утка упала, а найти ее не может. Невелика добыча, но хотелось вернуться с трофеями. Еще неизвестно, какие успехи у парней. И только вспомнил о них, как с той стороны озера раздался еще выстрел.

«Пройду еще разок. Не найду – вернусь на берег», – решил Андрей. Он посмотрел в глубь леса, и ему показалось, что видит что-то темное. Бревно, что ли, поваленное? Подошел на десяток метров поближе. Мать честная, да это же самолет! Видимо, авария произошла давно, не один год назад. Развалившийся корпус был покрыт мохом, через обломки пробились молодые деревца.

Андрей обошел вокруг. Мотор валялся отдельно. Крылья, обтянутые перкалем, сложились, полотно было изорвано и частично сгнило, обнажив потемневшие фанерные потроха, как скелет. А плексигласовый козырек был, на удивление, цел. Видел он такие самолеты в старых документальных фильмах – маленький двухместный биплан «У-2», еще довоенных лет, позже названный «По-2». Так это, выходит, он уже несколько десятков лет тут пролежал? Как же его до сих пор не нашли?

Андрей подобрался к кабине – под ногами хрустнули какие-то детали. Заглянув в кабину, он невольно отшатнулся. В передней и задней кабинах сидели скелеты в истлевших одеждах, скорее – лохмотьях. Жутковато ему стало, как в детстве от фильмов ужасов.

Он решил уйти, отметив место падения самолета на навигаторе. Выберется на обратном пути в Соликамск или Пермь – сообщит в МЧС или другие органы. Только не в полицию – задолбают допросами. Общался он уже как-то с ментами, был свидетелем аварии – с тех пор зарекся.

Андрей сделал шаг вперед и, запнувшись, глянул себе под ноги. Прямо

у его ног лежал деревянный ящик. Видел он похожие в армии. Выглядит, как патронный, и даже две защелки металлические.

Руководимый обычным человеческим любопытством, он откинул защелки. Прямо перед ним лежал брезентовый мешок под пломбой. Андрей приподнял его и удивился: мешок был тяжеленным, как будто наполнен кирпичами. Горловина мешка прошита проволокой и скреплена свинцовой пломбой. Бумаги ценные? Истлели в сырости, поди.

Сделав сбоку от горловины маленький надрез, Андрей наклонил мешок, и в подставленную ладонь ему посыпался желтый песок.

Вначале он не сообразил, поднес ладонь к глазам. Песчинки были тяжелыми, а когда он повернулся к солнцу, тускло блеснули под его лучами. «Так это же золотой песок! – догадался Андрей. – Намыли на приисках и вывозили самолетом. Только вот долететь по каким-то причинам не смогли».

Он аккуратно ссыпал золотой песок в прореху на брезентовом мешке. Потом собрался с духом и заглянул в заднюю кабину разбитого самолета еще раз. В ногах скелета, рядом с прогнившей дырой в полу лежал еще один ящик, значительно лучше уцелевший – даже надпись краской сохранилась.

Андрей перегнулся через борт, ухватился за ручку и с трудом вытянул ящик. По весу он был, как первый, килограммов сорок-пятьдесят будет. Откинув защелки, увидел такой же брезентовый мешок. На ощупь – песок. Закрыв ящик, Андрей прочитал полустершуюся надпись: «Партия № 3. 1947 год». Были еще буквы и цифры, но проглядывались они едва-едва, и все прочитывать не удалось. Ничего себе, похоже – мешок тут лежит уже шестьдесят лет. Наверняка искали – ведь самолет с ценным грузом, да найти не сумели. О таких пропажах не объявляли по радио, иначе много охотников поискать нашлось бы. А летчик и пассажир погибли – иначе бы сообщили, да и груза здесь бы уже не было.

Андрей уселся на поваленное дерево – мысли в голове метались. Что делать? Сообщить в госструктуры? А кто даст гарантию, что золото пойдет государству, а не в цепкие руки чиновников? Веры в чиновничий аппарат, так же как и в силовые структуры, не было совсем – слишком часто мелькали на экранах телевизоров случаи воровства и коррупции. Рассказать друзьям? Вместе сюда приехали – вместе и решать надо. Или? В голове мелькнула подлая мыслишка. Забрать самому. Вот он, шанс, который выпадает раз в жизни, да и то один на миллион. Андрей решил не торопиться, не делать необдуманных шагов, все просчитать. А теперь надо на берег, к парням.

Он поднялся, но потом передумал. Наклонившись к ящичку, отсыпал немного золотого песка в носовой платок, связал его в узелок и сунул в карман. Спрятать куда-нибудь ящички? Лопаты нет. К тому же лежали они здесь шестьдесят с лишним лет, полежат еще.

Он вернулся на берег, подхватил убитую утку и пошел прежним путем к парням.

Павел встретил его радостными воплями, подняв в обеих руках по утке. У Саши был один трофей.

Они вернулись в деревню. Дед Никифор разделал уток и бросил их вариться в большой котел, стоящий в русской печи.

– Славный супчик получится!

– Куда нам столько сразу? – увещевала его бабушка.

– Да ты посмотри сама: парни здоровые, аппетит на свежем воздухе нагуляли – съедят, не сомневайся.

Пока варились охотничьи трофеи, Андрей отозвал парней на улицу.

– Что за срочность такая? Ружья чистить надо! – пробурчал Саша.

Отойдя к сараю, возле которого стояла лавочка, ребята уселись. Андрей молча вытащил из кармана узелок и развязал его, оставив на открытой ладони.

– Это что? – не понял Павел.

– Догадайся сам.

Павел осторожно взял платок в руки, осмотрел его содержимое и передал платок Саше.

– Если бы я верил в сказки, то сказал бы, что это золото.

– Похоже. Где ты его взял, Андрей?

– Завтра покажу. Только – чур, пока никому ни слова.

– Договорились.

За ужином, пока ели вареных уток, все молчали. Утки были неплохими, к осени, перед отлетом в теплые края, нагуляли жирку. Только в утке, в отличие от курицы, мяса маловато, костлявая. Зато мясо вкусное. Только есть надо осторожно, дробь попадает.

– Что-то вы сегодня носы повесили, – заметил дед. – Первая охота, у всех трофеи, а вы вроде и не рады.

– Промахов много, дед, – ответил Павел. – Завтра без ружей сходим, погуляем, воздухом подышим.

– И в самом деле, в городах-то у вас дышать нечем.

После завтрака они сразу пошли к озеру – дорогу все трое и так уже помнили.

Андрей привел их к месту катастрофы самолета. Павел и Саша

сначала обошли его вокруг.

– Видать, давно упал, – сделал вывод Павел.

– Судя по маркировке на ящике, в тысяча девятьсот сорок седьмом году, – уточнил Андрей.

– Ого! И не нашли до сих пор!

– Время послевоенное, вертолетов не было, как и аварийных маяков – как на современных самолетах. А тайга – вон она, на сотни километров вокруг.

Саша заглянул в кабину самолета, осторожно залез в карман пилота. Сокрушенно покачал головой:

– Там только труха одна.

– Похоронить бы их, люди все-таки.

– Завтра лопату возьмем, похороним. Ты лучше скажи, что с ящиками делать будем?

Они присели на поваленное дерево.

– Сдать бы их кому следует. Не наше золото – государственное. Как бы нам с ним проблем себе не нажить, – осторожно заметил Павел.

– Ага, чтобы чиновники или менты себе еще одну виллу на Лазурном Берегу купили. Надо его поделить на троих.

– Может, все-таки сообщить в ту же ФСБ?

– Если бы ты нашел клад, тебе бы причиталась четверть. А золото из самолета не клад, а государственное имущество, – рассудил Саша. – Потому тебе ничего тебе не отломится, кроме великой благодарности.

Парни задумались. Золото – вот оно, рядом, рукой можно пощупать.

– Ладно, давайте обсудим все, обратной дороги при любых вариантах не будет, – предложил Саша.

– Говори.

– Если золото сдадим, не получим ничего – так?

– Так, – в один голос согласились с ним Павел и Андрей.

– Это первый вариант. Второй: забираем золото себе и делим. А дальше-то что? Ты им в магазинах за кефир рассчитываться не будешь!

– Ну... продать барыгам, – неуверенно предложил Андрей.

– Ага, все барыги с бандюганами связаны или ментами крышуются – тут тебя и накроют. К тому же, даже если подпольному цеховику продадим, потеряем много.

– Почему?

– А какой ему смысл покупать у нас, когда он по этой же цене в магазине купит?

– Верно.

– О! Я придумал! – воскликнул Павел. – Стоматологам продадим – тем, кто протезированием занимается.

– От жизни ты отстал, Паша. Богатые давно себе вместо золота керамику ставят. И стоят такие зубы дороже золотых, а выглядят как настоящие. К тому же учти, что тут, в обоих ящиках, килограмм восемьдесят будет.

– Это сколько же в рублях?

– Ты думаешь, я знаю цену за грамм? Тем более мы пробы не знаем.

– Верно!

Саша вдруг встал, подошел к двигателю, сорванному с моторамы, и потер его пальцами.

– Саш, ты чего?

– У вас ручки и бумага есть?

– У меня нет.

– У меня – тоже.

– Я номер мотора хотел записать.

– Для чего?

– По номеру мотора можно узнать, что за самолет был и кому он принадлежал.

– Узнаем, куда он последним рейсом летал.

– Ой, Саша, не буди лихо, пока оно тихо. Если золото берем, приходим завтра с лопатами, хороним летчика и пассажира. Думаю, это кто-то из охраны был, такой груз без сопровождающего не выпустят.

– Сталинское золото, с уральских приисков, – заявил Саша. – После войны им за технику, поставленную по ленд-лизу, рассчитывались.

– Так рассчитались уже. Что с золотом решим? – наперебой заговорили Павел и Андрей.

Все трое вдруг замолчали.

– Тогда давайте голосовать.

– Блин, ты как на собрании. От слова «голосовать» у меня изжога. Я на выборы не хожу.

– Кто за то, чтобы золото поделить на троих? – не отступал от своего намерения Павел.

Саша и Андрей подняли руки.

– Паш, ты что, сам против?

– Я воздержался, но золото возьму. Рубль неустойчив, евро качается, доллар – валюта дутая. А золото пусть на черный день лежит. У всех государств есть золотой резерв, пусть и у меня будет.

– Ты гляди, дурачком прикидывался, а шпарит, как экономист.

– Жизнь научила. Пошли в деревню.

Всю вторую половину дня парни ходили задумчивые и ели без аппетита. Дед Никифор встревожился:

– Ребята, вы не заболели случаем? А то я баньку истоплю, попаритесь, и всю хворь как рукой снимет.

– Нет, спасибо, – отговорился Андрей, – устали, наверное, с непривычки.

Вечером Андрей отозвал Павла в сторону.

– Ты как-нибудь потихоньку лопату из сарая вытащи и на околице припрядь. А то если завтра с лопатой в лес идти, у деда вопросы возникнут.

– Сделаю.

Ночью всем троим спалось плохо: они крутились, вздыхали и уснули только под утро.

После завтрака Андрей вытащил скромные пожитки из рюкзака и свернул его в небольшой узел, и они снова направились к озеру.

– Рюкзак зачем взял? – поинтересовался Павел.

– Угадай с трех раз. Ты золото в деревню в карманах своих штанов понесешь?

Они добрались до самолета. Пока Павел и Андрей по очереди копали могилу, Саша списал с двигателя номера. Потом он отыскал на панели перед летчиком табличку с годом выпуска и серийным номером самолета.

Когда могила была готова, они осторожно перенесли туда останки летчика. Потом стали вытаскивать скелет пассажира.

– Глянь, Андрей, – заметил Саша, – у него кобура на поясе.

Андрей расстегнул покрытую плесенью кобуру и вытащил слегка поржавевший с одной стороны револьвер «наган». Надпись на нем читалась хорошо: «ТОЗ», 1934 год – и номер.

– Попробую потом в керосине отквасить.

Документы у пассажира если и были, так сгнили – в карманах ничего не обнаружили. Одежда была – одно название, истлевшие лохмотья.

Рядом с останками летчика они уложили останки пассажира.

– Вместе летели, вместе погибли – пусть вместе и покоятся с миром. Саш, ты хоть одну молитву знаешь?

– Откуда? Да они наверняка атеисты были, партийные – зачем им молитва?

В молчании они засыпали могилу. Посидели на дереве, помолчали. Все, что они делали до этой поры, преступлением не было. А возьмут они сейчас золото – перейдут некую грань. И потому никто первым на действия не решился.

Андрей не выдержал:

– Долго мы так сидеть будем?

Он погрузил брезентовый мешок из ящика в рюкзак и накиннул лямки на плечи. Тяжело! Груз по объему небольшой, а плечи оттягивает. А если в рюкзак еще один брезентовый мешок положить, так у него и лямки оборвутся. Да и не поднять такую тяжесть.

– Андрей, а ты хорошо смотрел? Ящика только два было?

– Ты хочешь сказать, что здесь еще один может быть? Чтобы каждому по мешку? Проверь в самолете и около.

Павел с Сашей и в самом деле походили вокруг самолета, забрались в кабину.

– Пусто.

Андрей только посмеялся над приятелями. Самолетик маленький, куда там еще третий ящик прятать?

Второй брезентовый мешок Саша и Павел несли по очереди – неудобно было: ручек у мешка нет, как у инкассаторского.

Когда они подошли к деревне, Андрей попросил:

– Паш, ты иди вперед, деда своего отвлеки, а я в нашу комнату с рюкзаком проскочу, от Саши мешок через окно приму.

План сработал. Павел сначала отвлек дела разговорами, а потом и вовсе на огород за домом увлек. Все получилось по плану.

После ужина дед с бабкой улеглись спать. Как все деревенские жители, они рано ложились и рано вставали.

Брезентовый мешок затолкали в рюкзак Саши.

– Что дальше делать будем, парни?

– Мне на охоту уже не хочется, – заявил Саша.

– Домой ехать надо, там думать будем.

– Тогда груз на троих делить надо. Обложить его одеждой – и в рюкзак.

С тем и спать легли.

Утром Павел с Сашей ушли в лес за ягодами, а Андрей высыпал половину золотого песка из брезентового мешка в толстую шерстяную рубашку Павла, завязал ее узлом и положил этот узел в его рюкзак. Горловину брезентового мешка со второй половиной груза перетянул веревкой и положил в рюкзак Саши. Поднял рюкзаки по отдельности. Тяжеловато, но терпимо. Его собственный рюкзак оказался самым тяжелым – ну так он и сильнее физически, чем парни.

Они отдыхали еще два дня, потом стали прощаться с родней Павла. Дед даже расстроился:

– Обещали три недели гостевать, а через неделю уже уезжаете. Не понравилось у нас в глухомани?

– Понравилось, дед, ты что! – ответил за всех Павел. – Только дела неотложные у нас появились. А на следующий год обязательно приедем, места у вас чудесные.

– Смотри, слово дал.

Они шли пешком до Жуланова. Золото, ружья и оставшиеся нерасстрелянными патроны оттягивали плечи. Несмотря на прохладную – градусов восемь тепла – погоду, с парней градом тек пот.

– Блин, заморился я уже! – взмолился Павел.

– Терпи, Жуланово совсем рядом, километра три осталось. Там машину поймает до Соликамска, а дальше – поездом.

– Ага, тебе хорошо говорить, ты вот какой здоровый.

– У меня рюкзак тяжелее.

Они добрались до Жуланова – то ли маленького городка, то ли просто поселка городского типа – и уговорили водителя на «Жигулях»-«копейке» добросить их до Соликамска. С облегчением забросили рюкзаки в багажник и поехали.

Дальше было проще – старые вагоны пригородного поезда и пересадка в Перми.

На вокзале к ним подошел полицейский патруль. Андрей сразу заметил, как побледнел Павел.

– Документики на оружие предъявите! – козырнул сержант.

Документы – паспорта, лицензии на хранение и ношение ружей – у всех были в порядке. Сержант вернул документы, снова козырнул:

– Служба.

Когда он отошел на приличное расстояние, Андрей спросил:

– Что, Павел, сдрейфил?

– С чего ты взял?

– Бледный больно стал, и глаза забегали. Ты естественней себя веди, улыбайся. Мы охотники, добираемся до дома.

До Москвы они добрались без приключений. На московских вокзалах на них никто внимания не обратил. Летний сезон, вокруг полно людей с рюкзаками еще больше, чем у них.

Рязань встретила их морозящим дождем – чувствовалось, что осень не за горами.

– Вот что, парни. Разъезжаемся по домам, все устали. А завтра с грузом – ко мне.

– Лады.

Парни разъехались на такси по домам.

И только дома, когда Андрей разделся, принял душ и рухнул в свою постель, он понял, как он был напряжен последние несколько дней. Отдых неожиданно превратился в испытание для нервов.

Выспался он отлично, позвонил родителям, что благополучно вернулся. А потом сразу – в магазин. Холодильник был пуст, и даже немудрящий завтрак приготовить было не из чего.

Только он поджарил яичницу и вскипятил чайник, как появились парни.

– О, вкусненько пахнет. Угостишь?

Пришлось жарить еще одну яичницу, нарезать хлеб и колбасу. Парни набросились на еду, а поев, уселись на диван.

– Кто что думает? – на правах хозяина задал вопрос Андрей.

– Я уже говорил: пусть золото пока полежит, на черный день, – сказал Павел. – Я с ним ничего делать не буду, припрячу в гараже.

– Как знаешь. А ты, Саша?

– Не придумал еще, ночью спал как убитый.

– Ладно, дело ваше. Золото принесли?

– Принесли.

– Я сейчас.

Андрей вышел из квартиры и опустился этажом ниже, где проживал пенсионер Матвеич. Он приторговывал овощами и фруктами с дачи, и у него были весы. Пенсионер был дома и без лишних разговоров вручил ему небольшие плоские электронные весы.

– Только верни после обеда, торговать пойду. Яблоки ноне уродились.

– Я быстро, – заверил его Андрей.

Он поднялся в квартиру и запер дверь на ключ.

– Давайте делить.

Сначала на весах делили золотой песок из мешка, который нес Андрей. Потом дошла очередь до груза Павла и Саши. По весам выходило, что доля каждого из них составила двадцать шесть килограммов шестьсот пятьдесят граммов. Саша тут же посчитал на калькуляторе.

– Парни, на каждого из нас приходится по сорок два с половиной миллиона деревянных! – с ошарашенным видом сообщил он.

Павел переспросил:

– Ты по какому курсу считал?

– Тысяча шестьсот рублей за грамм. Я курс в экономических новостях сегодня утром видел.

– Изрядно!

– Поздравляю, господа миллионеры! – насмешливо сказал Андрей. – Только учтите, при продаже потеряете в деньгах. Официально продать его вы не сможете, а если подпольно, чтобы вопросов о происхождении золота вам не задавали, цена будет ниже.

– Все равно много.

– Только чур – одно условие.

– Какое?

– Нигде, никому, ни при каких обстоятельствах о золоте не говорить. Будьте максимально осторожны. Ухватятся за одного – выйдут на всех. Тогда быть беде.

– Кто ухватится, что ты нас пугаешь?

– Менты или бандиты – какая в данном случае разница?

– Не маленькие, понимаем, – почему-то обиделся Саша.

– Саш, тебя это в первую очередь касается. Ты, как выпьешь, себя не контролируешь.

– А я что? Я – как все.

– Забирайте свои доли.

Саша сгреб свое золото в тот же брезентовый мешок и уложил его в дорожную сумку. Павел ссыпал золото в принесенную наволочку и тоже положил в сумку.

– Парни, напоминаю еще раз – осторожность. По телефону про груз никому и ничего не упоминать.

– Тебе бы учителем в школе работать, забодал нравоучениями, – пробурчал Паша.

Парни попрощались и ушли.

Андрей ссыпал свою долю в принесенный мешок, уложил его в старую кожаную сумку и спрятал на антресоли. Место ненадежное, но попозже он оборудует более надежный тайник. Весы обтер влажной тряпочкой – не дай бог, где золотая песчинка прилипла – и вернул их Матвеичу.

– Что взвешивал-то? – поинтересовался пенсионер.

– Знакомый конфеты с базы принес, – едва нашелся Андрей.

– Намного дешевле?

– На тридцатку.

– Тоже деньги, – одобрил Матвеич. – Так ты, если еще нужно будет, заходи.

– Спасибо.

Знал бы Матвеич, какие деньжищи в квартире у Андрея находятся! Вроде и небольшая кучка на столе лежала, а в деньгах – ого-го!

День провалился Андрей на диване в раздумьях. Вот ведь как ситуация складывается: он богат, а денег нет, по крайней мере – наличных. Не придумав ничего путного, он решил занять себя делом. Он выудил из рюкзака допотопный «наган», найденный у пассажира самолета, скорее всего – охранника, и разрядил барабан, подивившись странного вида патронам с утопленной в гильзе пулей. Отверткой разобрал его весь, до последнего винтика и пружинки, и замочил в керосине. Что показалось ему удивительным – ржавчина внутри не добралась до механизмов, и все детали выглядели вполне работоспособными. Пусть пока полежат в керосине – сутки, а потом он все детали ототрет от ржавчины. В оружии ведь главное – ствол. Если он хорошо сохранился, оружие можно оставить, а если ржавчина его съела – выбросить железяку в реку, и все дела. Судя по состоянию револьвера, владелец за ним ухаживал – на внутренних деталях кое-где была еще видна смазка.

Оружие Андрей любил, как и многие мужчины, и свое ружье чистил и смазывал неукоснительно. И выбросить револьвер просто так, без тщательной ревизии, рука не поднималась. Конечно, хранить ствол дома незаконно, ну так и золото, найденное и не сданное государству, – тоже криминал, пахнущий статьей, и Андрей это четко понимал. Только ведь и государство относилось к людям, как злая мачеха к падчерице. После развала Союза каждый выживал в одиночку. Кто-то спился, другие просто махнули на семьи рукой. С экрана телевизора – сплошь дебилские передачи. А для молодежи время с начала девяностых вообще было потеряно, их кумирами были бандиты и вороватые чиновники без стыда и без совести. Вузов развелось, как грибов после дождя, а уровень образования катастрофически упал. Тупел народ, и во многом – из-за неадаптивной политики государственной машины. Потому укоров совести Андрей не чувствовал.

Вечером он уселся перед телевизором – посмотреть новости. Показывали Санкт-Петербург. А ведь он, Андрей, в отпуске, и в Питере живет его однокашник по институту. В городе на Неве он не был, так почему бы не съездить? А заодно можно попытаться найти каналы сбыта золота.

Решив так, он снял сумку с антресолей, отсыпал золотого песка граммов пятьсот-шестьсот – чтобы везти нетяжело было, да и спрятать небольшой узелок можно в любом месте. И с утра, выпив чаю, налегке, с небольшой сумкой он отправился на железнодорожный вокзал. Самолетом, конечно, было быстрее и проще, но там досмотр.

До Москвы Андрей добрался на электричке, а оттуда – «Красной

стрелой» до Питера. Устроился в небольшой гостинице почти на окраине – зато отдельный номер и недорого.

Скромно позавтракав в гостинице, он расспросил прохожих, где находится вещевой рынок. В городе их было несколько, и он отправился на ближайший. Золото можно было сбывать ингушам – их диаспора давно уже освоила эту долю рынка. Теплолюбивые кавказцы даже жили в холодной Сибири, вертясь вокруг золотых приисков, а в крупных городах скупали золотой лом. Казалось бы, купи в ювелирных магазинах, но там едва ли не большую часть цены составляла оплата за работу и маржа продавцов. А лом шел по цене золота, а то обычно и ниже.

Однако связываться с ними Андрею не хотелось, могло выйти себе дороже. Он искал цыган. Племя кочевое, но ныне оседлое, с властями и полицией никогда не дружившее. Поножовщина за ними водилась, но банд, как у ингушей, вооруженных и имеющих автомашины, рации и прочую технику, не было.

Андрей не спеша прошел между рядами. Южан и здесь хватало. Они горланили по-своему, играли в карты, зазывали к прилавкам. Отоваривались у них дешевыми китайскими и турецкими изделиями в основном пенсионеры и бюджетники. Люди с приличной зарплатой шли в магазины, где можно было купить добротные финские или немецкие вещи. Да и то петербуржцы старались по выходным уехать в Финляндию. До границы всего ничего, и маршрутка ходит. Товары там стоили значительно дешевле, и продавцы прекрасно говорили по-русски.

Но Андрей пришел не за вещами. Конечно, за прилавком цыган не увидишь, но они были на любом рынке. Продавали с рук сомнительного качества электродрели и мобильные телефоны с «мутным» прошлым. Женщины их гадали, подворовывали, сбывали наркоту.

Неожиданно взгляд Андрея наткнулся на небольшое объявление, лежащее на прилавке поверх вещей. «Куплю золото, валюту», – гласило оно. Продавец за прилавком был славянской внешности, и Андрей подошел.

– Золото купишь?

Продавец окинул его внимательным взглядом.

– Ворованное не беру.

Андрей хотел возмутиться – неужели он похож на вора? Правда, как должны выглядеть воры, он не знал, но, наверное, так же, как и обычные люди.

Его оторопелый вид не укрылся от взгляда продавца.

– Чего у тебя?

– Песок.

В глазах продавца вспыхнул и тут же погас огонь.

– Обойди ряд – там контейнер стоит с номером 417. Я подойду.

Неспешным шагом Андрей направился по ряду, обогнул торцевой ряд и свернул направо. Здесь стоял ряд контейнеров – все под номерами. Тут же подошел продавец, отомкнул замок и распахнул створку двери:

– Заходи.

Андрей вошел. Продавец посмотрел вокруг и, зайдя, притворил створку.

– Так чего, говоришь, у тебя?

– Песок.

– Сколько?

– С собой – граммов пятьдесят. – Еще утром Андрей отсыпал немного в носовой платок и сейчас достал узелок из кармана. – Вот.

Продавец развернул на столе узелок.

– Я даже рискну предположить, откуда золото, с какого прииска. Только ты не похож на работягу, который золото моет, – руки у тебя не те.

– Я не руки пришел показывать. Не хочешь – не бери.

– Э, погоди! Кто же так дела делает? Я тебя не знаю, может – ты мент. Я куплю его у тебя, а ты мне ксиву под нос и наручники.

– Отдай песок, и я уйду.

Однако продавец достал из-под стола небольшие аптечные весы, аккуратно стряхнул с платка золотой песок – все до последней песчинки – и начал класть на другую чашу маленькие гири, а потом – и маленькие пластиночки.

– Итого, мы имеем шестьдесят два грамма и семьсот пятьдесят миллиграммов.

Торговец достал калькулятор.

– Я дам тебе за песок восемьдесят одну с половиной тысячу. Устраивает?

– По сколько за грамм даешь?

– По тысяче триста. Это хорошая цена, больше никто не даст.

– Договорились.

Торговец достал из стола два пузырька, капнул на песчинки из пипетки и удовлетворенно кивнул:

– Хорошее золото, с Урала. Только прииск этот лет десять как закрыт.

Андрей молчал. Продавец отсчитал деньги, причем сделал это он так быстро, что Андрей поразился.

– Пересчитывай.

Андрей пересчитал, а торговец, глядя на его действия, ухмыльнулся:

– Видать, не часто деньги считаешь, навыка нет.

– Спасибо.

– Привози еще.

Андрей замялся.

– Ага, ты не питерский, – сразу догадался торговец.

– Именно.

– И груз у тебя не здесь?

Андрей кивнул.

– Много?

– Десять килограммов.

– О! – уважительно протянул торговец.

Андрей и сам не понял, почему он назвал именно столько.

– Вот что, я тебе номер телефона дам. Телефон не мой. Надумаешь приехать – позвони. Назовешь дату, больше ничего – мне передадут. Сюда придешь пустой.

– Понял. А дату зачем?

– Ты что, чудак-человек, думаешь – у меня здесь банк? Деньги приготовить надо.

– Уяснил.

– Да за карманами смотри! Разинешь рот – мигом обчистят.

Андрей вышел, осмотрелся по сторонам, но ничего подозрительного не обнаружил. Однако же в каждом из нас до поры до времени сидят скрытые знания – от фильмов ли шпионских или от прочитанных детективов... По дороге он несколько раз оборачивался, потом делал вид, что завязывает ботинки, и смотрел назад – не идет ли кто следом? Но, ничего подозрительного не обнаружив, успокоился.

И не знал Андрей, что торговец уже подал условный знак и что сейчас за ним идет купленный с потрохами «топтун» из «ментовки» – то есть, говоря официальным языком, службы наружного наблюдения. До революции их называли «филерами». «Топтун» был опытный, к Андрею не приближался, одет был в неброскую одежду и лицом обладал непримечательным. Такой мимо пройдет, а через секунду его и не вспомнишь.

Работал «топтун» на бандитов давно и дело свое знал. Несколько раз он мгновенно менял свой облик. Едва Андрей через пару кварталов свернул за угол, как «топтун» снял куртку, вывернул ее и надел снова. Вместо коричневой куртка стала синей. Подходящая одежда для «топтуна» – редкость. Ее выискивали специально, берегли. Некоторые фирмы

выпускали такую, двухстороннюю. А еще через пару кварталов, чтобы не примелькаться, он вытащил из кармана и нацепил на голову берет. Мелочь, но при быстром взгляде назад тот, кого «ведут», видит другого человека. А еще «топтун» походку меняют до неузнаваемости.

Так и довел «топтун» Андрея до гостиницы. Ему бы в толпу людскую нырнуть, затеряться в водовороте – в магазине большом, в метро. Или «обманку» сделать: шагнуть в подошедший метропоезд и в последнюю секунду перед закрытием дверей, когда уже прозвучало объявление «Осторожно, двери закрываются. Следующая станция...», выскочить из вагона. «Топтун», не ожидая подвоха, чтобы не отстать, тоже сядет в вагон, но выскочить уже не успеет. А если успеет, так сразу себя этим и выдаст. Неплохой способ выявить наблюдение. Только не знал Андрей о нем, как и о полусотне других.

Пока он собирался позвонить однокашнику, к двери администратора, на которой висела табличка с новомодной надписью «Reception», подошел «топтун». Не мудрствуя лукаво, предъявил красные корочки – он часто пользовался ими, облегчая себе жизнь.

– К вам только что вошел постоялец. Я бы хотел все о нем знать.

Администратор не удивилась и продиктовала ему паспортные данные Андрея.

– А что же вы не записываете?

– Похоже, я ошибся. Извините, это не тот человек, кого мы ищем. – И «топтун» вежливо откланялся.

Администратор успокоится и не сможет ненужным любопытством насторожить наблюдаемого. А паспортные данные Андрея «топтун» запомнил с легкостью – провалами памяти он не страдал.

Андрей и не подозревал, что его данные уже есть у питерских братков. Он радовался жизни: в отпуске, есть деньги, значит – можно отдохнуть.

Созвонившись с однокашником, он встретился с ним у Эрмитажа.

– Здорово, Валера!

– Сколько лет, сколько зим! Пойдем в кафе, посидим. Ты кого-нибудь из наших видишь?

Пошли воспоминания об институте – кто, где и кем работает, как сложилась личная жизнь.

– Андрюха, а ты чего в Питер-то приехал?

– Отпуск у меня, а в Питере не был никогда. Вот, приехал город посмотреть, приобщиться к культуре. Покажешь?

– Со временем туговато. Сегодня у нас четверг? Давай послезавтра – у меня два дня выходных. Я тебе в субботу город покажу – Петропавловку,

Исаакий, Эрмитаж. А в воскресенье в Царское Село поедem. Как тебе программа?

– Вполне. Я все равно ничего этого не видел, интересно будет посмотреть.

В пятницу Андрей сам сходил в Кунсткамеру, Военно-морской музей, а субботу и в воскресенье вместе с Валерой посвятил достопримечательностям Питера. Он был в полном восторге. Оказалось, что в России есть много интересных мест, куда рвутся иностранцы.

Вечер они закончили в кафе неподалеку от Валеркиного дома.

– Уезжаю завтра, – вздохнул Андрей, – отпуск к концу подходит. Но на следующий год обязательно приеду.

– Только позвони предварительно, чтобы накладок не случилось. Я могу в командировку уехать – с начальством не поспоришь.

– Заметано!

Переночевав в гостинице, уже утром Андрей сел на поезд, а через сутки входил в свою квартиру. Он сбегал в магазин, купил продуктов, приготовил поесть. Через десять дней надо было выходить на работу, и он решил перепрятать золото. Квартира, антресоль – слишком ненадежное место для его хранения.

Прихватив сумку с грузом, Андрей направился в гараж. В подвале он оборудовал тайничок в стене, спрятал сумку с золотым песком, полюбовался. Если специально не искать, то незаметно.

Созвонился с приятелями. Они тоже отдыхали, у них все было нормально, и Андрей успокоился. Первый опыт сбыта золота прошел хорошо, как он посчитал.

А на следующий день случилась неприятность. Он вернулся от родителей домой и обнаружил, что входной замок на двери квартиры взломан. Насторожившись, он толкнул дверь. В комнате было пусто, дверцы шкафов открыты, вещи разбросаны.

«Воры залезли! Как вовремя я перепрятал золото!» – подумал он. Но проникновение в квартиру с поездкой в Питер он еще не связал. Имени своего торговцу он не называл, слежки за ним не было.

Андрей быстро осмотрел квартиру. Небольшую заначку воры не нашли, сейф с оружием не тронут.

«Замену замок, и все! Полицию вызывать не буду», – решил он.

Полдня ушло на то, чтобы купить и заменить замок, а также навести порядок в квартире. На душе было неприятно, кошки скребли.

А вечером раздался телефонный звонок. Не мобильного – городского. Андрей снял трубку.

– Хорошо спрятал, – раздался грубый голос.

– Вы о чем?

– Не прикидывайся дурачком. Отдай песок и живи спокойно.

Андрей бросил трубку. Его пробил холодный пот. Без сил он плюхнулся в кресло. Значит, это была не кража. Незвестный – или неизвестные – искал золото. Вот он дурак-то! Андрей схватился за голову. Это Питер, он привел за собой след! И ведь вроде бы перестраховался, оглядывался. Но чужой наблюдатель оказался опытней, хитрее. И сработали чужие быстро. Не успел он приехать, как они забрались в квартиру. Да он еще торговцу и вес груза назвал! Вот бандиты за ним и приехали. Ну кто же его за язык тянул? Как есть дурак и простофиля! Андрей аж застонал, как от зубной боли. Что же теперь делать?

Глава 2. Бандиты

Он присел на диван, обхватил голову руками и попытался начать мыслить более хладнокровно. А может, отсыпать им килограммов десять и отдать? Так не отвяжутся, начнут интересоваться, где брал. Соврать достоверно не получится – он не знает, где река, на которой мыли золото, или рудник. Вполне резонно бандиты могут предположить, что у него есть канал, через который и поступает золото. Понятно, что они захотят наложить на него лапу. А если пойти в ФСБ? Но звонок к делу не приложишь, а про обыск в квартире можно и не заикаться: сам же их следы уничтожил, заменив замок и наведя порядок в квартире. А вот золото придется сдать – заодно и заложив друзей. Находку делили на троих, и под следствие попадут все. Сколько суд даст за это золото, один бог ведает, но идти в тюрьму не хотелось. Это крах: потеря работы, репутации...

Всю ночь Андрей не спал, мучился, придумывая лучший выход из создавшегося непростого положения.

Утром он встал с тяжелой головой. Почему-то даже не позавтракав, достал банку, где лежал в керосине разобранный «наган». Как-то не доходили руки им заняться, а теперь решил – пора! Оттер детали тряпочкой, прошелся по ним ветошью с оружейным маслом. Револьвер выглядел вполне пристойно. Он был порядком потерт от долгого употребления и ношения в кобуре, но механизм работал исправно.

Андрей пощелкал спусковым крючком, получая удовольствие от одного созерцания оружия. Барабан четко проворачивался, надвигался на ствол, курок взводился и срывался. Были в стволе едва заметные раковины, так ведь и револьверу уже почти семьдесят. Умели все-таки раньше делать!

Андрей зарядил в барабан патроны и сразу почувствовал себя увереннее. Он опустил револьвер в карман и попробовал выхватить. Не получилось, спица курка цеплялась за подкладку. Тогда он сунул револьвер за пояс. Вроде неплохо, но оружие видно. Даже если надеть легкий пиджак или курточку, при малейшем движении полы распахнутся. Единственное, что осталось, – сунуть его сзади за пояс, тогда ветровка прикроет револьвер. Андрей надел ветровку и внимательно осмотрел себя в зеркало со всех сторон. Не видно.

В дверь позвонили. Кто бы это мог быть? Неужели Павел или Саша нагрянули? Не посмотрев в «глазок», Андрей открыл дверь.

На пороге стоял неприметного вида мужчина с ментовским взглядом.

Андрей давно уже обратил внимание на то, что полиция смотрит как-то не так, как будто оценивающе – нельзя ли придрататься к человеку, документы спросить?

И точно. Незванный гость достал из кармана удостоверение и сунул его Андрею под нос. Он толком и прочитать ничего не успел, взглядом только успел выхватить – Санкт-Петербургское управление. Сердце часто-часто забилося.

– Гражданин Кижеватов?

– Он самый.

– Позвольте войти.

Слова вроде прозвучали вежливо, но, произнося их, человек уже вошел, напирая на Андрея.

– Органы расследуют дело о незаконном обороте золота и валюты. Не желаете сделать заявление или выдать незаконно приобретенные драгоценности или драгметаллы?

– Не желаю. У меня ничего нет.

– Тогда я вынужден провести у вас обыск.

– Но для этого у вас должно быть постановление или ордер – уж не знаю, как правильно.

– Все есть, сейчас предъявим. Только понятых приглашу.

Продажный мент обвел Андрея вокруг пальца. Он открыл дверь и сказал:

– Заходите.

Вошли двое мужчин, явно бандитского вида. У обоих наколки на руках – люди видели зону.

Мент кивнул:

– Я свое дело сделал, он ваш, – и вышел.

Андрей понял, что попал в переделку.

Бандюки ощерились:

– Сам отдашь, что тебе не принадлежит?

– Не знаю, о чем речь.

– По-хорошему спрашиваем.

– Я же сказал – не знаю.

Один из непрошенных гостей не спеша, стараясь произвести впечатление, достал из наплечной кобуры «макаров».

– Поехали с нами. Только учти: начнешь дергаться или кричать, звать на помощь – получишь маслину в брюхо.

Андрей понял, что сейчас лучше не сопротивляться. Он направился к выходу, сопровождаемый бандитами: один пошел впереди, другой – позади

Андрея.

Так втроем они вышли на площадку. Андрей достал ключи, запер дверь. Один из бандитов хохотнул:

– Замок сменил, думаешь – поможет? Я такой замок гвоздем открою.

Вышли из подъезда. Метрах в двадцати от подъезда на небольшой стоянке стоял наглухо тонированный джип «Тойота Лендкрузер». Андрея посадили на заднее сиденье, братки уселись с обеих сторон. Водитель, бритоголовый амбал, уже сидел в машине.

Джип резко сорвался с места. Один из бандитов достал мобильный телефон и набрал номер:

– Это я. Да, все в порядке, едем. – Выслушав ответ, добавил: – Молчит, в непонятку играет. Ага. Через полчаса будем.

Машина выбралась из города и, пройдя по трассе километров двадцать, свернула на узкую проселочную дорогу – вроде как там был когда-то пионерский лагерь. Потом его скупил местные богатеи.

Андрей пытался запомнить дорогу. Зачем он это делал, и сам не знал, только чувствовал – пригодится.

– Штырь, он глазиками по сторонам лупает. Может, повязку на глаза наденем?

– Отдаст, что не его – пригодится назад ножками топать. А если нет – обратная дорога ему не нужна будет, – Штырь захохотал. Андрей вдруг ясно осознал, что его запросто могут убить, а тело закопать в этом же лесу. Был человек – и нет его. И следов никаких нет. В полиции заявление о пропаже «имярека» примут, покопоятся вяло, этим все и кончится. По России каждый год тысячи таких пропавших, только находят немногих. Тогда какого черта он сидит, ждет покорно своей участи, как овца на заклании? Надо брать инициативу в свои руки. Если его сейчас привезут в какой-нибудь подвал, то еще неизвестно, выберется ли он из него.

– Парни, мне бы в туалет, – попросил он.

– А где ты здесь видишь туалет? – захохотал Штырь. – Тут только лес. Терпи или дуй в штаны.

– Да я его урою, если он мне машину загадит! – запротестовал водитель.

– Правда, не вмоготу уже! – взмолился Андрей.

– Ладно, уговорил. Лысый, останови.

Джип встал. Братки выбрались из машины.

– Давай.

Андрей вылез из машины, вроде случайно покачнулся, схватился за открытую дверь и ногой изо всей силы двинул Штыря в пах. Тот взвыл от

боли, согнулся, а Андрей бросился бежать.

– Стой, твою мать! – заорал второй браток и кинулся вдогонку.

Но Андрей бежал быстро. Он не курил, спиртное употреблял редко и в умеренных дозах, здоровье имел хорошее. Браток начал отставать:

– Стой, сука! Стой, хуже будет!

Сзади неожиданно раздался выстрел. Пуля взбила фонтан земли у ноги Андрея, но он рванул еще быстрее, хотя секунду назад ему казалось, что он бежит уже на пределе.

Сзади ударил еще один выстрел. Теперь пуля сбила листья и ветку справа, совсем рядом. Либо бандит стрелять не умел, либо хотел ранить. С мертвого какой спрос? Да и попасть в подвижную цель на бегу непросто.

Но быть агнцем Андрей не хотел. К тому же у бандитов автомобиль, и, вероятнее всего, они знают здесь местность. Потому ему просто не убежать.

Андрей резко свернул за толстое дерево и вытащил из-за пояса револьвер. Он был так называемый «офицерский», с самовзводом. Постоял, успокаивая дыхание.

Бандит бежал, как лось на водопой – шумно, за версту слышно. Он промчался мимо дерева, за которым спрятался Андрей. Метрах в семи остановился и стал озиаться, но не видел беглеца. Потом спиной почувствовал присутствие Андрея, резко повернулся и вскинул пистолет.

– Вот ты где, гад! На колени и грабли подними!

Андрей упал на бок и из положения лежа выстрелил. Навыков в стрельбе из короткоствольного оружия у него не было, но охотничий стаж и навыки стрельбы были. К тому же за спиной была армия: два года маршбросков с полной боевой выкладкой, ночные стрельбы, физподготовка – такое не забывается. Правда, он служил в мотострелковом полку на Урале, а не в десанте или в морской пехоте, как сам хотел.

Пуля угодила бандиту в бедро. От боли и неожиданного сопротивления беглеца его парализовало. Он застыл на месте, с недоумением глядя на расплывающееся по штанине кровавое пятно.

Андрей снова поднял револьвер.

– Ты зачем в меня стрелял, гнида?

Вот идиот! Ему стрелять можно, а его жертве – нельзя! Привыкли к наглým наездам на торгашей или мирный люд, когда не получают отпора. Считают себя хозяевами жизни, а когда получают адекватный отпор, очень удивляются. Вроде уже минуло время лихих девяностых, когда сбившиеся в стаи, шайки и банды дебилы правили бал. Кто-то погиб в разборках, большую часть посадили. Верхушка, набив карманы, из малиновых

пиджаков и спортивных адидасовских костюмов выросла. Он надели более приличные костюмы, завели полулегальный бизнес вроде игровых залов.

Потом настало время, когда, отмотав срок, вышли «сидельцы». Но жизнь уже изменилась. Стало безопаснее и выгоднее подкупить мента, взять в долю чиновника из мэрии, получать для своей фирмы госзаказы и без зазрения совести «пилить». Вышедшие из мест лишения свободы теперь стали на подхвате у бывших дружков, успевших подняться, обрасти загородными домами и подругами модельной внешности. Но суть их осталась звериной. Для черной работы, для запугивания конкурентов нужны были такие, как Штырь и этот, что стоял сейчас перед Андреем.

Бандит побледнел, выронил пистолет, покачнулся и внезапно рухнул. Андрей выждал минуту – бандит не шевелился. Наверное, шок.

Он подошел, подобрал пистолет упавшего. Бандюган ведь может очнуться, пальнет со злости в спину.

Далеко позади затрещали кусты. Это ломился Штырь, пришедший в себя после удара Андрея. Он выскочил к Андрею, увидел лежавшего без чувств своего подельника и Андрея с пистолетом в руке.

– Ты зачем моего лучшего кореша замочил? – заорал он.

Глаза Штыря налились кровью, вид был ужасен. Выхватив из кармана нож, он медленно пошел на Андрея, явно пытаясь испугать его. Вот дурак-то! С ножом против пистолета!

Андрей стоял не шевелясь. До него оставалось метров пять, когда Штырь бросился на Андрея, сделав перед собой взмах рукой с зажатым в ней ножом.

Андрей отскочил назад и выстрелил из револьвера в руку. Однако рука с ножом прошла мимо, открыв правый бок бандита. Туда и угодила пуля. Штырь упал, и его рубашка с правой стороны сразу окрасилась кровью, причем почти черной. «Блин, в печень попал, не жилец Штырь!» – подумал Андрей и испугался. Мало проблем с золотом, так теперь на нем убийство будет. Попробуй докажи, что это были бандиты, что его похитили из дома, что в него стреляли. Один доживает последние минуты, второй с ранением лежит в отключке...

Однако каждый из нас, мирных обывателей, смотрит кино и телесериалы, читает книги. И оказывается, если припрет, мозг начинает вытаскивать на свет божий то, что, казалось, совсем забыл за ненужностью.

А кто сказал, что он здесь был и стрелял? Только водитель джипа, но он не видел, как стрелял Андрей. Тогда надо симитировать взаимную драку бандюков. Не поделили что-то, и один убил другого. Симитировать-то

можно, но останутся его следы от обуви – это раз. Два – водитель джипа. И третье – кто-то же посылал за ним этих уродов и знает о его существовании. Вот это он попал!

Штырь захрипел, дернулся и затих. Отошел в мир иной.

Андрей на пару минут впал в ступор. Убил, как есть убил! Он отошел в сторону, мысли метались в голове. Надо бы узнать, кто устроил за ним охоту. Зачем – это понятно. Надо знать, кто жаждет получить золото.

Он ткнул раненного в ногу бандита. Тот застонал, открыл глаза и повел мутным взором. Потом увидел Андрея, и взгляд его стал осмысленным.

– Ну, гад, сучий потрох, тебе конец!

– Ой, как я испугался!

– Штырь придет – испугаешься.

– Поверни голову – Штырь уже здесь.

Бандит повернул голову, увидел Штыря и искренне удивился:

– Это ты его?

– Нет, ты. Из своего пистолета. – Андрей, естественно, врал, но мертвый Штырь – это серьезно. – Кто тебя послал?

– Не скажу, мне язык отрежут.

– Я не варвар, язык отрезать не буду – просто застрелю. Вы же повздорили в лесу, друг друга перестреляли. Как тебе такой расклад?

– Сволочь!

– Смотря с кем сравнивать. Мне некогда, водитель уже соскучился. Считаю до трех, не скажешь – стреляю. Раз! – Андрей помолчал. – Два! – Он взвел курок револьвера и отошел к убитому Штырю. – Три! – Андрей поднял револьвер.

– Если скажу, оставишь в живых?

– Так торопись!

– Это не наши дела, из Питера звоночек был – потрясти лоха и забрать у него рыжье. Добыча – пополам.

– Это мне и без твоих слов понятно. Кто он? И где живет?

Раненый неожиданно заорал:

– Ничего не скажу! Хоть режь!

Перемена в поведении была столь резкой, что Андрей понял – сзади кто-то есть. Прогнувшись, он бросился в сторону.

На то место, где он только что стоял, со стуком упала бейсбольная бита. Не сама упала – ее швырнул водитель, тот самый Лысый. И ведь подобрался тихо. Увлеченный разговором, Андрей совсем не контролировал обстановку вокруг и без малого едва не поплатился.

Лысый развернулся и, подняв биту, снова бросился на Андрея. Но он

не заметил в его руке револьвера.

Андрей вскинул руку и нажал на спусковой крючок. Сухо треснул выстрел.

Пуля угодила Лысому в переносицу. Он по инерции рухнул на Андрея, едва не задев битой.

Андрея затрясло. Какой кошмар! Хуже любого детектива в кино!

Раненый уже отошел от шока и сел, опираясь на руки.

– Тебя же братва на ленты порежет! – завизжал он.

– Сначала я тебя! Кто?

– Накося! – Бандит вывернул Андрею фигу.

Два трупа на нем уже есть, и он без колебаний убил бы и третьего бандита. Но они на него нападали, он защищался. А стрелять в раненого, сидящего на земле? Как-то с души воротило. И оставит он его в живых – проживет недолго. Вот ведь дилемма!

Андрей подошел к водителю, обыскал его, достал из кармана портмоне и ключи от машины. Потом обыскал Штыря. Никаких документов при нем не было, но в кармане пиджака Андрей нашел пачку денег, российских рублей. Он сунул их в карман своей куртки.

– Мародер! – прошипел увидевший это бандит.

– Кто бы говорил! Вы сами ко мне зачем пришли? Я вас не звал!

Знать, кто из местных воротил подослал к нему бандитов, было для Андрея жизненно необходимо. Иначе они нанесут удар неожиданно, подстерегут на улице или в другом месте.

– Последний раз спрашиваю – кто вас послал?

– А не пошел бы ты...

Выбора у Андрея не было. Оставлять свидетеля было нельзя, и даже не для ментов – для бандитов. Рано или поздно тела обнаружат, и будет следствие.

Он поднял револьвер. Бандит закричал, предчувствуя близкую смерть, и в этот момент Андрей выстрелил ему в голову.

Блин, вот это он наворочал дел – три трупа! Раньше чужую авторучку взять не мог, ни в каком криминале замешан не был, а тут – мокрое дело, да еще сразу три человека. Пусть бандиты, но люди. Хотя, наверное, все-таки нелюди. И ему было их не жаль. Он жалел себя, потому что уже понятно было, что теперь жизнь пойдет не так, как прежде – налаженно и спокойно. Она уже разделилась на «до» и «после».

Хоть и противно было, но Андрей обыскал карманы убитого – там могли быть документы, какие-то бумаги – то есть зацепка для него. Но в карманах было пусто. Надо было думать, как обставить побоище в виде

взаимной бандитской поножовщины с перестрелкой.

Андрей достал из кармана платок и тщательно протер револьвер. Все равно в нем остался один патрон, и новых не найти – редкость теперь нагановские патроны. К тому же ствол «грязный», на нем три трупа, и носить при себе такую улику – непростительная глупость.

Держа револьвер за ствол через платок, Андрей вложил его в руку убитого и сжал кисть, чтобы на рукоятке остались отпечатки. Если будут делать экспертизу, на коже есть следы пороха – он же в него стрелял из пистолета.

Нож валялся рядом с рукой Штыря. Андрей его не касался, как и бейсбольной биты Лысого. А уж что они там не поделили, почему повздорили – пусть оперативники гадают.

В кармане Штыря зазвонил мобильник. Черт, ведь Штырь сказал, что его взяли. Правда, он не называл ни имени, ни фамилии – наверное, знал, что весь разговор записывается.

Остается машина. Она стоит на дороге, и по ней бандитов найдут быстро. Угнать ее и бросить где-нибудь нельзя, сразу станет ясно, что, кроме этой троицы, был еще человек. Андрей попытался вспомнить, брался ли он за ручку дверцы? Нет, отпечатков остаться не должно. Шедший впереди Штырь открыл дверь, Андрей сел в машину, а бандиты уселись с обеих сторон. Они дверцы и закрывали. А потом на лесной дороге открывали. Стоп! Он опирался на дверь, когда бил Штыря – на наружную поверхность.

Андрей осторожно вышел к дороге. Вот и джип стоит – метрах в пятидесяти.

Скрываясь за деревьями, он подошел к машине, оглянулся. Никого не видно, не слышно шума мотора. Андрей подскочил к джипу и платком вытер дверь – именно ту, заднюю. Все, можно уходить.

Он так же по леску вышел к трассе и немного прошел вдоль дороги, идя по лесопосадке. Береженого бог бережет, а небереженого караул стережет. Поговорка как раз к месту.

Голова раскалывалась от мыслей. Кто из местных связан с питерцами? И еще. Допустим, он узнает – что это ему даст? Питерские могут приехать снова, им же не надо отрываться с работы, да и в деньгах они так не ограничены, как простые работяги. Получается, вся его стрельба, все попытки вырваться – зря? Стоп! Ведь у мента, которого он так неосторожно впустил в квартиру, было удостоверение – Санк-Петербургское управление УВД. Но мент никаких бумаг не заполнял, не отвез его в местное отделение полиции – просто сказал браткам.

Купленный мент!

Андрей постучал себя по карманам. Господи, да тут пистолет «ПМ» этого бандита, что в него стрелял. Избавиться от оружия или оставить? Неужели бандит настолько глуп, что таскал за собой засвеченный в преступлении ствол? Кроме того, Андрею самому сейчас нужно оружие.

Он отщелкнул магазин. Там медным блеском лоснились четыре патрона. Еще один должен быть в стволе. Андрей отвел затвор, успел поймать в руку выпавший патрон и поместил его в магазин. Спустив курок, он поставил пистолет на предохранитель и защелкнул магазин в рукоять. Ха! Да номера на пистолете спиленные, стало быть – он украден где-то. Андрей сунул пистолет в карман и извлек оттуда пачку денег, которую он забрал у бандита. Пачка тысячерублевых купюр была перетянута узкой резинкой. Андрей вытащил одну бумажку. Когда его выводили из квартиры, своих денег, как и портмоне, при нем не было – не смог взять. А теперь есть деньги добраться до дома.

Вернуть бы все назад, когда они с Павликом и Александром ехали на охоту. Знать бы, что все так получится, он не только золото в руки не взял бы – к самолету бы не подошел. Вот приедет он домой – а дальше что?

Андрей вышел на трассу и остановил попутную машину:

– К железнодорожному вокзалу.

– Пятьсот.

– Годится.

На площади перед вокзалом он вышел, расплатился с водителем и «маршруткой» добрался до дома. Здесь осмотрелся. Незнакомых автомобилей и праздно болтающихся людей не было видно.

Андрей зашел к себе в квартиру и заперся. Улегшись на диван, стал размышлять. Идти в полицию ему не хотелось, там мог быть другой продажный мент, купленный бандитами. В ФСБ? Золото придется сдать. Черт с ним, жизнь дороже. Примут, поблагодарят, спросят – где взял? Ах, в самолете, да еще и с друзьями поделился? А что же друзья золотишко-то не несут? Ай-яй-яй! Нехорошо! Пройдемте-ка к вашим друзьям. И про убитых бандитов им не расскажешь. Убил? Извини, парень, в тюрьму! И сколько наш «гуманный» суд даст, столько и придется посидеть. Идти к бандитам сдаваться, прихватив с собой золото? Тогда зачем братков убил? За «мокруху» спросят по полной. Даже если он продаст машину и квартиру, ему не откупиться. Переехать в другой город? Его купленный мент на раз-два вычислит по документам. Поменять документы? Так нет у него таких знакомых, чтобы обзавестись фальшивыми документами. Да и какая жизнь с фальшивкой? Опытный мент ее распознает сразу. Куда ни кинь, всюду

клин.

Андрей заметался по квартире. Ну должен же быть хоть какой-то выход? Или рвануть за границу, на ту же Украину? Денег на первое время хватит: вырученные за продажу золота в Питере плюс почти сто тысяч, изъятые у Штыря. Только золото перепрятать надо. Если в гараже искать тщательно, найти можно.

Андрей был в полной растерянности. Что делать в таких случаях?

В пустой квартире резкой трелью зашелся городской телефон. Брать трубку или нет? Пока он стоял в нерешительности, телефон звонить перестал. Черт, он же давно хотел купить телефон с определителем. Все руки не доходили, а вот сейчас как бы он пригодился!

Внезапно ему в голову пришла мысль: какая заграница, какая Украина? Надо ехать в деревню, к тому деду Никифору, там днем с огнем никто никого не найдет, если только никто участковому не пожалуется на пьяные дебоши или еще что-нибудь.

Решив так, он повеселел. Самое трудное – принять решение. Когда поставлена задача, исполнить проще. А пока там будет, придумает что-нибудь.

Андрей пошел в магазин и купил консервов. Даже рюкзак собрал: вещи, консервы. Постоял, решая – брать ружье или нет? Все-таки решил взять. Бросил в рюкзак две коробки патронов с картечью – с такими на волков охотятся. У него враги двуногие, но картечь в самый раз будет. Впрочем – о чем это он? Встречаться с бандитами он не собирался. А ружье – на всякий случай, опять же для деда Никифора отговорка: вроде на охоту приехал, понравилось в их краях. Охота ему и в самом деле понравилась: места дикие, дичь непуганая. Это в центре России на одного зайца по пять охотников приходится.

Андрей закинул за спину рюкзак, на левое плечо – ружье в чехле. Выйдя на площадку, запер дверь и отправился на вокзал. Путь был ему уже знаком.

С черным джипом, въехавшим во двор его дома, он разминулся на пять минут. Браток, выскочивший из машины, взбежал по лестнице и позвонил в квартиру Андрея. Потом пнул пару раз дверь и взялся за телефон.

– Нет его в квартире.

Запрыгнув в джип, браток умчался.

Андрей же доехал до вокзала, купил билет и сел в поезд. Мерно стучали колеса, и его сморил сон.

В Москве он сделал пересадку и продолжил путь.

Через два дня Андрей подходил к деревне. Как недавно он был здесь с

друзьями, предвкушая отдых и охоту. И как переменилась его жизнь!

Дед Никифор удивился неожиданному гостю, но был рад:

– Это хорошо, что ты приехал. Воздух у нас чистый, охота знатная. Живи, сколько хочешь: комната свободная, ты нас не стеснишь. А Паша и друг его что же не приехали?

– Дела у них, – соврал Андрей.

И Паша и Александр вообще не знали о злключениях Андрея и о его поездке к деду.

По мобильному телефону Андрей отзвонился родителям, но о том, что он в Пермском крае, не сказал ни слова. Так, легкая трескотня о жизни. Не знал он, что оператор сотовой связи, получив сто баксов, определил номер и местонахождение абонента.

Полученный ответ бандитов удивил. При чем здесь Пермский край? Насколько они успели собрать об Андрее возможные сведения, родственников у него там не было. Однако, получив сведения о местонахождении Андрея, босс местной мафии воспрял духом. Все складывалось как нельзя лучше. Золотишко-то было из тех, уральских краев. Не иначе этот лох рванул за золотом. Надо дать ему время, пусть купит, сворует или сам намоет золото. А может, достанет из тайника. Босс не знал, как досталось золото Андрею, но он решил послать туда пятерых «быков» из бригады: пусть присмотрят за парнем, а если он добудет нужный груз, то и отберут его. Им золото нужнее, а работяге оно зачем? А самого можно там же и замочить. Это даже неплохо, что он в глухих краях. Сгинул человек в лесах, собирая ягоды или грибы, утонул, медведь задрал, в конце концов, деревом привалило – да мало ли в тайге опасностей?

Братки полученному заданию удивились – сроду они не получали приказа ехать в глухую тайгу. Жители они были чисто городские, яшень от березы отличить не могли.

Для мобильности выехали на джипе. А кроме того, любое передвижение на поезде или самолете оставляло следы. Билеты продавались по паспорту, данные заносились в компьютер. Бандиты ехали в полной уверенности, что предстоит легкая прогулка. Попьют водочки вдали от начальства, понаблюдадут за лохом, а потом отберут груз. Что они должны были у него забрать, знал только их старший по кличке Гвоздь, сидевший рядом с водителем. Ввиду возможных проверок пистолет был только у него, да и то припрятан в машине. Остальные надеялись на физическую силу и психологическое давление. Рожи у всех были устрашающими, а мозгов хватало только на то, чтобы есть, выпивать и запугивать мелких торговцев. По их выражению, работать им было «в

падлу». Куда интереснее покуражиться над человеком, избить, зная, что не получишь должного отпора – ведь бандюки всегда ходили на разборки только с численным преимуществом. Один на один – это уже не для них.

Они остановились в соседнем селе и упростили одинокую старушку взять их на постой, дав авансом тысячу рублей – большие, по сельским меркам, деньги.

Утром старший, взяв с собой Шкета, направился к соседней деревне, где, по их сведениям, должен был находиться лох. Свое погоняло Шкет получил за малый рост и внешность подростка. Окружающие не принимали его всерьез. Сами же бандиты знали, что Шкет коварен, жесток и злопамятен.

Старший группы имел только устное описание «объекта» – возраст, рост, цвет волос, – достать фотографию в Пешке они не успели. Ну да деревня – не город с миллионом жителей, и потому, поплутав немного, они вроде выпросили у деревенских, как пройти-проехать.

– Вон туда и не сворачивайте.

А грунтовка то сходилась, то расходилась, никаких указателей не было, и дороги выглядели одинаково – поди догадайся, какая им необходима.

Однако же деревню они отыскиали. Домишки в ней были старые, как и жители.

– Эх, ни одной девки! – посетовал Шкет.

– Тебя сюда не девок щупать прислали. Затихарись и смотри. Как молодого парня увидишь – это наш.

– Может, схватить да попытать? Не выдержит, расколется – зуб даю.

– У тебя одни вставные! – засмеялся Гвоздь. – Делай, что велено.

Для бандитов потянулись нудные, скучные дни. Ни девок, ни ночных клубов, ни выпивки. Не сказать, что Гвоздь ввел сухой закон, вечерами они выпивали. Но пошуметь, покуражиться – ни-ни! Привыкшие к жизни динамичной, шумной, с выпивкой и драками, бандиты не знали, как провести время. Телевизор у бабки был старый, черно-белый еще, и показывал всего два канала, а читать никто из них не любил. «Глаза только портить!» – говорили они.

Оставались карты. Пока один наблюдал за Андреем, другие с утра до вечера резались в подкидного. Проигрались почти все, да через неделю уже и карты надоели.

А их будущая жертва вела себя смирно. Никаких связей с посторонними замечено не было, сам Андрей никуда не выезжал. В лес выходил пару раз с ружьем, но не охотился – просто бродил. Державшие его в отдалении Хрюн и Мизер за день умаялись, пройдя километров

пятнадцать пешком по лесу. К вечеру они едва добрались до съемной квартиры.

– Этот гад просто двуличный. Идет и идет себе, как заведенный. Ноги ему переломать надо!

– Попробуй только, я тебе сломаю! – пригрозил Гвоздь.

Привыкшие к городской жизни и комфортабельной машине, бандюганы разъезжали на колесах, хотя идти было недалеко. Ноги-то не казенные – свои, да и для форсу бандитского.

На следующий выход в лес Андрей обнаружил за собой слежку. Сначала показалось – случайность, мало ли кто в лесу находиться может? Но человек следовал за ним в отдалении, не отставал и не приближался. Андрей направился к озеру, он – за ним. И ладно бы шел скрытно – а то ведь топал, ломал сучья и иногда матерился, спотыкаясь. Это не «топтун» из ментовки.

Андрей решил узнать – кто он такой и зачем следует за ним? Мелькнувшую было мысль о бандитах отверг: никто не знает, где он, – ни родители, ни друзья. Может, беглый зэк? Все-таки Северный Урал изобилует лагерями.

Он зарядил ружье, улегся в небольшую ложбинку и набросал на себя травы, веточек, упавших листьев. Его охотничий костюм, почти как армейский маскировочный, делал его на фоне земли почти невидимым. Костюм он купил год назад, американский, не промокает под дождем и ветром не продувается; легкий, и расцветка так называемая «цифровая».

Через несколько минут из-за деревьев вышел преследователь. То, что он из бывших зэков, Андрей понял сразу. Бросались в глаза татуировки на пальцах в виде перстней. Парень был сутулым, походка приبلатненная. Но вот насчет беглого – это вряд ли. Одежда цивильная – не роба тюремная, по размеру подобрана и на фигуре обмята. Парень растерянно оглядывался по сторонам. Как же: был человек и внезапно исчез – как провалился.

Незнакомец подался влево, потом вправо, потоптался на месте. Потом вытащил из кармана мобильный телефон. Вот чудак-человек! Они от деревни отошли на десяток километров. В деревне сигнал слабый, связь периодически пропадает, а он хотел из тайги связаться. Здесь нет вышек сотовой связи, и мобильник бесполезен. Андрей сам в этом убеждался, неоднократно.

Незнакомец повернулся, явно собираясь уходить.

Андрей поднялся из своего укрытия.

– Ты не меня ли ищешь?

Его голос поразил незнакомца. Тот вздрогнул и резко повернул голову.

Взгляд его Андрею не понравился: нахальный, злобный, с наглостью и презрением к окружающему миру.

– А зачем ты мне?

Андрей засмеялся. Тайга – не город, где можно встретиться случайно.

– Ты мне голову не морочь! Зачем полдня за мной ходишь?

– А не пошел бы ты, чмо!

Андрей опустил стволы ружья и нажал на спусковой крючок. Сноп картечи лег у самых ног нахала. В испуге тот подпрыгнул.

– Осторожнее! Что, сдурел?

– Еще одно грубое слово, и второй выстрел будет в твою башку.

Андрей пугал – убивать незнакомца он не собирался. А преследователю его никто не сказал, что трое бандитов уже мертвы – те, кто со Штырем были. Потому он угрозу всерьез не принял.

– Ты чего такой борзый? – спросил бандит Андрея.

– Личико твое мне не нравится, а еще то, что ты следишь за мной.

– Что хочу, то и делаю, – начал хамить Андрею преследователь.

– Раздевайся – догола!

– Гоп-стоп? – удивился преследователь.

– Можешь и так считать.

– У меня при себе денег нет, только часы и мобильник.

– Все снимай.

– Не буду.

Андрей приподнял стволы и нажал на спуск. Картечь сорвала листья с ветки и кору с дерева буквально в полуметре от головы незнакомца. На этот раз его проняло.

– Ладно, ладно, уже! – Он стал снимать ветровку, рубашку, расстегивать брюки. Когда он стянул их до колен, Андрей переломил двустволку, и гильзы выбросило эжектором. Он загнал в патронник новые патроны, и ружье снова было готово к стрельбе.

Незнакомцу надо было броситься на Андрея сразу, после второго выстрела, когда ружье было разряжено. Но он сначала растерялся, а потом стал стягивать брюки, и возможности уже не было.

Когда он разделся полностью, Андрей повел стволами:

– Отойди.

– Туфли-то мне можно обуть? Колется!

– Обувай.

Незнакомей отошел от одежды на пару шагов.

– Дальше, на десять метров!

– Ты прямо как конвойный...

– Перебьешься!

Андрей быстро ощупал одежду. Оружия у незнакомца не было, и он отошел в сторону:

– Одевайся!

– Мог бы ошмонать не раздевая.

На спине, груди, плечах и бедрах незнакомца были многочисленные синие татуировки. И не модные среди глупой молодежи всякие иероглифы или тигры с дельфинами, а «Не забуду мать родную» и прочее в таком же стиле.

Когда незнакомец оделся, Андрей приказал ему:

– Садись.

– Присаживайся, – поправил его незнакомец. – Сидеть не хочу.

– Ты кто такой?

– Человек.

– Имя, фамилия, где живешь и зачем за мной следишь?

– Какой любопытный!

– Ты будешь говорить?

– Нет.

– Как хочешь.

Андрей достал из кармана моток веревки. После нелепого случая, когда он угодил в яму, кусок веревки на охоту брал всегда. Кабы не веревка, он тогда не выбрался бы.

Незнакомец забеспокоился:

– Эй, ты что задумал?

– Говорить ты не хочешь, вот я и повешу тебя на ближайшем дереве.

– Шутишь?

– Кто тебя в тайге найдет? Ну, может, скелет, лет эдак через двадцать.

– Ах ты гад! – Незнакомец вскочил и в истерике рванул на груди рубаху – только пуговицы отлетели. – Стреляй! Смелый с ружьем против безоружного!

– Руки давай назад, я свяжу.

Нехотя, делая вид, что подчиняется только силе оружия, незнакомец повернулся к Андрею спиной и скрестил на спине руки. Андрей связал ему их, подергал.

– Так и будешь вести? – насмешливо спросил его незнакомец.

– Много чести! Подойди к дереву!

Незнакомец стал дергаться и попытался пнуть Андрея ногой. Тот не сдержался и отвесил ему плюху кулаком по уху. Незнакомец упал.

Отложив ружье, Андрей подтащил его за руки к дереву и обмотал

веревку вокруг ствола.

– Эй, я не понял – ты что задумал?

– Посидишь тут, пока говорить не захочешь.

– Не захочу.

– Тогда я завтра приду.

Незнакомец задергался:

– Эй, а вдруг медведь пожалует?

– Он хозяин тайги. И потом, чему быть – того не миновать. Я думаю, у тебя слюна ядовитая, отплевываться будешь.

Андрей отошел на десяток метров, определил и засек в памяти навигатора местонахождение оставленного в лесу мужика. Завтра надо будет к нему наведаться. Оголодает, комары ночью спать не дадут, кровушки попьют вдоволь, глядишь – разговорчивее будет.

Андрей привязанного не жалел. По жизни он был добрым и отзывчивым, а после того как бандитов жизни лишил – хоть и в порядке самообороны, в душе что-то изменилось. Он стал осторожнее, жестче – даже злее. Сам себе порой удивлялся.

Вернувшись к деду Никифору, он пообедал, хотя по времени был уже ужин, и прошел к себе в комнату. Не нравилась ему эта встреча в лесу, что-то насторожило в слежке.

Он открыл рюкзак и достал оттуда пистолет, отобранный у бандитов. Хоть и было в нем всего четыре патрона, но выручить при необходимости сможет. Теперь в лес надо ходить с ружьем. Он наполнил из коробки с патронами патронташ. Позвонить бы Пашке и Саше, но после сегодняшней встречи он поостерегся.

На следующий день Андрей плотно позавтракал, прихватил с собой пару ломтей деревенского хлеба, вареных яиц, огурцов. Самому подкрепиться можно и пленника покормить. Уже выйдя из дома, он спохватился, что не взял воды. «Ладно, в тайге ручьев полно, напьюсь», – решил он.

Андрей шел ходко, целеустремленно, километра три-четыре не оборачивался. Потом зашел за толстое дерево, выглянул с другой стороны ствола и едва не взвыл от досады: за ним, мелькая между деревьями, шли два человека. Судя по походке – молодые, таких в деревне не было. Идут искать своего товарища, не вернувшегося вечером? Или за ним? Если за ним следят, то с какого момента? В деревне деда Никифора он их не видел, как и автомашин. Надо проверить.

Быстрым шагом, почти бегом Андрей направился к распадку. Нашел на дороге ветку-рогулину, для задуманного – в самый раз. У дерева на

склоне он воткнул в землю рогулину острым концом, скинул и нацепил на две ветки ветровку. Сверху шляпу охотничью нацепил. Издалека вся конструкция очень напоминала сидящего человека. Сам отбежал в сторону, залег с ружьем и снял его с предохранителя.

Через несколько минут показались преследователи. Один из них был маленького роста, второй – среднего. Оба запыхались: спортом они явно не занимались, и ходьба их утомила. Вроде разные, и в то же время что-то у них было общее: то ли манера ходить, то ли выражение лиц – Андрей так и не смог сразу определить.

– Стой! – вдруг сдавленно произнес маленький. – Вон он сидит!

– Отдохнем хоть, совсем загнал.

Оба рухнули в траву, отдышались. Один достал из пачки сигарету.

– Ты чего, сдурел? Он же дым учуять может!

– Тьфу ты, что за жизнь! Даже покурить нельзя!

Андрей лежал в двадцати метрах от преследователей и слышал весь разговор, хотя приходилось напрягаться.

Четверть часа ничего не происходило, затем маленький сказал:

– Чего он не шевелится?

– Откуда я знаю, пойдی спроси!

– Ты побудь здесь, а я сбоку зайду.

Маленький, укрываясь за деревьями, перебежками зашел сбоку приманки-чучела, сделанного Андреем. Потом махнул рукой:

– Заноза, иди сюда! Облапошил он нас: куртку оставил, а сам исчез.

Заноза не смог скрыть досаду:

– Упустили! Говорил же Гвоздь – глаз не спускать! Что мы теперь ему скажем?

– Подожди, давай попробуем поискать.

– Ты что, собака-ищейка?

– Он не мог далеко уйти!

Андрей уже понял, что следят именно за ним. Если вчерашний незнакомец из их компании, то получается трое. Да еще Гвоздя какого-то упоминали – уже четверо. Надо решать и решать сейчас, иначе они проследят за ним до деда Никифора, а вмешивать в свои дела еще и гостеприимного деда Андрею совсем не хотелось.

Андрей встал за спиной бандитов – в том, что они бандиты, он уже не сомневался. Во-первых, нормальные граждане не имеют кличек вроде Штыря или Гвоздя, а во-вторых, если они не бандиты, то к чему слежка?

– Руки вверх!

От неожиданности бандиты сначала замерли, а потом бросились в

сторону. При этом один сбил другого с ног, и оба упали.

– Попробуетесь бежать – застрелю.

Лица у бандитов сначала стали сконфуженными, а потом злыми.

– Мужик, мы тебя в упор не знаем, не трогаем – иди своей дорогой.

– И вы случайно шли за мной почти полтора часа?

– Заблудились! Видим – человек впереди идет, мы за ним.

– Я в сказки не верю. Раздевайтесь!

– Э, ты чего?

Андрей выстрелил под ноги бандитам.

Шкет сразу понял, что лучше подчиниться. Суется, он снял с себя все, оставшись в одних трусах.

– Отойди в сторонку.

Шкет отошел. Наступив босыми ногами на сосновую шишку, он вскрикнул.

– Тебе ноги прострелить или башку? – сказал Андрей второму.

Иногда человеку важно видеть перед собой пример. Коли Шкет разделся, то и Заноза решил не кочевряжиться. Тем более когда черные дыры двустволки глядят тебе прямо в грудь. Он споро разделся и отошел к Шкету.

Андрей подошел к лежащей на земле одежде и прощупал ее. Твердых предметов вроде ножа или пистолета не было.

– Одевайтесь.

Оделись они быстрее, чем раздевались.

– Ремни брючные снимите.

Бандиты сняли ремни.

– А теперь лечь на живот и руки назад.

Он стянул обоим кисти рук их же ремнями.

– Можете сесть, если пожелаете.

Сам же, почувствовав себя в безопасности, снял с рогулек куртку, шляпу и оделся.

– Вот теперь поговорим. Кто такие, зачем за мной шли?

– Мужик, меньше будешь знать – дольше проживешь! – скептически скривился Заноза.

– Мы в тайге. Сейчас вас обоих ухлопаю – и все дела. Трупы ваши звери сожрут. Обглодают до костей, а может, и кости растащат.

– Не по закону! – взвизгнул Шкет.

– О законе вспомнил? Ты сколько раз на зоне сидел? А попал туда за законные дела?

– Воспитывать хочешь?

– Нужны вы мне больно! Так: фамилии, откуда сами и зачем за мной шли?

– Пошел бы ты! – Шкет сплюнул.

– Не хотите говорить – сдохнете безымянными, как ваш поделщик вчера.

Оба бандита переглянулись, в глазах метнулся страх. Ага, он угадал! Вчерашний типчик из их компании.

– Ты его что... застрелил? – осипшим голосом спросил Шкет.

– Зачем патроны переводить? Повесил! – спокойно ответил Андрей.

– Повесил? – хором переспросили бандиты.

– Ну да. Веревку через сук – и вздернул. Напоследок, правда, успел кое-что наболтать, да уже поздно было, рассердил он меня!

– Хрюн может, – поддакнул Шкет.

– А теперь говорим. Кто скажет первым и все, останется жить, второго повешу, – Андрей для убедительности достал из кармана веревку. Моток после вчерашнего происшествия уменьшился.

Некоторое время посидев молча, Андрей начал делать из конца веревки петлю со скользящим узлом. Потом подошел к раскидистому дубу, перекинул свободный конец веревки через толстую ветку, подергал.

– Выдержит, – сказал он, ни к кому не обращаясь, как будто бы для себя, но так, чтобы его слышали.

Он подошел к бандитам.

– Вставай, пошли, – он ткнул стволом ружья Шкета в спину.

– Почему я? – Шкет истерически закричал.

Приготовления Андрея, спокойные и размеренные до такой степени, как будто он этим занимался не раз, испугали его. Что за человек Андрей, он не знал. И кто знает его, этого чокнутого, может, он маньяк и садист? А умирать ой как не хотелось! Он, Шкет, привык сам измываться над жертвами и примерить на себя мучения и смерть был не готов.

– Потому что молчишь.

– Мы из Рязани, – начал Шкет.

– Я знаю. Дальше.

– У меня погоняло – Шкет, у этого – Заноза.

– Дальше, не молчи. Чем дольше петля будешь, тем дольше проживешь.

Сколько вас?

– Пятеро.

Заноза пнул его ногой.

– погоди маленько, Шкет, тебе мешают. Вставай, – Андрей слегка толкнул ногой второго бандита.

Тот с трудом поднялся.

– Пошли.

Андрей подвел Занозу к дубу, накинул ему на шею веревку и взялся за свободный конец.

– погоди! – От испуга глаза Занозы вылезли из орбит.

– Гожу и слушаю.

– Нас пять человек послали. Старший – Гвоздь, с ним еще остался Мизер.

– Маленький, что ли?

– Нет, в карты играет классно.

– Задача?

– Какая?

– Ты что, debil? Какая перед вами была поставлена задача?

– За тобой следить. Если груз получишь, отобрать.

– Какой груз?

– Это только Гвоздь знает, мы не при делах.

– Отберете и дальше?

– В Рязань его доставить.

– А со мной?

Бандит пожал плечами.

– Кто в Рязани задание вам давал?

– Ей-богу не знаю, только Гвоздь в курсе.

– Ты про бога-то не вспоминай. Думаю, за дела твои ночные ты не в рай попадешь. Где вы остановились?

– В соседней деревне. Там у дома джип стоит, номера рязанские. Дом у бабки снимаем.

– Оружие есть?

– У Гвоздя волына.

Теперь Андрею становилась ясна расстановка сил, и он задумался. Что делать с этими двумя? Отпустить? Так они сразу к этому Гвоздю побегут и все расскажут. Тому, понятное дело, это не понравится, и не позднее вечера он пожалует к деду Никифору.

– Где я живу, знаете?

– А как же, первым делом узнали.

– Как вычислили, что я здесь?

– Точно не знаю, Гвоздь говорил – по мобильнику.

Андрей чуть не застонал. Один-единственный звонок он сделал родителям и прокололся! Вот идиот! Надо было другую симку купить!

Он примотал свободный кусок веревки к суку.

– Ты пока постой, не уходи.

Бандит дернулся. Куда ему было идти со связанными руками и петлей на шее?

Андрей вернулся к Шкету. Тот разговора не слышал, но видел своего подельника с веревкой вокруг шеи.

Пока Андрей шел к Шкету, в голове у него родилась идея не отпускать их. В его руках уже трое, отпустит он их – придется воевать одному против пятерых. Расклад не в его пользу, поэтому незачем усиливать вражескую команду.

Шкет смотрел на своего подельника, не отрываясь.

– Не нагладишься? Все рассказывай, не то на другом конце веревки висеть будешь.

– Я все сказал.

– Кто в Рязани Гвоздя посылал?

– Я толком не знаю.

– Тогда вставай, пошли к Занозе. Вдвоем вы красиво смотреться будете.

– Погоди, погоди, я вспомнил. Кажется, у него строительная фирма.

– Какая?

– Не знаю, я там всего раз и был. На Ленина, в самом начале.

– Название?

– Мудреное какое-то – вроде «Орлан» или «Орион». Точно на «О».

– Ты его видел?

– Мельком. Средних лет, лысоватый, с брюшком. При галстукке и на «мерине» ездит – на белом.

– Попробуй имя или фамилию вспомнить.

– Не знаю. К нему на загородную дачу только Гвоздь ездил.

– Это по трассе на Москву?

– Туда. Там направо еще поворот есть.

– Дачный поселок как называется?

– Не знаю. Дом у него в два этажа, из желтого кирпича.

– Еще какие-нибудь приметы есть?

– У мужика?

– У дома!

– Ворота коричневые. Когда мы подъехали, они сами распахнулись.

– Номер дома не запомнил?

– Не-а! Я с похмелья был, голова гудела, как улей. Все мысли были – поскорее похмелиться.

– Еще что знаешь?

– Вроде все.
– Гвоздь – он кто?
– Из офицеров. Из армии турнули за какие-то темные дела. Вроде бы со складов что-то продал – он не рассказывал.
– В Рязани где живет?
– На Юбилейной, пятиэтажка у гипермаркета.
– Знаю такой. Квартира?
– Двадцать шесть.
– Семья у него есть?
– Развелся, с «телкой» живет, но она не при делах.
– Сколько людей у вашего «строителя»?
– Вроде еще пять человек.
– Если у него свой бизнес, зачем вы ему нужны?
– Конкурентов запугивать и устранять. У него в мэрии кто-то есть, выгодные заказы ему отдает. Ну и проверяющих припугнуть, если дотошно во все дела лезть будут.
– Ясно.

Хотя сам так ничего и не понял. Ну, приклатненный бизнесмен, пилит с кем-то бюджет под прикрытием чиновника. Но при чем здесь Питер и золото?

– Хорошо, дарю тебе жизнь. Пошли.
Но когда Андрей повел его к дубу, Шкет уперся.
– Ты обещал мне жизнь.
– Я слово свое держу. Посидите пока здесь.
Он отвязал свободный конец, сделал из него петлю и накинул ее на шею Шкету.

– Садись. Оба садитесь. – Бандиты уселись на землю.
Веревка имела слабину. Можно было сидеть, встать – даже прилечь можно, но только одному. Чтобы лечь на землю обоим, длины веревки не хватало.

– Вы тут не скучайте, я вернусь.
– Не забудешь?
– Если меня Гвоздь не ухлопает.
Бандиты переглянулись. Андрей же, поглядев на навигатор, пошел к оставленному вчера Хрюну.

Вышел на него довольно быстро. Лицо парня было распухшим от укусов комаров и мошки.

– Зря молчал! Подельники твои все рассказали.
– Врешь, сука!

Андрей пнул его в бок.

– Еще раз обзовешь – пожалеешь.

Он развязал сзади веревку.

– Вставай.

Хрюн с трудом поднялся на затекшие ноги.

– Попить бы.

– По дороге попьешь. Может, тебе и штаны постирать? Подванивает от тебя.

Хрюн молчал, помня угрозу Андрея.

У ближайшего ручья Андрей остановился.

– Пей, я не изверг.

– Развяжи.

– Так напьешься. А не хочешь – пошли дальше.

Хрюн встал на колени, наклонился и стал жадно пить воду. Потом попытался встать, потерял равновесие и упал в ручей. Голова и плечи его оказались под водой. Ноги Хрюна задергались, он попытался повернуться на бок, чтобы глотнуть воздуха.

Андрей смотрел на его попытки и думал: «Помочь или пусть тонет?» Однако все-таки не выдержал, схватил Хрюна за шиворот и вытащил из ручья. Хрюн жадно хватал ртом воздух, а отдышавшись, спросил:

– Чего ждал?

– Думал, вытаскивать тебя или нет, – честно ответил Андрей.

– Не соврал.

– Жалко стало лишать тебя радостной встречи с друзьями.

– У меня здесь друзей нет.

– Ага, одни подельники вроде Занозы или Шкета.

Бандит дернулся.

– Не знаю таких.

Андрей отвечать не стал, вышел к распадку.

Хрюн, увидев бандитов с веревками на шее, остолбенел.

– Чего застыл? Шагай! – подтолкнул его сзади Андрей. – Сам сейчас так же сидеть будешь.

– Сука! Урод!

– Или висеть – я еще не решил.

Он подвел Хрюна к бандитам, посадил на землю, соорудил из обрезка веревки, которой был привязан Хрюн раньше, петлю и накиннул ее Хрюну на шею. Второй конец привязал к суку, к которому уже были привязаны Шкет и Заноза. Отошел, полюбовался.

– Святая Троица! Хорошо смотрите!

– Издеваешься? Ну-ну! Как Гвоздь тебя прихватит, пожалеешь. Мы тебя сами повесим.

– Да-да, поболтайте. Времени у вас теперь много будет. Если я Мизера и Гвоздя нейтрализую, будете жить, – Андрей повернулся к ним спиной.

– А если они тебя? – Вопрос прозвучал уже ему в спину.

– Сдохнете тут.

Андрею по-прежнему не было жалко бандитов. Они пришли по его жизнь, так пусть будут готовы отдать свою. Обмен равноценный.

Глава 3. Татары

До полуночи Андрей раздумывал, что предпринять. Перехватить бандитов у их дома? Нехорошо в деревне стрелять. Если деревенские и не пострадают, то разговоров все равно будет много. А учитывая, что сейчас у многих мобильные телефоны, могут и полицию вызвать. Стало быть, бандитов нужно выманить в лес. У Гвоздя пистолет, у него самого – ружье и пистолет. Но бандитов двое. Зато у него преимущество: он в лесу как в родном доме, к тому же навигатор – хороший подсказчик. И наверняка бандиты нервничать должны. Ведь уже трое из них ушли за Андреем в лес и не вернулись. Хуже будет, если Гвоздь по телефону вызовет подмогу. Они миндальничать не будут, избу деда Никифора штурмом, нахрапом возьмут.

Незаметно Андрея сморил сон.

Спал он беспокойно, мучили кошмары, и потому утром проснулся невыспавшийся и злой. Кое-как приведя себя в порядок, он выпил молока с домашним хлебом. Вспомнив о пленниках, сунул в карман большой кусок хлеба с горбушкой. Одевшись, проверил пистолет, заткнул его себе за пояс и добавил из коробки в патронташ патронов к охотничьему ружью. Закинув ружье за плечо, он вышел из дома. Сегодня должно многое решиться. Он бандитов одолеет, или они его – другого не дано. Пойти на переговоры, на перемирие с ними не удастся: бандиты уже потеряли своих людей, а золота не добыли.

Андрей шел не спеша, оставляя за собой следы на траве, густо покрытой утренней росой. В лесу уже должно быть прохладно ночью, да еще комары и мошка.

От деревни он отошел всего метров на триста, как услышал: за его спиной под чужой ногой сухо треснула ветка. Андрей прибавил шаг, понимая, что следом идут бандиты. Надо было увести их подальше от деревни, чтобы выстрелы не были слышны. Пальцем он снял пистолет с предохранителя.

Слева стоял здоровенный дуб. Андрей шагнул за него, сорвал с плеча ружье и осторожно выглянул.

К нему бежали двое, у одного в руке был пистолет. Это, должно быть, был Гвоздь.

Андрей подпустил преследователей метров на тридцать и выстрелил им под ноги. Оба бандита бросились в стороны, под защиту деревьев.

– Эй, не стреляй, давай поговорим! – закричал один из них.

- Давай! – отозвался Андрей. – Вы почему за мной идете?
- Где мои люди? – Это явно Гвоздь.
- Я им нянька?
- Нехорошо говоришь. Отдай, что тебе не принадлежит, и уходи.
- Почему ты думаешь, что у меня с собой что-то есть?
- А почему ты сюда, в глушь, поперся?
- На охоту.

Боковым зрением Андрей увидел движение справа от себя и резко повернулся. На него надвигался бандит с финкой в руке. Раздумывать было некогда, и Андрей нажал на спуск. Стрелял не с плеча – с руки, но дистанция была метра три-четыре, и промахнуться было невозможно. Заряд картечи угодил бандиту в живот, опрокинув его на спину. И тут же Гвоздь выстрелил из пистолета два раза. Но поскольку стрелком он был неважным, одна из пуль разорвала рукав на куртке, вторая впиалась в ствол дуба.

Сплоховал Андрей, поворачиваясь к бандиту, выставился немного. Провели они его. Пока один болтал, отвлекая его внимание, второй обошел сбоку. Но теперь переговоры закончились, Гвоздь остался один, и ему надо было как-то реабилитироваться перед своим бандитским начальством.

Андрей переломил двустволку и зарядил оба ствола.

– Мизер! – прокричал Гвоздь – ему хотелось знать, жив ли подельник.

– Готов твой бандит, можешь посмотреть! – злорадно отозвался Андрей. И тут же на него обрушился поток грязных ругательств.

– И остальные тоже убиты, не жди, – Андрей нагнетал обстановку. Когда человек нервничает, раздражен, ему не избежать ошибок.

В ответ – новый поток ругательств. Гвоздь сделал попытку перебежать за другое дерево, потолще. Андрей выстрелил, но картечь только ободрала кору. Видимо, насмотревшись голливудских фильмов, бандит вдруг упал на землю и стал отползать назад, непрерывно стреляя. Но боевого опыта у него не было, патроны он не считал. Пистолет выстрелил в последний раз, и затвор встал на затворную задержку. Этого момента Андрей и ждал, считая выстрелы.

Когда прозвучал восьмой выстрел и наступила тишина, он сделал шаг в сторону и выстрелил из ружья. В это время бандит лихорадочно менял пустой магазин на полный, и заряд картечи угодил ему в грудь. Пистолет выпал из рук Гвоздя, он уткнулся лицом в землю. Андрей перезарядил ружье – бандит мог прикидываться убитым.

Держа ружье на изготовку, Андрей осторожно подошел к Гвоздю. Вроде дышит. Ногой он отшвырнул оружие бандита в сторону и перевернул

его на спину.

Гвоздь был еще жив, изо рта тянулась вниз струйка крови. Он смотрел на Андрея, не мигая, и взгляд его был полон такой ненависти, что тому стало не по себе, мороз по коже продрал.

– Сволочь, – медленно, через силу выдавил из себя бандит и умер.

Вся грудь убитого была в кровавых отметинах. В одном картечном патроне семь картечин девяти миллиметров диаметром. Считай, автоматную очередь в грудь получил. Конечно, с таким ранением не живут.

Андрей горестно вздохнул. Найдя золото, он и не подозревал, какой ящик Пандоры открыл.

Он подобрал пистолет убитого и опустил себе в карман. Потом, хоть и противно было, обыскал его, нашел водительские права, ключи от машины и пачку денег. Все забрал себе. На чужом джипе можно доехать до ближайшей железнодорожной станции и бросить его там.

Он вернулся к первому убитому, Мизеру. Подобрал нож, сунул его в ножны и прицепил ножны к своему ремню – разбрасываться оружием не стоило. Карманы Мизера были пусты, исключая сигареты и зажигалку.

Андрей направился к пленным бандитам. Его занимала мысль: что делать с ними? Отпустить восвояси? Так рано или поздно они доберутся до Рязани, сообщат своему боссу о неудаче. Убить? Хватит уже крови, он не хладнокровный убийца. Защищать свою жизнь – это одно, а убивать безоружных? Дилемма перед ним встала в полный рост, и решать ее надо сегодня, сейчас.

Он задумался, сделал очередной шаг и угодил в бочажину, полную воды. От неожиданности ушел под воду с головой, достав ногами дна. Оттолкнувшись от дна, ухватился рукой за край. Как тут оказалась эта яма? Впрочем, этот лес он знал недостаточно хорошо.

Второй рукой он стянул с плеча ружье и выбросил его на землю. Края ямы скользкие, и первая попытка выбраться не удалась.

Вытащив из ножен бандитскую финку, он с силой, почти до рукояти вогнал лезвие в землю, подтянулся, закинул ногу за край ямы и выбрался. Вот ведь угораздило!

С одежды ручьями стекала вода. Андрей разделся донага, отжал одежду, вылил из ботинок воду. Его тут же облепили комары. «Ладно, попозже, на ходу обсохну», – решил он. Достал навигатор – надо было сориентироваться. Навигатор работал, хотя и побывал в воде, экран светился, но ничего не показывал. Андрей огорченно вздохнул. Видимо, вода попала в нежные электронные мозги гаджета.

Он осмотрелся. Странное впечатление создалось у него – лес сильно

поредел. Но Андрей четко помнил: когда он провалился в бочажину, вокруг была густая тайга. А сейчас – редкая роща. Полное ощущение, что он попал в другое место. И даже в другое время года! Листья на ветках деревьев были ярко-зеленые, молодые – как весной, в мае. А ведь сейчас уже ранняя осень. Странно!

Он двинулся вперед, и через сотню метров роща кончилась. Совсем непонятно, тут тайга должна быть, на многие километры. А впереди поле, и не поле даже, а степь, причем с ковылем. Какой ковыль в Пермском крае? Ковыль в степи значительно южнее, ну хотя бы на широте Волгограда или Ростова. Черт, неужели заблудился? Но не настолько же!

Он пошел назад, но через четверть часа бодрого хода деревья снова кончились. А впереди перед ним опять расстилась степь, но только уже не безлюдная.

К рощице скакало несколько всадников. Для горожан всадники – явление чрезвычайное, но в деревнях они еще встречаются.

Андрей сделал несколько шагов вперед. Зачем бить ноги, если всадники все равно направляются к нему.

Но чем больше приближались всадники, тем все явственнее была видна их одежда, и все нелепее она казалась Андрею. Тепло, а на головах мохнатые лисьи шапки, и в руках что-то поблескивает.

Когда до всадников осталась сотня метров, Андрей вдруг понял – в руках у них сабли. Неужели историческая реконструкция? Тогда почему лагеря не видно? Вокруг реконструкторов увиваются жены, подруги, зрители – просто любопытные. «Наверное, казаки, – подумал Андрей. – Тем более что сейчас их движение возрождается, они учат молодежь сидеть на коне, работать саблями. Но у них форма, штаны с лампасами, а эти одеты как оборванцы».

Один из всадников сорвал с плеча лук, наложил стрелу и выстрелил. Стрела прошла в нескольких сантиметрах от Андрея и впилась в ствол дерева. До него не сразу дошло, что стреляют не с целью попугать его, не понарошку, а всерьез. И лица какие-то скуластые, глаза узкие, на татар или монголов похожи.

Когда Андрей осознал, что все происходящее всерьез, он упал в траву и сдернул с плеча ружье. Всадники были уже рядом, метрах в семидесяти. Один выстрел картечью, перенос ствола на другую цель, снова выстрел!

Оба всадника слетели с лошадей. Еще двое круто развернулись, да и то, скорее, не по желанию всадников, лошади испугались громкого и непривычного звука, одна даже на задние ноги встала.

Один из всадников полуобернулся на коне и пустил стрелу. Она

воткнулась рядом, перед носом Андрея, и древко ее дрожало.

Всадники унеслись, за ними бежали две лошади без седоков.

Трясущимися руками Андрей перезарядил ружье. Кто это был и почему они хотели его убить? На бандитов всадники было явно не похожи.

Он поднялся с земли. Всадники были уже далеко, вне досягаемости выстрела.

Осторожно озираясь, Андрей подошел к убитому, лежавшему ближе.

Это был самый настоящий кочевник, татарский воин средних веков, какими он их видел на исторических реконструкциях. Загорелое желтоватое лицо с тонкими усиками, свисавшими до подбородка. Одет убитый был в засаленный халат неопределенного цвета, на ногах – короткие мягкие сапожки без каблуков. Опоясан ремнем, на боку – ножны, только сабли не было видно, видимо – отлетела в густую траву. Лисий малахай валялся неподалеку.

Андрей обыскал татарина, нашел мешочек с монетами, вытащил одну. Она была медной, довольно грубой чеканки с вязью, напоминающей арабскую. Он повертел ее в руках. Что за монета? А главное – какого года? Вот будет ужас, если вдруг окажется, что это и в самом деле какие-то безбашенные реконструкторы. За два трупа могут дать пожизненное заключение.

Андрей передернул плечами. Месяца не прошло, как он нашел золото с самолета, а за ним уже тянется след тяжких преступлений. Неужели он так быстро смог так низко пасть? И главное, чему он сам поражался – в душе не было ни грамма чувства раскаяния, вины.

Он подошел ко второму убитому. Такой же татарин или монгол – кто их разберет? И одет похоже. Рядом валялся лук. Андрей подобрал его, попробовал натянуть тетиву. От усилий затрещали сухожилия в плечевом суставе, но дотянуть тетиву до плеча не удалось. Андрей отпустил ее, и тетива пребольно ударила по запястью левой руки. Андрей отбросил лук. Ну его, какое-то архаичное оружие. И как с ним воевали предки?

Определиться бы теперь, где он и куда идти? Ко всему прочему очень хотелось есть. Он нащупал в кармане полуразмокшую краюху хлеба, что нес бандитам, и вцепился в нее зубами. Съел все, до крошки. Затем взялся за навигатор, но тот ничего не показывал. Жалко, наверное, вышел из строя после купания в бочажине.

Чтобы не маячить в степи, Андрей вернулся в рощицу. Надо куда-то идти, выходить к людям. На юг нельзя, там степь, там татары. Стало быть, надо идти на север.

Впереди, за рощей, километрах в пяти от него виднелся перелесок.

Туда Андрей и направился. Пока шел, наткнулся на ручей. Вода была кристально чистой, дно видно. Наклонившись, он напился. Вкусная вода!

С приближением перелесок оказался небольшим смешанным лесом. Едва Андрей углубился в него, как из-за деревьев вышли два мужика. Лицом – европейцы, но густо заросли бородами и одеты были странно, если не сказать смешно. Больше всего Андрея поразили лапти на ногах. Читал он о них, в музее видел, но чтобы вот так, на живых людях?

– Кто таков будешь?

Один из мужиков наставил на Андрея короткое, в рост человека, копьё.

– Прохожий.

А что он еще мог ответить?

– Откуда идешь?

– Из степи.

– От татар сбежал?

– Вроде того. Заблудился. Где я, что за земля?

Мужики переглянулись. Выглядел Андрей непривычно, говорил странно. По-русски, но не так, как они, хотя понять можно было. Для себя они, не сговариваясь, решили: иноземец.

– Земли рязанские, но, почитай, на самой границе с Диким полем, – ответил один из них.

Про Дикое поле Андрей читал, но так оно было в Средние века. Хм, чем дальше, тем больше странностей. Ладно, лишь бы к цивилизации выйти, к какому-нибудь населенному пункту.

– Год-то какой?

– Шесть тысяч девятьсот шестьдесят первый от Сотворения мира.

Похоже, эти люди ненормальные. Сейчас две тысячи двенадцатый, правда – от Рождества Христова. Он попытался припомнить, как пересчитать, но не смог.

– Деревня или село недалеко есть?

– Есть! – дружно ответили мужики.

На татарина Андрей не был похож, оружия в привычном для них понимании – сабли или лука – не имел, потому за врага его не считали. На ружье же внимания не обратили: если и висит что-то на плече, так, может, рабочий инструмент. Каждый муж должен трудиться, своими руками добывать хлеб насущный.

– А вы что делаете в лесу? Охотники, что ли?

– Не, мы в дозоре. Покажутся татары – своих упредить.

– Деревня далеко?

– Версты три.

Андрею стало интересно.

– Как же вы их упредите?

– Вон дрова сложены, костер запалим. Как дым увидят, стало быть – скотину уводить надо и самим хорониться.

– Эка тут у вас! А до Рязани далеко?

Он жил в Рязани до поездки в Пермь, но что-то не подозревал, что есть в области такая глушь, где в лаптях ходят.

– Не считали. Верст сто, а может, и все двести.

Вот и пойми их, разброс в два раза.

– Пойду я, заболтался тут с вами.

Андрей сделал пару шагов.

– Ты левее бери; если прямо пойдешь, как раз в землянку волхва упрешься.

Андрей кивнул. Смысл сказанного до него не дошел. Какой волхв, если Русь крещена давно, уж более тысячи лет? И он пошел прямо.

Метров через сто вышел на небольшую поляну. На пеньке сидел дед. Лицо было морщинистое, волосы и борода совершенно седые. Одет был чисто, но бедновато.

– Здравствуй, дедушка! – поприветствовал его Андрей.

Молодым первым положено со старшими здороваться.

– И тебе добрый день, путник! Что-то я тебя здесь раньше не видел. – Дед подслеповато прищурился.

– Я здесь в первый раз, заплутал немного.

– Ага, ага, бывает. Присаживайся, – дед указал на пенек недалеко от себя.

Андрей не отказался. Можно отдохнуть, заодно и дорогу расспросить. Дед вроде производит впечатление вменяемого. Только почему мужики его волхвом назвали? Читал он в «Слове о полку Игореве» упоминание о волхвах. То ли служители древних богов, то ли предсказатели? В древних богов и предсказателей он не верил – категорически.

– Куда путь держишь, мил-человек?

– В Рязань, жил я там.

– Одежа у тебя странная.

– Купил для охоты.

Дед замолчал. Голова у Андрея вдруг заболела, но потом боль сама собой стихла, и возникло ощущение, что в мозгах кто-то ковыряется. Странное ощущение.

Дед изменился в лице.

– Христианин?

- Крещеный. Хожу в церковь иногда, но не воцерковленный.
- И! Старых богов забыли, новых не почитаете! – рассердился дед.
- О каких старых богах ты говоришь, дедушка? – удивился Андрей.
- Да хоть о Свароге.
- Не слышал о таком никогда.

Дед вперился в него взглядом. Взор старика был пронзительным, острым, кажется – в душу проникал. Андрей хотел отвести глаза, но не смог.

Дед вздохнул.

- Возвращайся туда, откуда пришел.
- Хотел бы, да на татар наткнулся.
- Не про то я. В свой мир возвращайся.
- Какой еще «свой»? Я местный, русский, в Рязани живу. Да вы тут сбрендили все!

Дед не ответил. Он встал, подошел к сидящему Андрею и взял его левую руку. Неожиданно в руке деда блеснуло лезвие ножа, и он полоснул им Андрея по запястью. Андрей от боли отдернул руку и вскочил. Все они тут сумасшедшие, бежать надо из этих мест, и поскорей.

Однако дед, удерживая Андрея, сказал:

- Смотри на свою руку!

Андрей взглянул на рану. На его глазах перестала идти кровь, потом рана стала уменьшаться, края ее сближались, образовавшийся розовый рубец на глазах рассосался. Кожа стала чистой и гладкой.

- Видишь! – возопил дед. – Ты не из нашего мира, нежить!

Андрей не мог поверить своим глазам. Он и раньше иногда получал ранения – ножом при резке лучины, бил молотком по пальцу. И раны заживали долго, саднили, постоянно напоминали о себе, мешая выполнять даже несложную работу.

«Чудны дела твои, Господи! – лихорадочно пытался что-то сообразить тем временем Андрей. – Что-то непонятное вокруг меня происходит, чему я не могу дать объяснения».

Он попятился от деда.

- Ты с миром к нам пришел али зло творить, порождение преисподней?! – Глаза деда буквально вылезли из орбит, он был страшен.

Андрей повернулся и бросился бежать от него через лес, спотыкаясь о корни деревьев.

Сколько он мчался, и сам сказать не мог. Остановился, когда почувствовал, как бешено колотится в груди сердце и не хватает воздуха. Опершись рукой о ствол дерева, он слегка отдышался и обернулся назад

посмотреть, не догоняет ли сумасшедший дед? Никого не увидев, дальше пошел уже спокойно.

Зона здесь какая-то паранормальная, точно. Все встречные вели себя более чем странно. Мужики что-то говорили о деревне. Он в стороне от нее пробежал или еще не дошел?

Андрей определился по солнцу и мхам на деревьях. Пока он шел в правильном направлении, на север. Ему бы только до реки добраться, на Руси населенные пункты всегда на реках стоят. Будет на пути река – пойдет вдоль нее. А вниз по течению или вверх – это уже не играет никакой роли.

Он и вышел к реке – часа через два. Сначала огляделся: не хватало только нарваться еще на одного придурочного деда, напился воды.

Река была метров пятьдесят шириной, полноводная, но течение не быстрое, равнинное. Андрей начал припоминать реки в районе Рязани, но, кроме Оки, ничего другого в голову не приходило. Проклятый дед, напугал, даже память отшибло.

Он двинулся вверх по течению, на запад. Почему? И сам не смог бы объяснить, интуиция. Сильно хотелось есть. Двигался он сегодня много, а съел только краюху хлеба.

Через некоторое время Андрей увидел, как снизу, против течения, поднимается лодка-долбленка. На корме сидел человек, активно работавший веслом.

– Эй, что за река? – крикнул ему Андрей.

– Мокша! – донеслось в ответ.

Человек, казалось, не удивился вопросу и проплыл мимо, а в памяти Андрея сразу всплыло: Мокша – река на востоке Рязанской области, впадает в Оку, причем уже после Рязани. Можно все время идти по левому берегу и выйти к Рязани, только крюк получится. Если свернуть от Мокши на запад, можно срезать путь на много километров.

Андрей задумался. Река – как путеводитель, держись вдоль нее и попадешь, куда надо. Однако идти долго, а ноги не казенные. Он решительно свернул влево, по движению солнца – так получится и короче и быстрее. Настораживало отсутствие дорог, электрических и телефонных линий со столбами, пролетающих самолетов – вообще каких-либо признаков цивилизации. Да и населенные пункты должны были встретиться не раз. Однако сколько он идет – вообще ни одного еще не видел.

Но, наверное, судьба решила его вознаградить. Едва он взошел на пригорок, как внизу, на равнине, увидел настоящее село: дома, купола небольшой церкви. Только одна странность была: избы стояли плотно, и

все село было окружено высоким, метра четыре высотой, забором из бревен.

Он направился к селу, надеясь поесть и переночевать. Солнце уже клонилось к закату, наручные часы показывали семь вечера. Еще часа два – и начнет темнеть.

Село стояло на небольшой речушке, видимо – притоке Цны.

Андрей пересек речушку по узкому деревянному мосту, прошел через ворота. Удивился еще: больно крепкие, с мощными петлями, запором из двух бревен.

С вышки на него лениво посмотрел дозорный. На короткой улице, которая упиралась в церковь, играли в лапту ребяташки.

– Пацаны, что за село?

– Нащекино, дяденька.

– Где у вас старший живет?

– Боярин? Вон его дом, с поверхом.

Хм, боярин – это фамилия такая или прозвище?

Андрей направился к двухэтажному дому, постучал в калитку. Вышел невзрачного вида мужичок.

– Чего тебе?

– Боярина.

– Занят он, не принимает.

«Ну, занят так занят», – пожал плечами Андрей.

– Позвонить оттуда можно?

– С колокольни? Так ведь не праздник али беда какая, священник не пустит.

– Ну ладно, а поесть по-человечески где-нибудь можно?

– Это запросто. Вон там постоялый двор, и поесть можно, и переночевать.

Ага, все-таки какая-то цивилизация, правда – на убогом уровне.

Андрей прошел до постоялого двора. На крыльце подросток из прислуги открыл дверь.

Небольшой, на четыре длинных стола с лавками вокруг, под старину, зал. Запахи такие, что слюнки потекли и желудок заныл.

Едва он уселся, подошел официант. Зал был пуст, и Андрей был единственным посетителем.

– Что будешь есть, что пить?

– Мне бы меню, – попросил Андрей.

– Нет такого.

– А что есть?

– Жареные караси, курица на вертеле, каши – гречневая, пшенная, сарацинская; пряженцы – сладкие, а также с луком и яйцом, расстегаи с рыбой.

– Хватит. Мне курицу на вертеле, сарацинскую кашу, расстегаи с рыбой. И запить.

– Пиво?

– А свежее?

– У нас все свежее.

– Неси и побыстрей, я голоден.

Парень принес глиняный жбан с пивом, глиняную же кружку и расстегай с рыбой на оловянной миске.

Андрей плеснул из жбана в кружку пива, отхлебнул. Вкус был на самом деле отменным, и пиво было прохладным. Расстегай еще теплый, почти горячий. Андрей откусил. Повар на начинке явно не экономил. Хм, а ведь вкусотища какая! Так и умял расстегай под пиво.

Пока он наслаждался этими в общем-то простыми, но исключительно вкусными блюдами, парень уже принес на блюде исходящую жаром и жирком курицу. Плохо только, что ножей и вилок нет.

– Нож и вилку принеси, – попросил Андрей.

– Нож у тебя на поясе, а вилок у нас отродясь не было.

Да что за харчевня такая? Но приготовлено все было вкусно. Есть Андрей хотел и потому не капризничал, права не качал. Он достал финку и разрезал курицу на крупные куски. В это время официант поставил на стол блюдо.

– Сарацинская каша, – объявил он.

Андрей удивился. Почему сарацинская? Там, на блюде, лежала обыкновенная рисовая каша, обильно сдобренная маслом. Что порадовало Андрея – так это деревянная ложка.

Пока остывала курица, он взялся за кашу. Тоже неплохо! Ей-богу, повар толковый! Не хуже ресторана в Рязани.

Он отхлебнул пива и отвалился к стене. Почти наелся, а курица еще и не тронута. А впрочем, куда торопиться?

Подошел официант.

– Еще что-нибудь будешь?

Что у них, у халдеев, за манера – тыкать?

– Нет, курицу съем – и все. Телефон у вас в харчевне есть?

– У нас трактир, а этого теле... нет.

– Комнаты свободные имеются? Мне до утра.

– Есть.

– Отлично. Ступай.

Андрей не спеша съел курицу. Она была невелика, не бройлерная, да еще и упарилась. Очень неплохо! В первый раз Андрей ел курицу, жаренную на вертеле. Потом допил пиво, смакуя каждый глоточек. Интересно, как пиво называется? Наверное, из кегов – что-то он бутылок на стойке не видит.

Когда все было съедено, подошел официант.

– Рассчитаемся?

– Непременно, – отозвался Андрей. Он пошарил по карманам и нашел деньги. – Сколько с меня?

– Пять денег.

Андрей удивился:

– Я не понял.

– Пять денег, – повторил официант, выделив голосом последнее слово. Для убедительности он показал растопыренную пятерню.

«Ну, сейчас я вам!» – слегка разозлился Андрей. Он спрятал подальше российские бумажные деньги и достал из кармана мешочек с монетами, взятый им у убитого татарина. Развязав, вытащил наугад монету.

– Держи!

Парень не удивился и взял монету. Отнеся пустую посуду, принес сдачи – несколько медяков.

– У вас в селе кто боярин?

– Нащекин, кто же еще?

Ну да, село так же называется.

– До Рязани далеко?

– Почитай, сотня верст будет.

– А в Рязани кто старший?

– Да князь Иван Федорович.

Информацию следовало переварить. То мужики утверждали про год, потом – монеты, теперь вот – боярин, князь рязанский. Для реконструкции слишком массово и обширно.

– Как насчет комнаты?

– Пойдем, провожу, – парень погремел связкой ключей.

Они поднялись на второй этаж. Парень открыл дверь и вручил Андрею ключ:

– Отдыхай.

Комната была невелика. Топчан, сундук, стол и небольшая лавка. Только оконце маленькое и стекло. Странное стекло: свет пропускает, но что за ним – видно смутно. Андрей подошел поближе. Так это же не стекло

– кусочки слюды!

Он уселся на топчан с пуховой периной и такой же подушкой. После длительного дневного перехода ноги гудели и во всем теле ощущалась усталость. Сегодня была масса впечатлений, а после сытной еды тянуло в сон. Все, к черту! Спать! Он снял с себя все и улегся.

Сон пришел мгновенно.

За полночь послышались отдаленные крики, потом какой-то гул. Колокола, что ли? Чего ночью звонить, спать мешать?

В дверь раздался стук, и сразу, не дожидаясь ответа, в комнату ворвался парень из трактира.

– Вставай, татары!

– А чего? Какие татары?

Но парень уже убежал.

Андрей быстро, по-армейски оделся, пересчитал патроны в патронташе – шестнадцать штук. Отщелкнул магазин пистолета: полный, восемь патронов. Проверил второй, бандитский – тоже обойма полная. Итого тридцать два выстрела. Если стрелять с умом, чтобы наповал, можно нанести ощутимый урон.

Он выбежал с постоялого двора. По улице метались люди, в основном женщины и дети. Прямо броуновское движение какое-то!

Мимо бежал, причем целенаправленно, мужик с топором.

– Ты куда? – схватил его за рукав Андрей.

– На стену, – огрызнулся тот и побежал дальше.

Андрей решительно направился за ним. Что делать на стене, он не знал, но предполагал: есть старший, подскажет.

Мужик подбежал к стене и взобрался по лестнице на помост, шедший вдоль стены. Андрей неотрывно следовал за ним.

Наибольшее скопление защитников было у ворот, по обе стороны. Слышались крики, удары чего-то тяжелого.

Андрей выглянул со стены. Татары, или кто там – в темноте видно было плохо, – били в ворота чем-то тяжелым.

Мужик, стоявший по соседству, поднял тяжелый камень. На помосте их лежала куча, видимо – на такой случай. Он метнул камень вниз и, услышав вскрик, удовлетворенно кивнул.

Андрей сорвал с плеча ружье, навел ствол в гущу копошившихся внизу врагов и нажал на спуск. В ночи гроыхнуло здорово. Снизу послышались крики, ругань. Нападавшие отбежали, и на короткое время наступила тишина.

Мужик, швырнувший камень в гущу татар, удивленно обернулся к

Андрею.

– Это ты?

– Что я?

– Громом татар поразил?

– Это не гром, это оружие такое.

– А-а-а! – на всякий случай протянул ничего не понявший мужик. – А то я спужался немного.

На короткое время штурм прекратился.

К Андрею подошел воин в шлеме и кольчуге.

– Ты кто?

– Путник, в Рязань иду. Переночевать на постоялом дворе хотел.

– Понятно. А то тут ко мне Фрол прибежал, говорит – чужак на стене, громом татар разогнал.

– Не громом – вот... – Андрей показал ружье.

– Аркебуза, что ли? Слышал я про такую, а вижу впервые. Десятник я боярский, Терентий.

– Андрей.

– Ну, коли оказия такая случилась – будь здесь. Ворота – самое слабое место. Могут, конечно, и в других местах полезть, но ворота надо удерживать во что бы то ни стало.

– Удержим.

– Я боярину про тебя скажу.

Десятник ушел, гремя железом, а Андрей уселся на помост. В голове сложился пазл. Деньги, волхв, странные слова – да он просто угодил в другое время, в Средние века! А все из-за той бочажины. Потому и GPS-навигатор не работает, и мобильный. Ни спутников, ни сотовой связи еще нет и не будет по крайней мере лет этак шестьсот, как ни больше.

Но в душе Андрей не ощущал никакого смутения. Здесь хоть бандитов нет, а равно полиции и прокуратуры. Он даже воспринял все как некое приключение. В сознании теплилась мысль, что все это временное и он еще вернется в Рязань.

Над ним пролетел какой-то светлячок. Ой, да это не светлячок вовсе, а стрела с горящей паклей. А за нею – еще одна и еще...

– Пожар! – закричали в селе.

Женщины бросились тушить горящие стрелы, заливая их водой. Тут же к избам выстроилась цепочка от колодцев, воду передавали в деревянных бадейках.

Андрей вскочил с помоста, и в ту же секунду над ним просвистела еще одна стрела с горящей паклей. Метрах в тридцати от стены на лошади

сидел татарский лучник. Рядом с ним стоял татарин с горящим факелом. Лучник поджигал паклю на стрелах и методично стрелял по селу.

– Ах ты, гад такой!

Андрей прицелился по огоньку. Темно, мушки не видно. Выстрелил. Лучник упал с лошади, та шарахнулась от громкого и неожиданного звука.

Андрей перезарядил ружье.

Татарин с факелом наклонился над убитым соплеменником, и в этот момент Андрей выстрелил в него. Попал! Татарин упал, выронив факел. Факел упал рядом, и на татарине загорелась одежда.

Судя по крикам, перемещающимся теням и ржанию лошадей, татар было не меньше полусотни. Двоих он уже убил, несколько человек валялись у ворот, убитые защитниками. Подкрепления у татар нет, и чем больше людей они потеряют, тем быстрее уберутся. Хорошая вещь все-таки картечь, летит широким снопом. Даже если с прицелом чуть ошибся, все равно попадешь.

Стрелком Андрей был хорошим, но только охотником, и фронтовой премудрости не знал. А она гласила: сделал несколько выстрелов с одного места – меняй позицию.

В деревянный тын совсем рядом вонзились две стрелы. Опа! Засекли его, так и в лицо угодить могут. Он присел за бревна и перешел на другую сторону. Если татары пойдут на штурм, он услышит.

Но до утра татары больше не предпринимали попыток к штурму, и Андрей незаметно уснул.

Когда начало светать, его разбудил десятник.

– Пойди под навес, там топчаны есть. Вздремни, на стенах дозорные.

Андрей так и сделал. Трудный день и полубессонная ночь утомили его, он крепко уснул.

Проснулся от прикосновения десятника:

– Ну ты здоров спать. Полдень уже. Один штурм мы отбили – на задней стене. Сейчас ворота штурмуют, помощь нужна.

Андрей молча встал, зарядил ружье. Глядя на патронташ, вздохнул и полез на помост.

На небольшой площади внутри ограды горел костер. На нем в огромном котле кипела смола.

Андрей осторожно выглянул между концами оструганных на острия бревен тына.

Татары стояли в сотне метров от села. Эх, сейчас бы винтовку – не стояли бы так нагло!

Среди татар выделялся одеждой и защитой один. Лошадь под ним

была белой, из-под кольчуги виднелся шелковый расписной халат. На голове сверкал шлем-мисюрка. «Наверное, предводитель», – решил про себя Андрей. Но для выстрела картечью далеко, он только патрон попусту переведет.

Татары разом заулюлюкали, засвистели и ринулись на ограду. Что это они, на конях – на тын?

Но все оказалось реалистичнее. Конники подскакивали ближе, на скаку кидали в стену копы и возвращались обратно.

Андрей не мог понять смысла их действий, но десятник, видевший все это, вскричал:

– Все на стены! Басурманы на приступ пойдут!

Стена была буквально утыкана копьями. Один из татар, не имея в руках оружия, подскакал к стене, на полном ходу вскочил на спину лошади, подпрыгнул, вцепился руками в копьё, торчащее из стены, подтянулся, как на турнике, и полез по копьям, как по лестнице. За ним последовал второй, третий...

Едва над тыном показалась татарская голова, как по ней ударил топором незнакомый Андрею мужик. Голова исчезла, и почти тут же сам мужик, обливаясь кровью, упал. Из его глазницы торчала стрела.

Ага, Андрей понял замысел татар. Пока одни лезут на тын, другие не дают высовываться защитникам. Однако тут они ошиблись.

Андрей закинул за плечо ружье, выхватил из-за пояса пистолет и передернул затвор. Как только из-за тына показалась голова басурманина, он выстрелил. Татарин упал, сбив своим телом других, лезущих за ним следом.

Несколько минут за тыном не было никакого движения, только крик – громкий и яростный. Потом стали бить в ворота бревном как тараном. Но здесь уже не растерялись местные, они вылили на головы штурмующих пару ведер кипящей смолы. Снова раздались крики – дикие крики обожженных. Татары бросили бревно-таран перед воротами и стали отступать.

Наступило затишье.

По помосту к Андрею подошел десятник Терентий и вместе с ним – еще один воин. Шлем-шишак, кольчуга, блестящая на солнце, как чешуя, и сабля на боку выдавали в нем воина, а не простого жителя.

– Вот он, Андрей. Один опасный участок стены держит!

– Молодец! Из каковских будешь?

– Рязанский я.

– Мне Терентий уже говорил. На службу ко мне хочешь?

– Прости мне мое невежество. Ты кто?
– Боярин Нащекин. Неуж не знал?
– Откуда, я здесь первый раз. А насчет службы подумать надо – после того, как набег отобьем.

– Говоришь ты странно, как иноземец. И самопал у тебя, как у московских стрельцов.

– Удобная штука.

– Пожалуй, да. Только громыхает сильно.

– Зато бьет наповал.

– Я тебе на помощь Василия пришлю, он воин опытный. Жаль, под рукой у меня всего четверо воинов. И мужиков два десятка осталось. Татар больше, все при оружии, да и опыт есть – сызмальства в седлах сидят.

– Отобьемся.

– Думаешь?

– Уверен.

– Ворота бы удержать.

Похоже, в мужиков боярин не очень верил.

Татары вновь пошли на приступ. Только изобретательности никакой. Они так же прыгали с коней на копья и упрямо лезли вверх. Одного Андрей убил из ружья еще на подъезде, двух застрелил из пистолета, не давая перепрыгнуть внутрь, за тын – тогда плохо будет. Пока один будет с саблей наступать на защитника, за ним на стену полезут другие.

Но после бесполезной попытки татары уgomонились. Они отступили метров на двести, пустили коней пастись, а сами развели костер и повесили над ним котел.

Вот наглецы! И это на виду у всего села! А впрочем, чего им бояться? Сил выступить из крепости и принять бой у селян нет. Луков два, но стрелять далеко. Из ружья Андрей их тоже не достанет.

Татары этот расклад тоже понимали и в сторону села даже не смотрели, вели себя как в родной степи.

– Вот уроды! – процедил Андрей.

– Ты про кого? – спросил кто-то рядом.

Андрей оглянулся. Рядом стоял воин, одетый в кольчугу, при сабле и со шлемом на голове.

– Я Василий, меня боярин прислал тебе в помощь.

– А я Андрей.

– Мне Терентий сказал. Ты, когда палить будешь, предупреждай, чтобы я уши успел руками закрыть.

– Это уж как получится.

На стенах оставили дозорных из мужиков. Воины и Андрей спустились со стены. Прислуга из боярского дома принесла еду. Все уселись вокруг котла, боярин был тут же. Достали ложки и, перекрестившись, принялись хлебать.

– А ты чего же не ешь? – спросил десятник Андрея.

– Ложки нет.

– Ай-яй-яй! Ложку и нож завсегда при себе иметь надо. Василий, уважь гостя, принеси.

Воин молча встал, сходил в боярский дом и принес новую деревянную ложку.

– Пусть пока у тебя будет, а железную или серебряную сам потом купишь.

Кулеш был наваристым. Делался он просто: в пшенную кашу добавляли куски мяса. По густоте – где-то посредине между супом и кашей. Правда, в походах добавляли сушеное мясо кусочками или сало.

Выскребли котел до дна, наелись, а прислуга уже несла ведро пива. И пиво выпили, быстро опростав ведро.

Андрей захмелел. Нет, не стоило ему пить, голова трезвая нужна. Однако есть и пить очень хотелось. Время уже далеко за полдень, за схваткой незаметно пролетело. Только для боя силы нужны, вот боярин и приказал прислуге принести еды.

Наевшись, они улеглись тут же, и Василий даже всхрапнул.

Со стены донеслось.

– Татарин едет, один! Никак – переговорщик.

Все кинулись на стену.

К воротам подъехал татарин. Был он один и без оружия, как и положено переговорщику.

– Эй, урус! Говорить с вашим мурзой хочу!

– Я тебя слушаю, басурманин! – крикнул боярин.

– Мой мурза Ахмед предлагает тебе почетную сдачу. Можешь уйти вместе с воинами, мы не тронем.

– А жители как же? – спросил боярин.

– Какое тебе до них дело? Новых найдешь!

Андрей сказал десятнику, стоящему рядом:

– Нельзя верить татарину, обманет. За тыном нас не взять, а в открытом поле догонят и изрубят.

– Нешто боярин дите малое, неразумное и сам не понимает?

Андрей успокоился. Село боярское, пусть у них голова болит.

– Нет, я не согласен! – крикнул боярин. – Идите отсюда, с моих земель.

– Нам помощь подойдет, пожалеешь потом!
– Я все сказал, так и передай своему мурзе! Иди подобру-поздорову!
Татарин не спеша уехал.

– Как думаешь, насчет помощи врет? – спросил Андрей.

– Конечно! Если бы в округе татары еще были, то мы бы дымы видели. Или татары деревни пожгли, или же деревенские сигнал подали бы. Нет же ничего, стало быть – врут они.

– А мы почему сигнал не подали?

– А колокол с церкви звонил! Все окрест небось попрятались и скотину увели. Зачем татарину пустой дом? Его же с собой не увезешь! Ему, басурманину, пленных давай.

– Зачем?

– Продать на невольничьем рынке, деньги выручить. Ты думаешь, татары сюда пришли молодецкую удаль показать, сабельками помахать? Им добыча нужна. Как лето, так нападают. Зимой трава под снегом, лошадей кормить нечем, так они по своим стойбищам сидят и кумыс пьют. А летом – в набег.

– И часто нападают?

– Когда как. В этом году первое нападение. А в прошлом году – три раза, да все разные.

– Они же с виду одинаковые, как узнали?

– У предводителей ихних бунчуки разные.

– Не понял.

– Ну – вроде копья, только вверху пучки конских волос в разные цвета окрашены.

– Уяснил.

– А ты сам посмотри.

В самом деле, недалеко от костра в землю был воткнут бунчук с тремя рядами конских хвостов, один из которых был коричневым.

– Это крымчаки, они самые злобные. С Золотой Ордой, где ихний хан в Сарай-Берке сидит, наш Великий князь в союзниках. Так те все равно нападают. У них там замятня, и ханы меняются едва ли не каждый год, не поймешь, с кем и договариваться.

Для Андрея сообщение, что Рязань – союзник Золотой Орды, было неприятной новостью. Но надо было лучше историю учить!

– Видишь ли, княжество Рязанское стоит на самой границе с Диким полем. И кто бы ни шел на Москву, идут через нас, а по пути грабят. Жрать-то что-то надо! Врагов вокруг полно. Великое княжество Московское давно на Рязань зубы точит, Литва опять же приглядывается, как бы кусок

отхватить. Сложно князю Рязанскому, меж врагов лавировать приходится.

– Откуда ты расклад знаешь?

– В Рязани служил, в княжеской дружине, да воеводе не понравился. Вот, к Нащекину перешел. Он муж исправный, о наделе печется. Да только не везет ему. Едва встанет на ноги – татары незваными гостями заявятся. То пожар, или чума с холерой, либо другая какая лихоманка. А о прошлом годе неурожай случился. То, что на полях осталось, татары вытоптали.

– Сложно все.

– Еще как!

Внезапно татары собрались, вскочили на коней и уехали. Но не навсегда, двое их дозорных остались.

– Наверное, окрестные деревни поехали грабить, – высказал предположение Терентий.

Он не угадал, все оказалось хуже.

В близлежащем лесу татары срубили несколько прямых деревьев, набили на них деревянные поперечины из толстых веток – получилось нечто вроде лестницы. Их они и притащили с собой на волосяных арканах. Две лошади с трудом волокли такое дерево по земле, оставляя за собой борозды.

– Штурмовать будут! Причем сразу в нескольких местах! – схватился за голову десятник. – Надо боярина предупредить! – И убежал.

Через несколько минут на помосте были уже все защитники и боярин. Они с тревогой смотрели на татар. Те же спешили, распределились вокруг бревен. На каждое приходилось по десятку воинов. По команде они подняли бревна за перекладыны и бросились к тыну.

Всего бревен, как и штурмовых групп, оказалось три. Две группы бежали к стене справа от ворот, одна повернула налево – туда, где находился Андрей. К нему на помощь прибежали двое мужиков с топорами.

– Боярин велел передать – отбивайся сам.

Андрей бы и рад не отбиваться и вообще исчезнуть из села, но покинуть село во время осады невозможно. Придется разделить судьбу жителей Нащекина, ведь теперь он сражался и за свою жизнь. Выстоит село – и он жив останется. Не устоит – живые позавидуют мертвым.

Андрей переломил ружье, проверил оба патрона. Когда татары были уже близко, метрах в тридцати, он уложил стволы на бревна тына, прицелился и выстрелил дуплетом – один за другим два выстрела. Оба выстрела не пропали даром. Два татарина были убиты, еще двое – ранены. Они бросили бревно и орали, катаясь по земле. Это даже неплохо, лучше,

чем если бы они погибли. Своими воплями они дезорганизовывали остальных, сбивая воинственный дух. Но все равно оставшиеся держали бревно и бежали к ограждению. Подбежав, они вскинули, насколько это было можно, передний конец, уперли его в бревна и полезли наверх.

Времени перезарядить ружье у Андрея не было. Он поставил его рядом, выхватил пистолет, снял его с предохранителя. Лучников татарских не было видно. Он высунулся за тын и увидел, что размахивающий саблей татарин был уже рядом.

Андрей выстрелил в него. Попал точно, но убил или ранил – непонятно. Татарин рухнул с импровизированной лестницы, однако его место занял другой. Андрей выстрелил и в него. Оставшиеся четверо татар прыгнули с дерева сами и принялись убежать.

Стрелять по движущимся целям Андрей не стал, можно промахнуться.

Он посмотрел направо. От одной группы успешно отбивался боярин и два воина, в другом же месте ситуация была хуже. На помост выбрались два татарина и теперь яростно рубились с защитниками.

Андрей прыгнул с помоста и побежал в их сторону, мимо ворот. На помост он взбираться не стал – дерущиеся помешают, а остановился напротив татар. Дистанция была метров пять, вроде бы и ерунда, но татары постоянно двигались, нанося удары и уклоняясь сами.

Андрей поймал на мушку одного, показавшегося ему более агрессивным, уловил момент, когда тот слегка присел и на мгновение замер, и выстрелил ему в левый бок. Татарин выронил саблю и рухнул с помоста вниз, на землю. Добивать его Андрей не стал: сам умрет, а патрона жалко.

Второй татарин сам прыгнул с помоста на него, еще в воздухе занес саблю для удара, но приземлился уже мертвым. Андрей после первого выстрела и пистолет опустить не успел, татарин сам возник в прицеле.

Из-за тына показалась еще одна голова, потом плечи. В зубах татарин держал саблю. Воин из боярских тут же снес ему голову своей саблей.

Андрей побежал туда, где был сам боярин. Там пока его вмешательство не требовалось: саблями рубились, но татары внутрь не проникали, и Андрей вернулся на свое место.

Оба мужика, присланные ему в помощь боярином, стояли на месте и смотрели за тын. Андрей взбежал по лестнице.

– Что там?

Сам же схватил ружье, зарядил. Пистолет поставил на предохранитель и сунул в карман.

– Татары отходят.

Андрей выглянул.

Получив отпор, татары отступили и собрались вокруг своего мурзы. Уйдут или новую напасть замышляют? В принципе, потери у них большие. Он один убил десяток и нескольких ранил, да воины и мужики тоже не дремали, десятка полтора положили. Так что татар едва ли половина осталась, а успехов никаких.

Басурмане что-то горячо обсуждали, размахивая руками, – видимо, решили, что надо искать другую жертву, полегче. Сил у них если и оставалось, то на один штурм, а с ним – новые потери. Собрав немудреные пожитки и котел, татары вскочили на коней и ускакали.

– Не обманка ли? – спросил один из мужиков.

– Нашего боярина вокруг пальца не обведешь.

Когда татары исчезли из вида, открылись ворота, и выехавший на коне воин поскакал по татарскому следу.

– Куда это он?

– Проследить, ушли или в лесу затаились.

Ворота за уехавшим заперли, с тына опустили веревку.

– А веревка зачем? – удивился Андрей.

– Если нашего воина обнаружат и пустят вслед погоню, ворота открывать нельзя, ворвутся. А воин вцепится в веревку, и его поднимут.

– Коня же захватят.

– Господь с ним, с конем, воин ценнее. Представь, если бы в селе боярина с дружиной не было? Взяли бы село, а нас – в полон.

Ну, дружина – это громко сказано. Насколько увидел Андрей, у боярина было четыре воина, или дружинника. Конечно, у них и защита – щиты, шлемы, кольчуги, и оружие – сабли, ножи, копья. Но их мало!

Оставив двоих мужиков дозорными на стенах, все спустились на площадь: хотелось отдохнуть, выпить воды. Боярин заметил убитых татар:

– Это кто их?

– Чужак.

Андрея неприятно резануло это слово. Он тут, как заяц, скачет, стараясь помочь, но все равно для них он – чужак.

– Оружие забрать, тела перебросить через тын, – распорядился боярин. – Чего им тут смердеть? Волкам пожива будет.

С поясов сняли ножны, расстегнув ремешки, стянули шлемы. Но только мужики взяли убитых за руки-за ноги, чтобы втащить их наверх, на помост, как боярин приказал:

– Стой! – Он подошел к убитым, осмотрел: – Выкидывайте! – Потом направился к Андрею: – Покажи, чем таким стреляешь? Я убитых

осмотрел, так у них раны совсем малюсенькие.

– Вот, – Андрей вытащил из кармана пистолет.

Боярин повертел его в руках.

– Удобно, и выделка отменная. Где купил?

– Немцы продали, – соврал Андрей.

– Ну да, они это могут. Продай!

– У меня к нему всего несколько зарядов осталось.

– Я еще найду.

– Нет, боярин, еще неизвестно, ушли ли татары. Да и навык иметь надо, иначе заряды попусту выпустишь.

– Это верно, – боярин разочарованно отошел. Видно, не привык он, что ему отказывают.

Защитники опустили на землю. Кое-кто был ранен, и женщины накладывали им повязки, но все были измотаны. Подростки разносили ведра с водой и поили желающих.

Прошел час, другой. Некоторые успели вздремнуть. Потом послышался стук копыт, и дозорные закричали:

– Лазутчик вернулся.

Распахнув одну воротину, дозорные впустили верхового воина и тут же заперли за ним ворота. Все столпились вокруг него.

– Ушли татары! – выдохнул он. – Я за ними верст десять скакал. В полуденную сторону ушли, через Цну и дальше.

Пронесся радостный вздох, толпа оживилась.

– По одному мужику с улицы всю ночь на стенах стоять! – распорядился боярин. – И не спать! Увижу – высеку! Остальным отдыхать, но оружие иметь под рукой.

Толпа начала расходиться. Андрей пошел на постоянный двор: хотелось умыться, поесть и отдохнуть. Когда он разделся до пояса, парень с постоянного двора полил ему водой из ведра.

– Поесть бы чего-нибудь, – попросил Андрей.

– Каша только, да еще хлеб. Не делали ничего, от татар отбивались.

– Неси.

Андрей поел каши с хлебом, запил пивом. Его готовили загодя, много, и хранили в подвале, в леднике. Почувствовав себя сытым, он подозвал парня:

– Сколько с меня?

– Боярин приказал не брать ничего. Ты живота своего не жалел, хотя село тебе чужое, а мы деньги?

– Спасибо. Я спать пошел. Ежели опять татары появятся, разбуди, у

меня сон крепкий.

Раздевшись, Андрей рухнул в постель и уснул.

Проснулся он от света, бьющего в окно, да какого-то неясного шебуршания в углу. Открыв глаза, увидел паренька из трактира – тот вертел в руках ружье Андрея.

– Поосторожнее, оно выстрелить может! А вообще-то без разрешения брать чужое оружие нельзя.

– Прости, я тебя будить пришел да не удержался. В селе только и говорят, что о татарах да о тебе.

– Обо мне-то что?

– Сам Господь тебя послал, отбились.

– Тогда зачем будишь? Дал бы поспать.

– Полдень уже. Мне все равно, спи, только боярин просил к нему прийти.

Андрей оделся, спустился вниз, умыл лицо. Ружье не брал, все-таки в гости идет, если что, хватит и двух пистолетов.

Он вышел с постоялого двора и направился к дому боярина. Встречные люди на улице здоровались, как со знакомым. Традиция у них здесь такая или он уже стал настолько популярным?

Андрей постучал в калитку, и на стук вышел вчерашний мужик.

– Заждался боярин-то, проходи.

– Вчера занят был, а сегодня заждался, – не преминул подколоть Андрей.

– Вчера татар не было, – развел руками мужик.

Он провел Андрея к дому, распахнул перед ним дверь. В сенях попросил обождать, постучал в дверь покоев.

– Боярин, чужак пришел.

– Зачем в сенях держишь? Пусть войдет.

Андрей вошел. Ему было любопытно посмотреть, как живет боярин – все-таки дворянин, но ничего необычного он не увидел. Икона с лампадкой в углу, длинный стол со скамьями по бокам, в торце – кресло, в нем боярин восседает.

Андрей кивнул, поздоровался.

– Доброе утро, боярин!

– И тебе здоровья! Ты случаем не басурманин или схизматик?

– Христианин я православный, крещен.

– Что-то не увидел я, чтобы ты на икону перекрестился.

– Прости, боярин, растерялся.

Андрей повернулся к иконе и, демонстративно перекрестившись,

отбил поклон.

– О, теперь вижу! – молвил боярин. – Садись.

Андрей уселся на лавку. Никаких ковров, дорогого оружия на стенах или других предметов роскоши в боярских покоях он не увидел. Похоже, небогато боярин живет, да и откуда богатству взяться, если татары каждый год набеги делают?

– Тебя Андреем звать?

– Именно. Только твоего имени не знаю, все боярин да боярин.

Андрей заметил, что все обращаются друг к другу на «ты».

Боярин засмеялся:

– Никодим Васильевич. Ты чьих будешь?

– Пока ничей. Я в Рязань из Литвы перебрался, пока сам по себе.

– А в Литве чем пропитание себе добывал?

– Служилым человеком был.

– То-то я смотрю, больно лихо ты с громобойным оружием обращаешься. Хвалю, и от себя спасибо большое. Выручил ты здорово, прямо в точку!

– За русских порадеть всегда готов, ну и за себя тоже. Если бы татары село взяли, мне или погибать, или в плен. Так что я и за свою жизнь боролся.

– Молодец, что понимаешь. Ну, это все присказка была, сказка впереди будет. Разговор у меня к тебе.

Конечно, иначе зачем позвал?

– Оставайся у меня. В дружину к Терентию определяю, на полное довольствие. Одежа, пропитание, крыша над головой – чем плохо? С трофеями, добычей неважно, сразу скажу. Какие трофеи, если от татар только отбиваться успеваем?

Андрей задумался. С одной стороны, в этой Рязани его никто не ждет – ни родители, ни друзья, ни даже бандиты. И что там он будет делать, одному богу известно. С другой стороны, не воин он в полном понимании этого слова. Стрелять умеет – на татарах проверено. Но патроны закончатся, а работать саблей, стрелять из лука – даже пользоваться щитом он совершенно не умеет. А все это оружие требует навыка, знаний, тренировок. Вот тогда сразу станет ясно, что никакой он не служилый человек, просто вун. Ну не объяснять же боярину, что он появился здесь из другого времени? Не поймет ведь. Волхв как-то сразу понял, нежиться обозвал, как кикимору лесную. Так ведь он не в сказку попал. А может, у него у самого с головой не все в порядке? Может, он галлюцинации принимает за действительность?

Боярин принял молчание Андрея за колебания.

– А не хочешь в дружину, могу в боярские дети определить.

Его, Андрея, – в дети? Боярин увидел, как в изумлении вскинулись брови Андрея.

– Надел земельный дам, деревеньку с холопами для прокорма. А случись нападение, вместе с дружиной воевать будешь.

Что в дружине, что в боярских детях – воевать все равно придется. Учитывая, что татары нападают внезапно и могут подстрелить из лука, жизнь здесь может оказаться недолгой. И кроме того, он ничего не понимает в сельском хозяйстве, рожь от пшеницы не отличит. Сложная дилемма.

– Подумать надо, сложно все, – ответил Андрей.

– А как же! – подхватил боярин. – Ты же не дите малое, неразумное, можно сказать – жизнь менять придется. Я подожду.

Видимо, боярин был очень заинтересован в том, чтобы Андрей остался.

Сочтя разговор законченным, Андрей поднялся с лавки.

– Э, нет, – остановил его боярин. – А покушать? Как же после разговора несолоно хлебавши уйти? Меня, хозяина, обидишь. – Боярин крикнул: – Прощка, обед неси!

Холопы накрыли на стол. Пришел Терентий – как чувствовал. А может, у них специально уговорено было. Андрей оказал существенную помощь боярину и селу в обороне. Но он человек свободный, волен уйти в любой момент, а терять такого бойца боярину не хотелось. Вот только Андрей задавал себе вопрос: «Что я буду делать в этой глуши, если останусь?»

Глава 4. Суд

Угощение было обильным, но без изысков. Продукты натуральные, свежие, все вкусно. Для начала поели куриного супчика с потрошками, заедая его пирожками с тушеной капустой – боярин и Терентий называли пирожки «пряженцами». Потом холопы унесли пустые чашки и водрузили на стол гуся, фаршированного гречневой кашей. Под гуся подали свежее пиво.

Смена блюд шла одна за другой. И если Андрей в охотку съел весь суп и изрядный кусок гусятины с кашей, то следующие блюда он только пробовал. Глазами съел бы все, но желудок был уже полон.

Пива выпили много. Вкусное, оно пилось в охотку, да еще тосты звучали один за другим: сначала за боярина, потом – за воинство, затем за самого Андрея. Ну как тут не выпить? Обида!

Застолье затянулось до вечера, в голове уже шумело.

«А неплохо боярин сидит! Холопы обслуживают, а он только распоряжения отдает», – подумал Андрей.

Когда уже ни один кусок в горло не лез, а Терентий пьяненько отвалился от стола, опершись спиной о стену, боярин распорядился стол убрать. Потом холопы унесли и десятника. Боярин встал из-за стола, покачиваясь, и когда к нему подскочил холоп и взял под локоток, боярин оттолкнул его руку:

– Сам!

Андрей тоже поднялся. Его слегка «штормило». Столько пива он не пил никогда и потому попытался припомнить – сколько? Выходило много, литров пять. Правда, не в один присест, за полдня.

С трудом он добрал до постоянного двора. Парень из прислуги, увидев его, кинулся помочь, но Андрей оттолкнул его руку и по примеру боярина сказал:

– Я сам!

Отперев дверь, он рухнул в постель, как был – в одежде и ботинках.

Утром проснулся с головной болью. Лицо было отечным, глаза заплаыли.

– Вот это я посидел!

Он побрел в туалет, потом умылся и направился в трапезную. Только взглянув на его лицо, парень из прислуги поставил перед ним кружку. Андрей глотнул. Так это же капустный рассол! Выпил жадно, почти не

переводя дыхание. Показалось, что полегчало.

– Шулюма бы тебе сейчас, из баранины! – посоветовал парень.

– Так неси!

– Подождать придется, не готов еще.

– В комнате подожду, шумнешь.

Андрей отлеживался в комнате. После рассола полегчало, но хотелось пить, а идти вниз было лень. И мыслей в голове не было никаких, она была пустая, как жбан.

В дверь постучал парень из трактира:

– Шулюм готов – с пылу с жару. Прошу к столу.

Андрей не спеша съел чашку горячего шулюма с хлебом и почувствовал себя значительно лучше.

За еду и комнату он расплатился татарской монетой. Интересно, надолго ли ему хватит этих монет?

Он снова поднялся в комнату – следовало поразмыслить над вчерашним предложением боярина. По сути, в этой жизни он неумеха. Сеять не может, строить – тоже, имеется в виду – своими руками. Ни бревна обтесать, ни избу сложить. Знания компьютера тут не нужны, про автомобили никто слыхом не слыхивал – только стрелять и умеет. А закончатся патроны – он тут никто, и звать его никак.

От такого жесткого расклада стало не по себе. Специальность имел, работу, квартиру, а сейчас – бомж. Поневоле закручинишься. И вариантов у него два: или к боярину на службу идти, или подаваться в Рязань. Можно и не в Рязань, а, к примеру, в Москву. Но, как всякий провинциал, он Москву недолюбливал. Суетный город, высокомерный. Но не это главное. Если он останется здесь, впереди перспектива. Иногда, конечно, по зову боярина, воевать с татарами придется, да еще сельским хозяйством, в котором он ничего не смыслил, заниматься.

А в городе? Андрей стал мысленно перебирать специальности, по которым он мог трудиться. Его денег, как он и подозревал, надолго не хватит, и впереди, в скорой перспективе, замаячит призрак голода. А еще хуже – жилья нет никакого, даже сарайчика захудалого, как защиты от дождя. Интересно, а сколько стоит дом? Вдруг его трофейных денег хватит на покупку скромной избы?

Андрей сел за стол, высыпал монеты из мешочка. Достоинства они были непонятного, и по виду можно было определить – вот это медные, двенадцать штук, а вот эти три – серебряные. Названия им, правда, он не знал, но не рубли же! И одна, судя по весу и блеску – точно золотая. Но Андрей привык к бумажным деньгам и другим ценам, и сколько здесь стоит

изба, лошадь – даже сапоги, – он понятия не имел. Со вздохом сгреб монеты в мешочек и спустился в трапезную.

За столом сидели посетители. Он улучил момент, когда половой – как здесь называли прислугу – освободился.

– Сколько стоит изба?

– Целиком не знаю, у нас не продают. Кому строиться надо, у боярина дозволения спрашивают. Пилят лес, бревна в село везут. А дальше или плотников нанимают, или сами... Ты лучше купца спроси, вон он, за дальним столом сидит.

– Незнаком я с ним, неудобно.

– Хм, неудобно портки через голову снимать. Пантелеем его звать, только сегодня вернулся, судно его на реке стоит. Повезло: если бы на день раньше вернулся – сам бы в плен попал, товар разграбили, а судно сожгли. Зачем оно им в степи?

– Познакомь, – попросил Андрей полового. – Самому несподручно, все же человек незнакомый.

– Сейчас поговорю.

Парень подошел к столу, забрал пустую посуду, переговорил с купцом и махнул Андрею рукой. Тот подошел, поздоровался.

– Садись, – предложил ему купец. – Половой сказал – разговор у тебя ко мне есть.

– Совет получить хочу.

– Не так разговор начинаешь, – нахмурился купец, – для начала познакомиться надо. Меня Пантелеем зовут.

– А меня Андреем.

– Ну вот, другое дело. Говори.

– Сколько изба в Рязани стоит?

Купец поскреб пятерней в затылке, сконфузился.

– Спроси, что полегче. Я изб не покупал, тем более – в Рязани. Захудалый городишко.

– Как «захудалый»?

– Ты не местный, наверное?

– Есть такое дело.

– Князь-то со двором в Переславле живет. Город и побольше, и познатней, и побогаче.

Андрей понял, что попал впросак. Но он решил выяснить все до конца, потому достал мешочек и вывалил из него на стол монеты.

– Это чьи деньги?

Купец окинул монеты беглым взглядом.

– Персидские, а золотая монета – османская.
– Не видал раньше, с татарина снял.
– У них деньги с разных мест. Где трофей, а где рабов продали. Они чаще всего в Кафу невольников продают.

– А купить за них что можно?

– У нас на Руси не смотрят, что на монетах написано и из какой они страны – по весу определяют. У каждого купца маленькие весы. Без весов, на глаз, скажу: за медяки есть можешь четыре седмицы. За каждую серебряную – избу с утварью, а то и с холопами. Ну а золото? – Купец задумался. – За золото можно лавку на торгу купить с товаром, свое дело открыть.

– Понятно.

Андрей сгреб деньги в мешочек и сунул его себе в карман. Ему было понятно, что он мог купить себе избу, и это главное. А лавку? Купец все мерил по себе, а Андрею вовсе не хотелось заниматься торговлей – к этому надо призвание иметь. Сроду он торгашом не был, хотя давний знакомый как-то предлагал ему быть продавцом на его строительном складе, но не лежало сердце. Так ведь дом имея, можно оглядеться, присмотреться, чем заняться.

– Спасибо, Пантелей, за совет. Подскажи, как удобнее в Переяславль добратся.

– Проще простого. Я товар с судна выгружу и дня через три мимо Переяславля пойду. Могу тебя взять. Ежели с харчами, в два медяка обойдется.

Андрей решительно поднялся:

– Заметано! Я иду с тобой!

– Твое дело, место есть. Но удобств никаких, на палубе спать будешь.

– Не страшно.

Андрей ушел к себе, отоспался.

А утром зазвонили колокола на звоннице. Он подхватился, по старой армейской привычке оделся за тридцать секунд, рассовал пистолеты по карманам, забросил за спину ружье и выскочил из комнаты. Стремглав слетел по лестнице.

– Ты чего всполошился? – встретил его часовой.

– Колокола звонят, татары!

– Успокойся, это к заутрене. Сегодня будут павших в сече хоронить.

У Андрея отлегло от сердца. Он вернулся к себе, оставил все оружие и пошел в церковь. Он православный, и молитву пропускать негоже. Люди вместе с ним стену городскую обороняли, погибли, надо почтить память.

В полдень состоялось отпевание, потом похороны.

Погибли восемь человек, все мужики. Гробы с телами поставили на подводы и вывезли за тын, на кладбище. Андрей, как и все, бросил землю – по три пригоршни – на крышки гробов. Селяне зарыли могилы. Сразу на кладбище прибавился ряд свежих могил. Заплакали бабы и дети.

Андрей пришел на постоялый двор, достал из кармана монеты и высыпал медяки перед хозяином:

– Выкати на площадь пива на все деньги.

– У меня столько пива нет, – изумился тот.

– Добавь закуской. На поминках народ выпить и поесть должен, вспомнить усопших.

– Твоя воля!

Половой вместе с еще одним парнем вынесли из трактира на площадь пиво и почти всю еду.

– Андрей, гость и постоялец наш, угощение выставляет! – объявил половой.

Пили и гуляли до вечера.

На следующий день к Андрею пришел Терентий, десятник. Сначала попенял Андрею за то, что он выставил угощения на поминках больше, чем боярин.

– Вместе воевали, можно сказать – побратимы, – оправдывался Андрей.

– Ладно, дело вчерашнее. Ты скажи, останешься ли в Нащекине. Меня боярин с утра подбивал идти узнать.

– Прости, Терентий, не останусь. Хорошее ваше село, понравилось оно мне. Но хочу себя испытать, в Переяславль подамся.

– Твоя воля. Не понравится – возвращайся, завсегда примем. – Терентий вздохнул. Понятное дело, где в глуши найдешь воина? – Так и передать боярину? – спросил он от двери.

– Так и сказать!

На следующий день в дверь постучал половой.

– Тебя Пантелей на причал просит. С вещами.

Андрей засмеялся:

– Все вещи на мне. Сколько я должен? – Он рассчитался за постой и вышел с постоялого двора.

К его удивлению, на небольшой площади у ворот стояли местные жители. Понятно – не все, но много. Они поклонились Андрею в пояс и вручили небольшой мешок.

– Это что? – Андрею было неудобно.

– Благодарность наша, пропитание.

– И вам спасибо! – Андрей поклонился. Потом взял мешок, закинул его на спину и вышел за ворота.

У небольшой, на суденышко, деревянной пристани стояло судно купца. По размеру – баркас, только была мачта с парусом.

По сходням Андрей поднялся на кораблик.

– Готов?

– Все при мне.

– Отчаливаем.

Один из членов команды отвязал швартовый конец и оттолкнулся веслом от пристани.

Андрей уселся на палубу, развязал мешок. Ого, да тут еды на несколько человек. Два каравай хлеба, жареная курица, сметана в крынке, вареные яйца, огурцы, лук и кусок копченого сала. Жаль, не улежит долго, так команда съесть поможет, не пропадет.

Мимо проплывали берега.

Приблизительно через час хода Андрей удивился:

– Чего деревень не видать?

– Они на притоках стоят. По реке ведь не только друзья плавают.

В полдень Андрей развязал мешок:

– Подходите, угощайтесь.

Курицу съели вмиг – что такое курица для четверых мужиков? А также каравай хлеба и вареные яйца. Сало Андрей приберег на следующий день.

Когда под парусом, если дул попутный ветер, или на веслах, судно за четыре дня добралось до Оки.

Движение на реке было оживленным, вверх и вниз по течению шли ушкуи, ладьи, насады. А как иначе? По дорогам опасно из-за разбойников, а если дождь пройдет, так и неделю на одном месте просидеть можно, да и груза на телеге много не увезешь. А река, как дорога, только жаль – зимой замерзает. Хотя и зимой, когда лед был крепок, по ней шли санные обозы. Лед ровный, ни спусков, ни подъемов, одна беда подстерегает – полыньи в местах, где ключи бьют.

А вскоре суденышко причалило к пристани. На высоком берегу виднелась городская стена.

– Прибыли, Андрей, Переяславль! Милости прошу на берег!

Поблагодарив, Андрей через борт ступил на причал, и судно сразу же отошло.

И вот это – столица Рязанского княжества? Андрей был разочарован. Конечно, это не село Нащekiно, но он ожидал увидеть город. А тут – такое

же село, только большое. Деревянный тын вокруг, внутри – деревянные избы. Только в центре виднелось несколько каменных храмов и зданий. Может, он поторопился сойти? Плыть бы ему с купцом до самой Москвы – так нет, квасной патриотизм разыграл. Он же рязанец, зачем ему Москва?

Невелик город, за половину часа поперек пройдешь. И едва ли не в каждом квартале – церковь. Не подозревал Андрей, что предки рязанские столь набожными были.

На ночлег он устроился на постоялом дворе, поел и лег спать. А с утра – на торг. Не за покупками, нет, просто торг был местом, где обменивались новостями: ведь газет, радио и телевидения не было, и потому торг заменял все. Поговорил с людьми и к полудню знал уже, где продаются дома. Один, по слухам, отдавали дешево. С него и решил начать осмотр Андрей.

Заявившись на указанную улицу, он нашел дом и хозяина.

Изба ему понравилась: сруб крепкий, ни одна половица не скрипит, и если не сгорит, то сто лет простоять сможет. И двор большой, чего в городе встретишь не часто: городская стена не резиновая, в любом городе земли не хватает.

Хозяин встретил его приветливо, после осмотра избы сказал, что и обстановку оставит. Хотя там и обстановка была скудной: несколько кроватей, лавка, пара сундуков и стол. Правда, обстановка – дело поправимое, были бы деньги.

Андрею поговорить бы с соседями, расспросить их – почему изба продается. Однако не хватило опыта, а может – и ума.

Ударили по рукам. Андрей спросил про документы.

– Купчую хочешь? Это запросто! Сейчас двух видаков приведем и напишем.

Нашлись бумага и чернила. Хозяин сам написал документ и сбегал за соседями. Те подписали купчую, и, поджав губы и качая головами, ушли.

Хозяин присыпал песком исписанный лист бумаги, стряхнул его и вручил Андрею:

– Владей! – И тут же как-то очень быстро ушел.

Андрей еще раз не спеша обошел свое приобретение. Площадь была изрядной – четыре комнаты. Окна маловаты – так они у всех такие; на рамы натянут скобленный бычий пузырь, и потому в избе даже днем довольно сумрачно. Слуда стояла в богатых домах, а о стекле еще и не слышали. По здешним меркам, дом был средней руки, купцу не зазорно жить или даже небогатому боярину. Были и такие, у которых земельный удел мал, да еще и неурожай несколько лет подряд.

А ночью дом ожил, и Андрей понял, почему хозяин избу отдал

задешево и не торговался. Слышались чьи-то шаги, смех, шепот, стук крышек сундуков.

Сначала Андрею стало немного не по себе. Взяв в одну руку пистолет, а в другую – свечу, он обошел все комнаты. Никого. Проверил входную дверь – заперта изнутри на засов. Не полнолуние ли тому причиной, когда всякие домовые, банники и прочая нечисть шалят? Вреда от них нет, особенно если хозяин не досаждают. А уж если он угощение выставит – блюдце молока и кусочек хлеба, так и вовсе пользу приносить будут. Избу от непрощенных гостей охранять начнут, глаза отводить будут. Одно плохо: угостить их Андрею нечем, он и сам бы поел, да за хлопотами купить ничего не успел. И запасов в доме никаких, даже круп нет. Видимо, хозяин бывший готовился к продаже.

Андрей зевнул, подумал, что завтра первым делом на торг пойдет за провизией, и улегся на постель.

С утра, умывшись и приведя себя в порядок, он отправился на торг. Он в городе оказался неожиданно богатым.

Для начала Андрей купил корзину, сплетенную из ивовых прутьев, и набил ее съестными припасами – хлебом, крупами, овощами. Потом спохватился и приобрел несколько оловянных мисок, ложек и два ножа, как здесь было принято – боевой и обеденный. Им резали еду и при необходимости использовали вместо вилок.

Вернувшись домой, он сварил каши и с удовольствием съел ее. Когда голоден, все мысли о еде.

Наевшись, Андрей начал размышлять, чем ему заняться. Деньги, сколько бы их ни было, всегда имеют свойство неожиданно заканчиваться, если их не пополнять. А денег осталось совсем немного, и если тратить только на еду, хватит месяца на два-три. Только ведь надо еще и одежду купить, в своем «цифровом» камуфляже он и так обращал на себя внимание.

Решив так, он отправился на торг снова. Подобрал себе рубаху льняную, штаны безразмерные, которые держались на поясе только на гашнике – поясе таком. Менять ботинки он пока поостерегся. Эти были крепкими, удобными, обмялись по ноге. А у местных – короткие сапожки и к тому одинаковые на обе ноги – что левый, что правый; непривычно.

Дома переоделся и посмотрел на себя в крохотное зеркало, оставшееся от прежнего хозяина. Выглядел он почти как местный, только бородка скромная, просто не брился несколько дней. Ничего, бородка отрастет. Щетина у него на щеках жесткая, растет быстро. И опять же упущение – на голову ничего не приобрел, а мужчины ходят в головных уборах.

Он снова уселся за стол. Лист бумаги бы ему. А то шариковая авторучка в кармане лежит, а писать не на чем. Стал размышлять. Для того чтобы заняться торговлей, стать купцом, нужен начальный капитал и торговая жилка. У него ни того, ни другого нет. Значит, этот вариант отпадает. Сельские работы он отмел сразу: ни пахать, ни сеять, ни жать он не умеет, тем более что ни тракторов, ни железных плугов нет. Строительство? Одному избу не поднять, тут надо в артель плотничью наниматься, а там, скорее всего, свои, давно сколоченные.

И чем больше он размышлял, тем сильнее крепло убеждение, что ничего он из себя в этом времени не представляет. Здоровый мужик, руки-ноги-голова на месте, а как заработать на жизнь, не знает. В такой трудной ситуации он еще не оказывался. Конечно, с голоду по-всякому не умрет, можно охотиться – ружье есть; патронов, правда, маловато. Но тут другой вопрос встает. Добудет он, допустим, кабана – а где хранить? Холодильников нет. Если только оставить малую часть себе, а большую – продать на кухни постоянных дворов. Да только опять неувязка. Кабана еще в город привезти надо, а ни лошади, ни телеги у него нет. А нанять – деньги платить надо, но тогда смысла нет везти кабана в город. Рыбачить – нет ни лодки, ни сетей, а с берега много не наловишь.

Так он мучился размышлениями до вечера, даже голова заболела. Потом плюнул, решил поужинать и ложиться спать. Как там в поговорке? Утро вечера мудренее.

Он сварил себе постной каши, поскольку мяса не было, налил туда молока из глечика, потом вдруг вовремя спохватился и немного молока оставил. Без аппетита поел, вылил остатки молока в миску, поставил миску в угол, рядом положил кусочек хлеба. Пусть домовый или другие ночные обитатели дома угостятся и не мешают ночью спать. С чувством исполненного долга улегся.

Не успел он уснуть, как почувствовал, что по избе кто-то ходит. Едва слышимый звук шагов, стук дверец, потом все стихло. А уж когда он придремывать стал, хваля себя за то, что угощение для домашней нечисти выставил, почувствовал, что на него смотрят. Ощущение было явное и не очень приятное.

Андрей открыл глаза и увидел: перед ним на полу стоял мужичок росточком с ладонь. Патлатая голова, по-кошачьи светящиеся в темноте глаза. Первоначально Андрея взяла оторопь, ничего подобного он сроду не видел.

– Ты кто? – спросил он мужичка.

– Домовой, – просто ответил мужичок. – А ты, стало быть, новый

хозяин избы?

– Угадал.

– За угощение спасибо. Старый-то хозяин не удосуживался, жаден был.

– Вот что. Не знаю, как тебя звать-величать, но давай жить дружно. Я тебе угощение, ты мне – покой. Я знаешь ли, по ночам спать привык.

– Имя мое тебе знать ни к чему, я ведь не человек. А хочешь жить мирно, так я ведь не против. Если к тебе с добром, так мы понимаем.

– Мы – это кто?

Домовой почесал пятерней свои патлы.

– Банник у тебя в бане еще живет. Ты после полуночи в баню не ходи, его время, не то до смерти запарит. Только я с ним не дружу, злой он.

– Ну вот и договорились. Если чем помочь можешь, ну, скажем, непрощенные гости ночью пожалуют или еще что – упреди, подскажи.

– Ага. Днем-то я подсказывать не могу, а как стемнеет – мое время. – Домовой секунду помолчал. – Ты ведь из другого мира. Человек, из плоти и крови, но не наш. И не из нечисти.

Андрей удивился, но виду не подал. С нечистью он не общался, видел домового впервые и, на что способны эти твари, не знал. Домовой удивил его еще раз.

– Послезавтра встретишься с князем Рязанским. Гордыню смири, в ножки поклонись – все и обойдется.

– Ты о чем?

Однако домовый исчез. Только что был тут, говорил – и нет его. Андрей потер глаза, осмотрел пол. Нет никого, как будто приснилось ему все. Однако превратностям жизни сильно удивляться перестал. После того как он испытал настоящий шок, попав в другое время, подсознательно ожидал и других необычных вещей. Покрутившись на постели, он уснул.

Утром, проснувшись, Андрей попытался вспомнить, что говорил ему домовый. Вроде предупреждал о встрече с князем Рязанским. Усмехнулся. Откуда нежити знать, что будет в ближайшем будущем?

Самому кашеварить не хотелось, и Андрей отправился завтракать на постоялый двор. Быстро, дешево, вкусно, и зачем тратить время на растопку печи?

Усевшись в трактире за стол, заказал курицу и пироги. Лучше сейчас поесть как следует, а потом поужинать. Двухразового питания ему вполне хватит.

Пока ждал полового с заказом, невольно прислушивался к разговорам за соседним столом. Говорили о вчерашнем ночном происшествии: убили

приезжего купца и его слугу, забрав деньги.

– Прямо на улице! Вот страсть-то! Говорят, снова хромой Филипп объявился.

– Говорят! А кто его видел? Одни бабьи сплетни! Ты сам его хоть раз видел?

– Так ведь попусту болтать не будут.

– Чепуха!

– Как же чепуха? Два года тому он был уже в городе. Побесчинствовал, потом пропал. Думали, помер, а он вновь объявился. Бают, жесток и алчен, за две ногаты жизни лишает.

– Дьяволу душу продал, не иначе! За две ногаты убить!

Дальше, как всегда, шел обычный треп. Новость обрастала слухами, причем довольно нелепыми.

Андрей слушать перестал, тем более что половой принес заказ.

Андрей поел и вышел на улицу. Пожалуй, надо идти на торг, покупать какой-нибудь головной убор. На него поглядывали неодобрительно, но ничего не говорили. Простоволосыми здесь ходили дети, другие-прочие имели на голове головные уборы. Люди служивые – круглые шапочки-тафьи, купцы – почти такие же, но отороченные мехом, несмотря на лето и теплынь. Ремесленники и прочий трудовой люд – вроде мягких шляп, но без полей, назывались колпаками.

На торгу было шумно, торговля шла бойко. Андрей нашел лавку, где продавали головные уборы, выбрал себе нечто вроде тюбетейки из льняной ткани. Легкая, на голове сидит плотно, при наклоне не сваливается, и в то же время в солнечный день в ней не будет жарко. И всем вроде бы удобно ему в местных одеждах, только одно плохо – карманов нет. Не было в то время карманов, они появятся века через два. А до этих пор деньги и ключи носили в гашниках – вроде кошельков на ремне, какие носят нынешние торговцы на рынках.

Пока Андрей выбирал и примерял свою «тюбетейку», которую торговец шапкой назвал, он узнал все городские новости. Какую свадьбу вчера купец Никифоров играл, да сколько гостей у него было, да что у кожевенника Акинфия корова вчера при отеле сдохла. А пуще всего – про разбойное нападение, про смерть лютую купца и слуги его.

В общих чертах о нападении на купца Андрей уже слышал в трактире. Новость обросла слухами, предположениями, нелепыми подробностями. Выходит, и в городах не все спокойно. А ведь казалось, небольшой, по современным меркам, город, и жителей не так много, а любителей криминальной поживы хватает.

Андрей покинул торг, решив пройти по городу. Надо было познакомиться с Переяславлем, да заодно посмотреть, какими ремеслами здесь занимаются. Мысль о поисках работы не оставляла его.

Торг был недалеко от центра. Саму центральную часть занимал кремль, место жительства самого князя, его дружины и челяди. В кремле и рядом с ним стояли церкви, а уже от них расходились узкие и кривоватые улицы. Андрей направился по одной из них. Похоже, это была улица ремесленников. Во дворах висело развешенное белье. Тут портомойки, прачки по-современному. По соседству, судя по обрезкам ткани и обрывкам ниток у ворот, обитали белошвейки. Здесь Андрею делать было нечего.

На другой улице, шедшей параллельно городской стене, проживали и работали кожевики. Здесь сильно пахло сырой кожей, дубильными веществами, красителями. Пахло отвратительно, хоть нос зажимай.

А дальше пошла кузнечная слободка из трех кривых переулков. Здесь стоял оглушительный звон от молотов и молотков, кузнецы командовали подмастерьям:

– Бей!

Пахло горячим металлом, окалиной.

Андрей повернул на улицу, ведущую к центру, прошел квартал. Явно жилые дома, причем – зажиточные. Через щели в воротах были видны колымаги, во дворах конюшни. Свой выезд мог позволить себе не каждый.

Выйдя на перекресток, боковым зрением Андрей заметил движение справа. Он повернулся и на миг застыл от изумления, пожалуй даже – от невероятности происшедшего.

На проезжей части лежал мужчина с окровавленной разбитой головой, судя по одежде – из небогатых купцов. Подле него стоял мужик разбойничьего вида со звероватым, заросшим до глаз бородой лицом. В правой, все еще приподнятой руке он держал дубинку, собираясь ударить застывшую от ужаса молодую женщину. Та схватилась обеими руками за виски и широко разинула рот, но, видимо от испуга, у нее перехватило горло, и она не могла ни крикнуть, ни позвать на помощь. Да и кто бы ей помог? Переулок был пуст.

– Стой, собака! – вскричал Андрей.

Несмотря на возраст, грабитель и убийца отреагировал мгновенно. Ему было лет сорок пять. Загорелое лицо, продубленная кожа, колючий взгляд маленьких, глубоко посаженных глаз.

Не опуская дубинки, грабитель быстрым шагом направился к Андрею. Запугать он его хотел или убить как свидетеля – неясно.

Андрей приподнял подол рубахи, вытащил из-за гашника «макаров»

и щелкнул предохранителем.

Тем временем грабитель был уже рядом, и Андрею сразу вспомнился утренний разговор в трактире о хромом Филиппе – мужик прихрамывал на левую ногу.

Кричать «Стой, стрелять буду!» было бесполезно, мужик был совсем рядом, да, скорее всего, он и не поймет, что у Андрея в руке.

Андрей выстрелил грабителю в грудь. Выстрел прозвучал просто оглушительно. Попал Андрей удачно, прямо в сердце, и грабитель рухнул сразу и молча. Дубинка его, сучковатая и окровавленная, выпала из руки, почти коснувшись ботинок Андрея.

И тут раздался истошный женский крик.

– Убили! Ратуйте, люди добрые! – кричала женщина. – А-а-а-а!

На выстрел, доселе не слыханный на этих улицах, на крик женщины во дворах, гремя цепями, залаяли собаки. Захлопали окна и калитки, высунулись любопытные, появился народ.

Вот ведь странно: когда произошло убийство купца, все было тихо и спокойно, а стоило Андрею выстрелить, тут же появились свидетели, «видаки» по-местному, причем в их глазах Андрей предстал в самом неприглядном виде: у ног его лежит в пыли убитый, а у самого Андрея в руке пистолет.

Сначала у Андрея мелькнула мысль – бежать! Да только видели его слишком многие, и в первую очередь – женщина. Город невелик, закроют ворота и сыщут.

Пока он стоял в растерянности, не зная, что предпринять, его ударили по спине и схватили за руки. Зажали сразу, как клещами, несколько человек. Причем он боялся, что в тесноте и давке нечаянно нажмет спусковой крючок, и может прогреметь случайный выстрел. Учитывая стоящий вокруг народ, будет еще один труп, а ему только этого не хватало!

– Вздернуть убийцу! – закричали в толпе.

На Андрея обрушился град ударов. Били сильно, а он не мог защититься, уклониться от тумаков.

– Да не я убил его! – закричал он.

– Как не ты, все видели! – услышал он в ответ и получил еще несколько чувствительных ударов по телу. Из разбитой губы потекла кровь, во рту стало солоно.

– Ой, это не он убил! – протиснулась сквозь толпу женщина.

– Ну-ка, расскажи! – повернулся к ней солидного вида мужчина. Кем он был, Андрей не знал, но неизвестный имел авторитетный вид, и все смолкли.

– Сначала на нас с батюшкой напал разбойник, – зачастила женщина, – и батюшку по голове дубиной хрястнул. Я так и обмерла – ужас-то какой! Отец ведь родной!

– Ты по сути рассказывай!

– Я и рассказываю. Обмерла я, а убивец на меня дубинкой замахнулся. Все, думаю, конец мне пришел, а крикнуть не могу, голос от испуга пропал.

– Ага, так бывает, по себе знаю, – сказал кто-то сзади.

– Да помолчи, Иван, пусть доскажет.

Все повернулись к женщине. Она уже немного оправилась от испуга.

– Из-за угла вон энтот вывернулся, закричал. Убивец меня убивать не стал, на энтото кинулся. А дальше я понять не могу. Гром ударил, молонья сверкнула, я от испуга глаза закрыла. Потом глядь, а убивец-то сам мертвый лежит. Я в крик! Тут уж народ сбежался. Вот и все.

– погоди, Полина, не мельтеши. Ты хочешь сказать, что батюшку твоего убил не он, а вот этот? – мужчина указал на убитого разбойника.

– Истинно так! Я же только рассказала.

– И я говорил, что не виноват! – вставил Андрей. Из-за разбитой губы речь его была не совсем внятной, но его поняли.

– Отпустите его! – распорядился мужчина.

Был он артельный атаман или уличный старшина, поскольку слушались его беспрекословно.

Андрея отпустили. Он щелкнул предохранителем, сунул пистолет за пояс и вытер ладонью окровавленную губу.

– Однако же, коли человека жизни лишили, надо ко князю, пусть суд вершит. Может, ошибается Полина-то, – веско сказал старшина.

– Это что же выходит – что я неправду говорю? – взвилась женщина.

– Я сказал – не знаю! Берите обоих убиенных и несите ко кремлю. И глаз пока с этого не спускайте! – кивнул он на Андрея.

Несколько кожемяк в кожаных фартуках на голых торсах подняли убитых, и вся толпа двинулась к кремлю.

У ворот деревянного детинца остановились. У калитки стоял воин в доспехах.

– Чего шумим? – пробасил он.

– Князь надобен, суд вершить! – веско заявил старшина. – Дело безотлагательное, видишь – двух человек жизни лишили?

Толпа расступилась, явив перед воином двух убитых. Воин молча повернулся и исчез за калиткой. Вскоре он вышел.

– Я доложил, приказано ждать.

За время ожидания толпа увеличилась многократно за счет

любопытных.

Прошло не меньше полчаса, потом калитка распахнулась. С княжьего двора холопы вынесли несколько лавок и один стул с высокой спинкой. Затем вышел князь. Его можно было угадать по красному княжескому плащу – корзно. Носить такой плащ было позволено только людям княжеского звания.

За князем следовало несколько бояр и писец, несший лист бумаги, чернильницу и перья.

– Доброго здоровья, княже Иван Федорович! – отбил поклон старшина, а за ним и вся толпа. Андрей замешкался на секунду, увидел удивленно взметнувшиеся брови князя и тоже поклонился ему в пояс.

– И вам долгие лета! Какая нужда привела вас ко мне? Дружинники говорят – суда моего требуете?

– Истинно так, княже! Двоих человек живота лишили!

– Давненько в городе моем смертоубийства не было! А тут вчера и сегодня. Кого убили?

– Один – купец Бахметьев, второго не знаю.

– Кто может рассказать мне суть дела?

Князь уселся на стул с высокой спинкой, затем на лавки уселись бояре. Писарь положил на колени дощечку, вставил в углубление чернильницу, приготовил перо.

Старшина подтолкнул вперед Полину:

– Это дочь убитого купца, она все видела.

– Говори.

И Полина рассказала все, что видела.

– Прямо-таки гром и молния? – усмехнулся недоверчиво князь.

– Истинно так, княже, – поклонилась Полина.

– Ладно, разберемся. Ты кто такой? – обратился князь к Андрею. – Что-то я тебя раньше не видел.

– Андрей Кожеватов, жил раньше в Рязани. Теперь тут, в городе дом купил.

– Расскажи по порядку, что случилось?

Андрей четко, по сути рассказал происшедшее.

– Так, – кивнул головой князь, – понятно. А почему губа разбита?

– А это уже после. Набежал народ и, не разобравшись, побили.

– Они могут, – усмехнулся князь. – А вдруг ты по ошибке честного мужа убил? – посерьезнел он.

Андрей решил идти ва-банк.

– Это же разбойник, хромой Филипп.

Толпа ахнула.

– Сам посуди, князь. Добрый человек с дубинкой на людей нападать не будет, да и хроمال он.

– Этого мы теперь не узнаем, ходить-то он не может, – князь сказал серьезно, но в толпе захохотали.

– Проверить – проще некуда. Дочь убитого говорит, да я и сам видел. А коли доказательства нужны – пусть измерят у него ноги. Коли хромой – одна нога покорооче будет.

– Верно! – зашумела толпа.

Князь повернулся к воину:

– Приведи плотника.

Воин убежал исполнять приказание, толпа замерла в ожидании. Коли на самом деле убит хромой Филипп, новость просто сногсшибательная.

Воин привел плотника.

– Измерь-ка у убитого ноги! – приказал князь.

– Ноги? – удивился плотник. – Может – всего? Домовину сделать?

– Ты плохо слышишь? – В голосе князя появился металл.

Плотник подошел к убитым.

– Каждого мерить?

Ему показали. Плотник достал из кармана бечевку. На ней через каждый вершок были навязаны узелки, через пядь – узелок покрупнее. Он деловито измерил ноги убитого.

– Что-то у меня разница выходит, – недоуменно поднял он глаза на князя. – Позволь перемерить, князь.

– Ты хочешь сказать, что у него ноги разной длины?

– Именно так, князь. Левая нога короче.

Над толпой пронесся вздох радости ли, сожаления. Убит давно известный разбойник хромой Филипп.

– Так, убитого установили, – молвил князь. – Коли он разбойник и смертоубивец, вздернуть его за городскими воротами, пусть висит в назидание другим!

Двое кожемяк подхватили и унесли труп разбойника.

– А тело купца домой отнесите. Обмыть, отпеть по христианскому обычаю надо и похоронить.

Тело купца унесли. Впереди шла его дочь.

Толпа не расходилась, и Андрей понял, что суд еще не кончился.

– Скажи-ка мне, Андрей, что это за гром и молния были у тебя?

– Ручница у меня, – ответил Андрей. – Несколько дней назад я ею помогал в Нащекине от татар отбиться.

– Так это был ты? – удивленно вскричал князь. – Только вчера я получил от боярина письмо. Пишет о набеге татарском, о рязанце, что помог огненным боем оборониться, крепко помог. Не знал, что свидимся. Молодец! Хвалю! – И тут же спросил старшину: – Кто героя бил? Почти лицо безвинно разбили?

Старшина струхнул. Если побили без вины, пустили кровь, на виноватых по «Правде» наложат виру – денежный штраф. Причем большая его часть пойдет в княжескую казну, меньшая – обиженному.

– Так не видел я, княже. Народу много сбежалось, с нескольких улиц.

– Не хочешь виноватых назвать? Покрываешь? Тогда вот вам мое княжеское слово. Накладываю виру за битье до крови невинного человека: две деньги в княжескую казну, одна деньга – пострадавшему. Впредь осмотрительнее будете.

Старшина вздохнул, но спорить не посмел. И в самом деле – побили невинного. А как уследишь, кто бил? Кожемяки – мужики здоровые, покрепче купцов будут. Чтобы воловьи шкуры в чанах мять, сила и выносливость нужны. Слабых там не держат.

– Записал? – спросил князь писаря.

Тот вскочил с лавки, поклонился:

– Все записал, слово в слово.

– Добро.

Князь встал, давая понять, что суд окончен.

Толпа, удовлетворенная справедливым судом, стала медленно расходиться. Все шушукались, поглядывали на Андрея. Одна молодка подмигнула ему и одобрительно засмеялась.

Андрей собирался уже пойти домой, как к нему подошел один из бояр, сидевший до того на лавке.

– Князь просит во двор зайти.

Андрей кивнул и пошел за боярином.

Князь в окружении бояр и нескольких воинов стоял в центре двора. Воины, судя по украшенным доспехам, были из знатных, скорее всего, десятники и сотники дружинные.

– Ну, здравствуй, Андрей! – князь протянул ему руку для пожатия. Это было высшим знаком благоволения, диковинкой для окружающих их людей.

Князь Рязанский владел многими землями и городами, лишь немного уступавшими княжеству Московскому, и для простолюдина пожать ему руку – как орден получить.

Андрей пожал неожиданно сильную руку князя, ощутив мозоли на

княжеской ладони. Удивился, потом дошло: не от сохи мозоли, от труда воинского, от сабли.

– Покажи-ка нам, что есть огненный бой? Слышать про сию диковинку приходилось от послов, а вот видеть – никогда.

Жаль было Андрею патрон попусту тратить, да как князю откажешь?

– Хорошо, но только цель нужна.

– Проще некуда. Эй, кто-нибудь, принесите из поварской кувшин.

Один из воинов помоложе сбегал в пристройку, принес оттуда глиняный кувшин и поставил его у бревенчатого забора.

– Так хорошо будет? – спросил воин.

Андрей кивнул, повернулся к князю.

– Позабавь, – разрешил князь.

Кувшин стоял метрах в тридцати. Для «макарова» далековато, это не «ТТ» или «парабеллум», патрон слабоват. Но по размеру цель вполне подходящая, как круг «восьмерки» на стандартной пистолетной мишени.

Андрей вытащил из-за пояса пистолет, снял с предохранителя и взвел пальцем курок. Можно было стрелять и самовзводом, нажав на спусковой крючок, но тогда значительно увеличивалось усилие на крючке и терялась точность. Самовзвод – для экстренных случаев, для стрельбы почти в упор.

Он вскинул руку, прицелился и нажал на крючок.

На закрытом со всех сторон забором и зданиями дворе бабахнуло громко. С крыш взлетели испуганные резким звуком вороны и воробьи. Сзади ахнули от неожиданности воины и бояре. А главное – горшок разлетелся на куски.

– О! Здорово! – восхитился князь. – Только цель близка.

– Для дальней у меня побольше оружие есть, пицаль.

– Слыхивал про такую. А сказывают – дыма и огня от нее много?

– У меня вещица заморская, потому без дыма, и серой не пахнет.

– Умеют же делать! Покажи!

Андрей вытащил магазин и передернул затвор, удалив патрон из патронника. Ему только несчастного случая на княжеском дворе не хватало.

Он протянул князю пистолет. Тот взял, с интересом повертел в руках.

– Маленький, а тяжелый, и выделка просто великолепная. Грохочет сильно, ажно в ушах зазвенело.

– При выстреле рот надо открывать, тогда глушить не будет.

– Эвон как! Дай попробовать!

Андрей вздохнул – он предчувствовал просьбу.

– Эй, кто там! Несите еще горшок!

Принесли еще один горшок. Андрей объяснил князю, как целиться.

– Князь, попробуй на незаряженном.

– Это зачем?

– Спуск почувствовать.

– Можно.

Князь вскинул пистолет, долго целился и, наконец, нажал на спуск. Сухо щелкнул курок.

Андрей вставил патрон в патронник.

Князь снова поднял руку с пистолетом, прицелился и выстрелил. И, к удивлению Андрея и восторгу бояр и воинов, попал. С довольной улыбкой он вернул пистолет Андрею.

– Занятная вещица! Продай!

Опять продай! Боярин Нащекин просил, теперь князь. И отказать неудобно, все-таки князь – правитель княжества, где Андрей сейчас живет. В принципе, у него второй пистолет есть, только к нему патронов кот наплакал.

Князь затянувшееся молчание понял по-своему:

– Хорошие деньги дам.

– Князь, я не против, только патронов к нему мало, – Андрей посмотрел на магазин. – Всего два осталось.

– Ха, тоже мне загвоздка! Посла пошлю купить! Ты только скажи куда?

– Тогда смотри.

Андрей выщелкнул из магазина патроны и загнал их в рукоять. Объяснил, как перезаряжать, как ставить и снимать с предохранителя.

– Понятно?

– Я князь все-таки, разобрался. Эй, казначея сюда!

– Не надо, дарю!

– О! Царский подарок, ни у кого такого нет!

Князь любовался полированной вороненой сталью, любовно погладил ее ладонью. За спиной неслышно возник казначей, кашлянул вежливо. Князь повернулся к нему:

– Подарок от подданного. Забери в хранилище и береги, как зеницу ока. Понял ли?

– Все сделаю, как велишь, князь!

Взяв пистолет, как драгоценность, обеими руками, казначей понес его в княжеский дом.

– Ну что же, на щедрый подарок ответить надо. Идем, отобедаем вместе.

Бояре завистливо вздохнули.

– И вас приглашаю, – обернулся к ним князь.

Бояре и воины заулыбались и двинулись к княжескому терему – там уже был накрыт стол.

Каждый уселся на свое место. Андрей остался в одиночестве посреди трапезной.

– Ты что там встал? – услышал он голос князя. – Иди, садись по правую руку.

Насколько Андрей читал исторические книги и смотрел фильмы, он знал, что место рядом с князем почетное, не каждому позволено там сидеть.

Холопы быстро разлили по кубкам вино.

Князь встал, ножом порезал жареного поросенка, лежавшего перед ним на серебряном подносе, наколот острием кусок и положил его на небольшое блюдо, которое держал холоп.

– Боярину Охлопкову.

Холоп бегом отнес блюдо боярину.

Так князь раздал мясные куски боярам. Потом наступила очередь старших из воинской дружины. Как понял Андрей, князь соблюдал определенный ритуал. Сначала тому, чей род боярский знатный и более древний, потом – воинам по старшинству; в конце концов, очередь дошла и до Андрея.

Первый тост, прозвучавший за процветание княжества Рязанского, был встречен одобрительными криками. Все осушили кубки до дна и набросились на мясо. А потом холопы стали подносить и менять горячие закуски одну за другой. Когда дошла очередь до похлебки, Андрей уже наелся, а блюда все меняли и меняли.

Отдав дань столу, князь повернулся к Андрею:

– Ты правильно сделал, что из Рязани в Переяславль перебрался. Видишь, и князь тебя приметил. Я хороших людей примечаю, не то что москвичи.

При этих словах по лицу князя пробежала тень, и Андрей понял, что у Рязанского княжества с Московским княжеством отношения непростые.

– Давай выпьем с тобой, – предложил князь.

Холопы тут же наполнили кубки. Андрей отметил про себя, что посуда сплошь серебряная, а у князя – золотая, тонкой работы. Таковую он видел только в музеях, а сейчас и самому довелось в руках держать.

Они выпили.

– Что, понравился кубок? – спросил князь, увидев интерес Андрея.

– Понравился, – ответил Андрей.

– Дарю.

– Спасибо.

Не знал тогда Андрей, что хозяин часто дарил гостю понравившуюся вещь. И традиция эта была давней, не только княжеской. Поэтому, прежде чем ответить, нужно было крепко подумать. Ведь скажешь – не понравилась, и хозяин может обидеться.

– Ты чем на жизнь зарабатываешь? – неожиданно поинтересовался князь. – Уж больно Нащекин о тебе слова хорошие прописал. Ремесленник али купец таким огненным боем владеть может. Не из стрельцов, часом?

– Здесь, на новом месте, пока не обустроился, – осторожно ответил Андрей. – А до того в Рязани жил.

– Да про Рязань я уже слышал, – нетерпеливо отмахнулся князь. – Служил где? Я ведь сразу смекнул, что ты человек служилый.

Андрей вздохнул. Вот это он влип! Соврать? Придется. Не рассказывать же правду о переносе во времени и в пространстве.

– От твоих глаз, князь, ничего не укроется.

Князь только довольно улыбнулся.

– Служил я далеко, у иноземцев. В Саксонии, стрельцом. И как раз по огненному бою. Только плохо русскому человеку в неметчине, вера другая, обычаи. Деньжат скопил, и как раз на избу здесь хватило.

– Подожди-ка! Из Саксонии твоей с закатной стороны приходят. Как же ты к Нащекину попал?

– С кораблем попутным, купец взял. Только купец был московский, обмишулился маленько, посадил не там. Думал – доберусь напрямки, а тут татары.

– Бывает. Сколько басурман уложил?

– Да разве я их считал? Наверное, с десятков, может – чуть поболее будет.

– Ну ты молодец! Не каждый богатырь так сможет! И ведь не врешь, Нащекин в высшей степени тебя хвалит.

– Врать-то мне зачем? Не я тебе сказал – боярин Нащекин написал.

– Верно. Предложение у меня к тебе. Самое что ни на есть для мужчины.

– В дружину к тебе не пойду, – сразу заявил Андрей. – С лошадьми не дружу.

Князь громко расхохотался:

– Ну да, и стрельцы московские также. С пищалями ходят, да все пешими. – Он встал, вытер выступившие от смеха слезы: – Уморил,

никакого скомороха не надобно. Я не о дружине, есть кому сабельками вострыми помахать. Хочу предложить тебе за порядком в городе смотреть – вот как сегодня. Татей да разбойников-убийц ловить да в поруб их сажать. А коли сопротивляться будут – стрелять, как собак бешеных.

Андрей задумался. Работа вроде полицейской. Только ведь у него знаний никаких и навыков нет.

А князь тем временем продолжил:

– Жалованье положу, как старшему дружиннику. Изба у тебя есть, служи – что еще мужу славному надо?

– Получается по образу немецкому. Хорошо, согласен.

На какое-то время это был для Андрея выход.

Князь хлопнул в ладоши, и рядом возник холоп.

– Зови писаря.

Появившемуся писарю он тут же продиктовал текст.

– Пусть глашатай завтра на площади объявит.

– Будет исполнено! – Писарь поклонился и ушел.

В городах за порядком следили старшие слободок. На ночь они перегораживали улицы рогатками, а горожане по очереди охраняли город от лихих людей. А теперь и человек и должность появились.

Обед плавно перерос в ужин. Андрей на еду уже смотреть не мог, желудок был полон.

Когда начало темнеть за слюдяными оконцами, князь поднялся:

– Желаю всем здравствовать. – Потом он обернулся к Андрею: – Если что надо будет, спроси у моего ключника, я его предупрежу.

И ушел. И этим как будто сигнал дал. Бояре и воины сразу засобирались. Андрей же замешкался – брать кубок или нет? С одной стороны – подарок, но с другой – холопы могут счесть, что украл.

К нему подошел старший из холопов:

– Надо ли чего, гость званый?

– Князь кубок подарил.

– Слышал, сейчас принесу.

Холоп взял кубок, вышел в двери и почти сразу же вернулся:

– Вымыл я его после вина-то да в тряпицу чистую завернул.

– Спасибо.

Холоп от изумления даже рот открыл. Обычно в княжеском доме холопам «спасибо» не говорили.

– Пойдем, я провожу.

Пожалуй, Андрей сам бы по лестницам и переходам выхода не нашел. Холоп довел его до самых ворот.

Андрей успел только войти в избу, раздеться и разуться, как его накрыло опьянение – все-таки выпил он вина немало. Как он упал на постель, уже и не помнил.

Утром он посмотрел на себя в крохотное зеркало: лицо помятое, веки отечные, припухшие. Умылся ледяной водой из колодца – немного полегчало. Хорошо, хоть бриться не надо, пусть борода растет.

Однако дома есть нечего, хотя припасы в виде круп и муки имеются. Решил в трактир сходить, поесть горяченького.

Народу в трактире было немного: время было уже около полудня, а рабочий люд вставал рано. Это он после гульбища позволил себе расслабиться, поспать подольше.

Как только он сел за стол, подскочил половой. Андрей обратил внимание, что присутствующие на него во все глаза уставились, едва пальцами не показывают. Сам хозяин вышел, вынес жбан пива и с почтением поставил на стол.

– Угощаю от заведения. Такой гость нас посетил, такой гость!

– Да вы что тут все, сказались?

– Ну как же, весь город только и говорит о том, как ты громом хромого Фильку поразил. Или не ты?

– Я.

– Вот! Бают, сам князь тебе кубок невероятной красоты подарил.

– И это припоминаю.

– Не каждого князь рядом с собой на пиру за стол посадит. Честь великая! А еще с утра на площади глашатай указ княжий счел. Исправник ты наш городской теперь.

– Все правда.

То, что его исправником назвали, Андрея удивило. Вроде вчера князь его по-другому назвал. Да какая, в принципе, разница? Не полицейским же, нет еще таких слов в лексиконе.

– Позволь рядом присесть?

Андрея это неприятно удивило.

– Заведение твое, ты хозяин – чего разрешение спрашивать? Садись, коли дело есть.

Хозяин присел на лавку напротив:

– Именно дело. – Он наклонился к Андрею. – Бабка одна паршивая в Кривом переулке, недалеко от постоянного двора живет.

– И что?

– Перевар делает да мужикам продает.

Андрей сразу догадался.

– Конкуренция?

– Ась?

– Говорю – покупателей отбивает?

– Как есть отбивает, – закивал головой хозяин. – Да ладно бы еще перевар хороший был, а то всякую дрянь туда добавляет. Приструнить бы ее... А я в долгу не останусь.

Андрей засмеялся. Ну все как в его времена, ничего нового.

– Ладно, а как дом ее узнать?

– Самый захудалый в переулке – ее. Крыша соломой крыта.

М-да, можно сказать – не приступил еще к службе, а уже первый донос и первое дело наклеивается.

Половой принес еду.

– Да ты кушай, я мешать не буду, – хозяин удалился.

Андрей поел под пристальным взглядом посетителей, расплатился и пошел на торг. Все новости там, глядишь – что-нибудь полезное для себя услышит. А потом – к княжескому ключнику. Надо узнать, что он должен делать, перед кем отчитываться и где у них тюрьма – или как там она называется?

Пока Андрей шел по улице, на него оборачивались, шептались. Такая известность ему не нравилась, но изменить что-либо он был не в силах. Город маленький, едва ли не каждый житель на виду.

На торгу вокруг него образовался круг, как вокруг неприкасаемого. Думал послушать новости, и сам стал объектом интереса. Потому Андрей поспешил уйти с торга.

Княжеский ключник встретил его приветливо.

– Говорил мне о тебе князь, Андрей.

– Ты уже имя знаешь?

– По должности положено. Что хотел-то?

– Какие у меня права?

– Ты о чем говоришь?

– Если тать или разбойник сопротивляться будут, что мне можно?

– Все, что хочешь. Если на месте злодеяния застал, да еще и видаки есть, даже жизни лишить можешь – по «Правде» так писано. А убийца и повесить можно на людном месте, скажем – у дороги, в назидание другим.

– А если я тать поймал, куда его?

– Известное дело, в поруб.

– Это тюрьма, что ли?

– Где ты слов таких набрался? В неметчине? В порубе злодеи содержатся до суда. Не виноват – отпустят. Виноват – или казнят, или виру

наложат. Чего же им попусту сидеть? Кормить родня должна, а если нет родни, князь, что ли, их поить-кормить должен? Так никакой казны не хватит.

- Разумно. А оружие какое-нибудь мне положено?
- Иди к старшему дружиннику, проси, что надобно.
- Понял, спасибо.

Старший дружинник на просьбу Андрея распахнул дверь арсенала и, зевнув, перекрестил рот:

- Бери, что любо.

Андрей подсадовал, что раньше не продумал, что ему выбрать. Вдоль стен стояли копья, на полках лежали сабли, колчаны со стрелами, луки; на стенах висели щиты. У другой стены на полках хранились кольчуги, бахтерцы, смазанные маслом. Оружия вроде много, но все не то. Для боя с врагом – в самый раз, но не ходить же ему со щитом? Смехота да и только.

- Ну, подобрал?
- Мне бы плетку да что-нибудь вроде дубинки.
- Шестопер возьмешь?

Дружинник указал на шестопер – оружие вроде дубинки, на конце которого были приделаны железные пластины. Таким только головы проламывать.

- Нет.
- Тогда пошли к шорнику, плети он делает.

Шорник занимался изготовлением конской сбруи – седел, уздечек; он же делал и плетки. Андрей выбрал себе плетку по руке, взмахнул пару раз. Семь кожаных хвостов со свистом рассекли воздух. Пожалуй, с такой и дубинка не нужна.

- Беру.
- Владей, – безразлично сказал шорник.

Андрей не знал, с чего начать службу, поэтому направился к бабке в Кривой переулок. И трактирщику потрафить надо, и с сомнительной личностью познакомиться – наверняка там отбросы общества собираются. Злачные места как магнитом притягивают к себе маргиналов.

Кривой переулок Андрей нашел быстро и так же быстро определился, какая из изб имеет соломенную крышу – на остальных домах крыши были из деревянных плашек, уложенных на манер черепицы, или из деревянного горбыля, поскольку доски стоили недешево – ведь дерево надо было пилить вдоль ручными пилами.

В полусотне шагов Андрей остановился, понаблюдав.

К дому периодически подходили мужики и быстро возвращались. Кто-

то нес в руке заветный кувшин, другие выпивали по кружечке в избе – когда проходили мимо Андрея, запашок от них был специфический. Точно, не напраслину навел на бабку трактирщик.

Водки в эти времена еще не было, как и государственной монополии на торговлю ею, а стоялый мед, так же как вино и пиво, продавать не воспрещалось. Но с торговых людей, трактирщиков брали своего рода налоги: десятину на церковь, мыто при ввозе товара в город, и еще – в княжескую казну. В каждом городе это было по-разному: где с дыма, то есть с печи, где с души. Причем население, или души, считалось только мужское, женщины и дети не учитывались. Понятно, что бабка не платила ничего.

За час, что простоял Андрей, мимо него прошмыгнуло к бабке шесть человек – поболее, чем в трактир. Туда приходили не только выпить, но и поесть. Однако и обороты у бабки!

Андрей пошел в избу.

Калитка держалась на одной кожаной петле и не закрывалась. Старый сруб наполовину врос в землю и глядел на улицу маленькими подслеповатыми оконцами.

Андрей открыл невысокую дверь и, едва не приложившись темечком о низкую притолоку, вошел.

Весь дом внутри – одна комната, посередине печь. В избе грязно, сильный специфический запах дрянного самогона, называемого переваром.

К нему тут же подошла старушка, одетая в тряпье.

– Чего будешь брат, соколик?

– Ничего. Я исправник городской, князем назначен.

Бабка изменилась в лице, глаза злобно сверкнули:

– Злодейку нашел! Шел бы ты отсель подобру-поздорову!

– Угрожаешь, старая?

– Тоже мне, испугал!

– Налоги в казну не платишь? В поруб тебя посажу.

– Так нет у меня ничего, напраслину люди возводят! – Бабка решила сменить тон на жалостливый.

– А вот я сейчас посмотрю.

В это время в избу ввалился пропитого вида мужичок.

– Ох, болею, Савельевна! Плесни кружечку перевара в долг!

У бабки от негодования чуть глаза из орбит не выскочили. Надо же так ее продать, ни за понюшку табаку!

– Изыди отсель, злыдень!

Мужик стал канючить:

– Не в первый же раз, Савельевна! Отдам должок-то!

– Уйди, сказала! Нет у меня ничего!

Мужик вздохнул и вышел.

– Ну, опять запираяться будешь? – засмеялся Андрей. – Этот выпивоха тебя с потрохами продал.

Бабка злобно зыркнула на него:

– Вон в углу жбан стоит, смотри.

В углу избы, накрытый тряпьем, стоял деревянный жбан литров на тридцать. В нем поверху плавал мусор – жучки, тараканы, клочок соломы.

– Что ж ты людей травишь, старая? Это же пить нельзя, отравя!

– Я их заставляю, что ли? Сами ходят и просят, слышал же.

Андрей поднял жбан, вынес его из избы и у порога опрокинул. Его накрыл сивушный запах. Он забросил пустой жбан в избу.

– Еще есть?

– Нет, вот как на духу, – бабка перекрестилась.

– Ага, крестишься, а ни одной иконы в красном углу нет.

– Денег нет купить, – тут же нашлась с ответом старуха.

– Ну, гляди мне! Поймаю вдругорядь – так легко не отделаешься.

Андрей уже отошел на квартал, когда вдруг понял, что по неопытности своей сделал не все. У бабки должен быть самогонный аппарат, пусть хоть и примитивный, и какое-то сусло, из которого она гонит перегар. Все это надо было найти и уничтожить. Сплоховал! «Ладно, не последний день живу, – успокоил он сам себя, – впредь умнее буду».

На улице редкие прохожие здоровались, и Андрей отвечал. Странно, в его время в подъезде знакомые здоровались, сослуживцы на работе. А тут – незнакомые совсем люди.

За хлопотами и день почти прошел, солнце клонилось к закату. Андрей зашел в трактир, пообедал, а может, и поужинал – кто разберет? Уходя, попросил немного молока. Половой удивился, но небольшой кувшин с молоком вынес. Совсем Андрей про домового забыл: вчера пьяненький пришел, ничем нечисть не угостил – а стоило.

Как пришел домой, налил молочка в миску и поставил в угол, а сам, пока еще было светло, сел разглядывать подаренный князем кубок. Работа была хорошая: полированное серебро, иконка и гравировка со сценами охоты; по ножке – камни драгоценные в оправках. Должно быть, немалой стоимости! Положил его в сундук. Из такого кубка только по великим праздникам пить!

Андрей сел на постель, сунул руку под подушку и достал пистолет. Один-то он князю подарил, но остался второй, бандитский. Под подушкой

лежали еще два патрона, которые он вчера вытащил из магазина. Он защелкнул их, пересчитал. Маловато, всего пять штук осталось, а дальше – хоть выброси. Полезная вещь, а без патронов – бесполезная железяка. Он снова сунул пистолет под подушку и улегся спать – в избе уже было сумрачно.

Около полуночи он проснулся от прикосновения к руке. Открыв глаза, увидел, что перед ним, сверкая в темноте глазами, стоит домовый. С непривычки стало жутковато.

– Не спи сегодня ночью, хозяин, непрошенные гости пожалуют.

И пропал, как и не было его. Андрей даже не успел поблагодарить его за позавчерашнее предупреждение.

Он улегся снова, вытащил пистолет из-под подушки и снял его с предохранителя. Дремал вполглаза, от малейшего шороха настораживался.

Часа в четыре, когда самый сон, послышался легкий стук – вроде как из сеней. Андрей поднялся, не обуваясь, вышел в переднюю комнату и встал за печь. Слегка потянуло сквозняком – это открылась дверь в избу.

Вошли двое, ступали осторожно, неслышно – наверняка на ногах поршни, как называли обувь вроде тапочек из заячьей шкурки. Мягкая, ногу не натирает, позволяет ступать бесшумно, одно плохо – подошва быстро протирается.

Один сразу шмыгнул в спальню, а второй остался у двери. Отход прикрывал или боялся?

Мужики были небольшого роста, как и большинство здесь. Андрей был выше их на голову – акселерация! И он был значительно сильнее физически.

Но Андрей не стал рисковать – неизвестно, какое оружие имеют незванные гости. Он поднял пистолет, навел в середину неясной тени и выстрелил.

По ушам ударил грохот, глаза ослепило вспышкой. Практически сразу же раздался стук упавшего тела и хрип.

На несколько секунд Андрей потерял способность видеть. Он сомкнул веки, чтобы глаза быстрее адаптировались к темноте, и тут же услышал шепелявый голос домового:

– Смотри!

На Андрея беззвучно летела тень. Второй разбойник, находясь в другой комнате, не был ослеплен вспышкой выстрела, хорошо видел, где противник, и мчался на хозяина. Только он не знал, что пистолет у Андрея в руках современный и времени для перезарядки не требует.

Андрей выстрелил почти в упор, с двух метров. Грабитель и

несостоявшийся убийца упал, задев при падении Андрея чем-то острым. Больно обожгло живот. Вот сволочь, зацепил!

Андрей прижал руку к животу, отошел и уселся на сундук. Надо было дожждаться рассвета, потом он разберется. В избе нет ни свечки, ни масляного фонаря, да и зажечь их нечем.

В каждом доме огонь хранился в глиняном горшке – в нем лежали тлеющие угли. Кроме того, перед иконами горела лампадка, и от нее можно было зажечь лучину. А у него – ничего. Не было времени обустроиться, приобрести необходимые мелочи.

Через полчаса пропели петухи у соседей. За окнами стало сереть, темень отступала, уступая место зарождающемуся дню.

Когда в избе стало немного светлее, Андрей приподнял окровавленную рубаху. Боль к тому времени уже ушла, да и раны не было видно, затянулась. Рубаху, скоты такие, только попортили, новую надо покупать.

Он встал и подошел к татю, которого убил первым. Тот уже лежал бездыханным, рядом валялся длинный – с локоть – нож.

У Андрея даже мурашки по коже пробежали. Он повернулся ко второму разбойнику. Тот был еще жив, дышал, но под его телом расплывалось кровавое пятно. Похоже – не жилец, отойдет скоро.

Андрей перевернул его. Ба! Да лицо знакомое! Точно, видел он его на торгу.

Разбойник лежал без чувств, в руке зажат нож. Хоть и без сознания был, а не выпустил оружие.

Андрей нагнулся, наступил ногой на запястье, своей рукой разжал грабителю пальцы, вытащил у него из руки нож и отбросил его в сторону. Береженого бог бережет!

Он набрал в ковш воды из ведра и плеснул в лицо разбойнику. Тот дернулся, как от удара, открыл глаза и мутным взором обвел комнату. Взгляд сфокусировался на Андрее.

– Счастлив твой бог, – с перерывами сказал он.

– Ты зачем сюда пришел? – спросил Андрей. Вроде бы врагов он не успел нажить, чтобы они его убивать пришли.

– Кубок князь тебе подарил, красоты и цены невероятной, – вздохнул грабитель.

Теперь все встало на свои места. О подарке князя знали многие – бояре и воины, бывшие вместе с ним на пиру, холопы княжеские.

– И куда бы ты его дел? Таких денег ни у кого нет, чтобы купить его.

– Много ты знаешь, пришлый! – криво усмехнулся разбойник и охнул от боли.

– А теперь и ты подышаешь, и дружок твой уже с дьяволом общается в преисподней. Грехов, думаю, на вас немало, в рай не пустят.

– Думал – врут, небылицы бают про гром и молнию – ан нет, правда. Знал бы – не пошел, – тихо сказал разбойник.

– За что жизнь свою отдал? Ладно бы – за отчий дом!

– Тебе не понять. Недолго я пожил, твоя правда, зато меды всласть попил и девок потискал. А ты? Пес княжеский!

– Лучше бы ты молитву счел. С богом скоро встретишься, что ему скажешь?

Но раненый замолк, закатил глаза и вздохнул в последний раз.

Андрей выругался. Свои жизни потеряли, его двух патронов, которые могли для стоящего дела пригодиться, лишили. И куда теперь трупы девать? Он оделся, обулся и пошел к княжескому ключнику.

Тот, едва услышав об убитых злодеях, засмеялся:

– Ты что же, так ко мне и будешь бегать? Возьми любого возчика с подводой, он вывезет трупы за город и бросит в лесу. Чего их жалеть? Или ты им похороны устроить хочешь?

– Да нет, не знал я просто.

Андрей так и сделал. У торга приметил возчика с телегой и приказал ему ехать за ним. Однако возчик братья за убитых не хотел:

– Куда мертвяков?

– За город вывези и сбрось, где хочешь.

– Не по-людски как-то!

– Злодеи они, убийцы!

– А другое дело!

Возчик уехал, Андрей же принялся замывать пол от крови. Пришлось повозиться. Вымоет пол, он высохнет – а на досках снова кровавые пятна проступают. Все же он довел дело до конца. Рубаху свою окровавленную в печь сунул, потом сожжет. Надел камуфляжную куртку, поскольку больше надеть было нечего, и пошел на торг. Надо было купить новую рубашку и свечи.

Навстречу ему двигалась похоронная процессия.

Глава 5. Невольницы

Четверо мужиков несли гроб с телом, за ними шли немногочисленные родственники и знакомые. В женщине в черном Андрей узнал Полину. Ну да, как же он запамятовал, сегодня третий день! Он присоединился к процессии. При жизни он покойного не знал, но все события развернулись у него на глазах.

Процессия дошла до церкви, занесли гроб внутрь. Началась процедура отпевания. Потом гроб с телом усопшего понесли за городскую стену, на кладбище. Андрей периодически подменял мужиков, несших гроб.

Близкие простились с покойником, гроб опустили в могилу, засыпали землей и водрузили крест. Все направились в город.

Андрей, едва миновав городские ворота, повернул к торгу, однако его окликнули. Он обернулся: к нему подходила Полина.

– Ты что же, проводил батюшку в последний путь, а на поминки не придешь?

Андрей смутился:

– Я вроде не родственник, да и живым его не знал.

Но Полина взяла его под руку:

– Не по-христиански это, идем.

В голосе ее явно прозвучал укор. Надо идти, неудобно – женщина просит.

Дом оказался большим, одноэтажным, с прислугой. Столы были уже накрыты. Все уселись. Помянули лапшой с курицей, выпили, пирожков поели, как водится. Потом стали подходить к дочери, прощаться, выражая в словах соболезнование.

Андрей подошел последним: не родня все-таки, чего вперед вождя на броневики лезть? Он обнял Полину и поцеловал ее в щеку, как многие.

– Ты, Андрей, заходи иногда – просто так. Я ведь сирота теперь, одна-одинешенька осталась.

Выходит, мать она раньше потеряла, и сама не замужем, и деток нет. А теперь вот и отец...

– Буду, – пообещал Андрей.

– А ведь после убийства не зашел ни разу, – упрекнул его Полина.

– Прости.

Андрей пошел на торг, купил новую рубаху, восковых свечей, горшок под угли и горшок молока: надо было домовому угощение выставить, ведь,

можно сказать, спас его.

Придя домой, он переоделся: в рубахе-то вольготней, да и не так жарко, как в камуфляже, – и уселся на лавку. Тяжелые думы одолевали его. Как-то служба его началась... уж очень кроваво. Третий день в Переяславле – и уже три трупа. Прямо палач кровавый, Малюта Скуратов! Хотя до Малюты ему далеко, он только через век появится; да и по убиенным им тоже не сравниться, у того руки не по локоть – по плечи в крови. А ведь у убитых родственники могут быть, дружки, как бы мстить не начали. А ну их всех к черту! Он на службе и дело свое исполнять должен ревностно, не привык он работать спустя рукава.

Солнце уже садилось, и в избе начало темнеть. Он разделся и улегся на топчан. Уже придремывать стал, как вдруг подскочил от внезапно осенившей его мысли и уселся на топчане. Грабитель раненый – что он ему про кубок сказал? Нет, не про кубок. Сначала про красоту и цену кубка. Потом Андрей спросил, кто его купит, но грабитель толком не ответил, что-то вроде того, что много ты знаешь. Стало быть, есть в городе скупщик, просто должен быть! Иначе – кому грабитель продал бы кубок, окажись он у него в руках? А Андрей с ним о боге! Надо было выпытывать, кто скупщик, куда веревочка вьется, след тянется. Ладно, будет чем заняться завтра. И еще беспокоило: как эта криминальная парочка дверь в избу открыла? Ведь она на деревянном запоре была! Тоже необходимо осмотреть с утра. Иначе он уйдет на службу, любой в дом зайдет, и кубок – тью-тью! С тем Андрей и уснул.

Утром, едва умывшись, он осмотрел деревянный запор на двери. С виду – цел. Он прикрыл дверь, задвинул деревянный засов. Ага, между притолокой двери и самой дверью узкая щель. Если снаружи просунуть в щель нож, то концом его можно медленно, по два-три миллиметра, но отодвинуть засов. Так не пойдет. Как инженер он сразу продумал два варианта. Один попроще: набить снаружи планку, прикрыв щель. Ну так ведь и ее можно ножом подцепить и отодрать. Второй похитрее: сделать сверху, на деревянном запоре зарубки. Над запором сделать фиксатор. Под своим весом он будет опускаться и надежно фиксировать запор.

Без инструментов, действуя только двумя ножами, он провозился долго, часа два, но в итоге был уверен, что будет по ночам в безопасности.

Что-то к нему ночью домовой не являлся? Андрей подошел к горшочку с молоком, стоявшему в углу. Горшочек был пуст. Ага, напился угощения и беспокоить попусту не стал. С понятием домовой, нашел с ним Андрей общий язык, а ведь не верил в нечисть разную, да и не видел раньше никогда.

Он пошел в трактир, позавтракал. На улице навстречу ему шел священник в рясе. Андрей поздоровался и хотел пройти мимо, но священник остановил его:

– Ты крещен ли, сын мой?

– Обязательно, батюшка; вот крестик.

Из-за ворота рубахи Андрей достал крестик, висевший на цепочке.

Священник удовлетворенно кивнул:

– Скверну из города искореняешь, это хорошо. А о душе своей не заботишься. Почему храм божий не посещаешь? Я там тебя не видел ни разу, только на отпевании.

– Виноват, исправлюсь, – по-солдафонски ответил Андрей.

– Жду, – коротко бросил священник и пошел дальше.

Вот же е-мое! Совсем запамятовал! Здесь люди на службы ходили, на заутреню; входя в дом, крестились на иконы в красном углу. А он как басурманин какой! Все же на виду! Крещен он и в самом деле был, но не воцерковлен. Заходил в церковь иногда, когда родители болели или когда требовалось сорокоуст заказать по умершим.

Андрей развернулся и направился за священником. За ним же вошел в церковь, не забыв перекреститься и отбить поклон у входа.

Церковь была старая, деревянная, со множеством икон на иконостасе и явно намоленная.

Андрей купил свечку, поставил ее перед иконой святого Георгия и счел единственную молитву, которую знал. На душе стало легче.

Он вышел из храма, и сразу осенило. Никого из злодеев он в городе не знает, но бабка Савельевна! Она по паскудности своей ему никого не выдаст, но за посетителями ее можно проследить, к ней ведь не только пьяницы горькие ходят, но и отребье местное.

Утвердившись в мысли, он направился к Кривому переулку. Короток он, но проходной. И кривой, оправдывает свое название.

Он устроился с другого конца, не как в первый раз – в зарослях бузины.

К бабке продолжали шастать, не вняла старая его предупреждению. Но сейчас его интересовали не выпивохи.

Ждать пришлось долго, пока появился интересующий его субъект. Обычно к бабке заходили пустые, а выходили с кувшинчиком пойла. Но этот повел себя по-другому. Он вошел в переулок с узлом, покрутив головой – не видит ли кто, а потом шмыгнул в бабкину калитку. Буквально через пять минут вышел без узла, но с довольной рожей и направился к центру.

Андрей замешкался. К бабке зайти, проверить, что ей принесли, или за этим телом пойти? «Ладно, бабка никуда не денется, успею», – решил он. Отпустив неизвестного на полсотни метров, Андрей пошел за ним.

Тот миновал городскую площадь, прошел квартал и зашел в дом. По пути он ни разу не оглянулся. Да и зачем дергаться, если пуст?

Последить бы за домом, но как, если на улице ни одного укрытия? Сплошь заборы, и ни одного куста.

Андрей прошелся по улице, приглядел избу наискосок от интересующей его, постучал в калитку.

Вышел горожанин, по виду – явно ремесленник: через плечо несколько кожаных ремней переброшено, без пряжек. Наверное, медник.

– О! Гость хоть и незваный, но высокий! Заходи, исправник!

Все-таки в маленьком городке есть свои плюсы: все друг друга знают, даже представляться не надо.

Андрей зашел во двор.

– Доброго здоровьичка, хозяин.

– И тебе не хворать. Какая нужда привела?

– Посидеть бы мне у тебя за забором, только чтобы не знал никто.

Медник просьбе его явно удивился.

– Я один живу. Так в избе удобнее будет.

– Мне за улицей посмотреть. Только я долго сидеть буду.

– Сиди, коли мешать не будешь.

– Не буду. Давно в этом доме живешь?

– Да почитай, лет двадцать.

– Все знаешь небось?

– А как же!

– Вон в той избе, к примеру, кто проживает?

Андрей указал рукой на дом.

– Бобыль один. Жена давно померла. Друзья-товарищи иногда к нему ходят. Зерном торгует.

Коротко сказал и емко.

– А что, натворил что-нибудь?

– Нет, просто заходит к нему один подозрительный человек.

– Я еще нужен? А то у меня работа стоит.

– Нет, на том спасибо.

Медник ушел в мастерскую за домом, Андрей же прошел в угол двора, устроился за забором и в щель между досками стал наблюдать за домом. Узковата щель, калитку плохо видно.

Ножом Андрей расковырял щель пошире – вот теперь в самый раз. Он

прильнул к забору и замер в таком положении.

Однако час шел за часом, проходили мимо редкие прохожие, но в дом никто не заходил.

Далеко за полдень подъехала подвода, на которой громоздились туго набитые мешки с зерном. Хозяин распахнул ворота, и подвода въехала во двор. Андрею было слышно, как ее разгружают. Хозяин покрикивал:

– Осторожнее, не порви, а то с тебя за рожь взыщу.

Пустая подвода выехала со двора, и до вечера к бобылю никто не приезжал и не приходил. Андрей за все время успел сбегать в отхожее место. Ноги хоть немного размял, потому что затекли.

Когда стемнело, подошел медник.

– Ты еще здесь?

– Тут, только тише говори.

– Есть хочешь?

– Не откажусь.

– У меня только каша, мяса нет.

– Сгодится.

Они поели пшенной каши, сдобренной конопляным маслом, да с хлебом и запили сытом – вроде компота.

– Домой пойдешь? – спросил медник.

– За угощение спасибо. Но если позволишь, еще посижу.

– Твое дело, ты мне не мешаешь. А я спать лягу.

– Спокойной ночи!

И Андрей снова занял свой наблюдательный пост.

Взошла луна. Около полуночи распахнулись ворота, не издав ни звука хорошо смазанными петлями, и со двора выехала подвода. С виду она была пустой.

«Хм, добрые дела в полночь не творятся», – подумал Андрей.

Бобыль ворота закрыл, но сам к подводе не вышел. На место ездового уселся утренний типчик, который заходил к Савельевне, и подвода тронулась.

Андрей раздумывал недолго. Когда подвода отъехала, он перемахнул через заборчик и пошел следом, стараясь прижиматься к правой стороне улицы. Луна с этой стороны давала тень, и его не было видно с подводы. Шел Андрей в полусотне метров от нее.

В каком-то переулке, в котором Андрей еще не был, подвода встала, возчик соскочил с передка и зашел во двор.

Андрей метнулся вдоль заборов и кинулся к подводе. Вроде пустая, немного сена сверху. Он запустил под сено руку. На самом дне подводы

лежал замотанный в плотную ткань тюк, на ощупь – вроде парусины. Андрей ощупал тюк и наткнулся на ноги. Труп? Неожиданно ноги шевельнулись, и он ощутил на щиколотках веревочный узел.

За забором послышались голоса, и он, метнувшись от телеги, плашмя упал в тень под забором.

Вышли двое, уселись на облучок, и телега тронулась. Кого и куда они везут? Ну, куда – он скоро узнает.

Андрей так и продолжал идти за телегой.

Между тем она спустилась к причалу, где обычно стояли рыбацкие лодки. Причал, к которому швартовались торговые суда, был в другой стороне.

От лодки поднялся человек, вдвоем они быстро перенесли в лодку тюк с неизвестным Андрею человеком, и лодка тут же отчалила. Андрей и подбежать бы не успел, поскольку прятался за сараем, где вялилась рыба. Вот незадача, опоздал! А теперь возникших чего задерживать? У них в телеге нет ничего, отбредутся, а он их только насторожит.

Телега поднялась по склону. Когда она скрылась, Андрей побрел к себе домой. Пару раз его останавливали городские сторожа из местных, стоявшие на перекрестках с установленными рогатками, но тут же узнавали и пропускали беспрепятственно. Однако что толку в сторожах и рогатках, когда телега с живым грузом проехала окольным путем?

Андрей шел к себе и размышлял. Что это за перевозки живого товара? Кто за этим стоит и кем был пленник? Вопросов больше, чем ответов.

Отмокнув замок, он разделся и улегся в постель. Устал он сегодня, и есть охота. И плохо, что о домовом опять забыл, угощение не принес. Зато он возник рядом с топчаном, едва Андрей смежил веки.

– Устал?

– Есть немного.

– В подвале посмотри.

И исчез, как всегда – неожиданно. Еще одна загадка.

Спал Андрей крепко, без сновидений. Утром, едва проснулся и умылся, вспомнил слова домового и стал искать подвал. Но сколько он ни бродил по дому, ища крышку, люк, ляду – или как там она называется, ничего не нашел. Обошел вокруг дома и тоже ничего не обнаружил. Послышалось ему, что ли? Вроде раньше домовый не обманывал, всегда угадывал. Решил вечером спросить.

Почувствовав зверский голод, он направился в трактир, поел, новости городские послушал. Только серьезного ничего: один кожемяка руку по пьянке сломал, да белошвейка Настя малыша родила. Обычная жизнь во

всех ее ипостасях.

Друзьями он пока не обзавелся и потому решил сначала пойти к ключнику и у него спросить про живой товар. Есть ли такой, какова цена, не пропадали ли люди? Однако потом устыдился своего намерения. Ключник княжеский – человек занятой, что его постоянно беспокоить? Надо поговорить с несколькими местными, глядишь – картина и вырисуетя.

Внезапно и как нельзя кстати в дверях появился трактирщик. Он кивнул Андрею и расплылся в улыбке. Андрей подошел к нему:

– Поговорить в уюном месте можно?

– Обязательно.

Хозяин завел его в маленькую комнатушку позади трапезной. Андрей сразу сказал, что он был у Савельевны и строго ее предупредил, но если не послушается, он другие меры примет. Только у него разговор особый.

Трактирщик насторожился.

– Невольники в городе бывают? – оговорил его Андрей вопросом.

– Как не быть? Как война идет или набег – обязательно.

– И что с ними бывает?

– На своих обменивают или за выкуп отдают.

– Ну а без войны?

– Не знаю.

– А люди в городе не пропадают без вести?

– Бывает. Напьется кто и замерзнет насмерть. А весной снег тает – находят.

– Так. А сколько невольник стоит?

– Смотря какой. Ежели воин или дворянин, то дорого. За десятника литовского о прошлом годе двадцать рублей отдали. Сумасшедшие деньги!

– А просто человек?

– Коли молодой – рубль серебром, если ремеслом владеет – два. За девушку молодую, крепкую – тоже рубль, за бабу – вдвое меньше. А ты чего спрашиваешь?

– Интерес есть. Только никому!

– Нешто я не понимаю!

Андрей вышел от трактирщика. Появилась какая-то ясность. Надо бы еще с кем-то поговорить. И сам не понял, как ноги понесли его к дому Полины.

Он постучал в калитку, прислуга впустила.

Полина его явно не ждала, но встретила с радостью. Андрей обратил внимание, что глаза у нее были заплаканные, опухшие, и носом шмыгала.

- Все переживаешь?
- Слов нет, как тут болит, – дотронулась она до груди.
- Горе только время лечит.

Андрей помолчал. У человека горе, а он с вопросами пришел. Головой думать надо!

Полина крикнула:

- Авдотья, угощение неси!
- Не надо ничего, я сыт! – испугался Андрей. – Я собственно, зашел тебя проведать да поговорить немного.

- О чем?
- Меня князь исправником назначил.
- Знаю, сказывали люди.
- Ты мне вот что скажи: не пропадали ли в городе или в деревнях девки молодые или парубки?

Полина ответила сразу:

- Было. В соседней с городом деревне Мокшино – ее с городской стены видать – уж месяц тому племянница у знакомой пропала. А две седмицы назад с нашей улицы девка молодая.

- Даже так?
- Да. И парня у нее не было. Сначала думали – с парнем убежала, но я-то знаю, не было у нее никого.

- Занятно!
- А зачем тебе?
- Потом скажу.
- Слово даешь?
- Я никогда не обманываю.

Андрей поднялся.

- Спасибо, ты мне очень помогла.
- Ты еще заходи.

В дверях Полина прильнула к нему на миг – случайно или намеренно? Покраснела, опустила глаза. А до калитки его прислуга провожала.

Андрей по незнанию местных обычаев не ведал, что к незамужней девице ходить не следовало, если отношений серьезных нет, и ежели не жених. Только кто бы ему сказал? И Полина ему не намекнула.

Похоже, он вышел на работоторговцев. Людей воруют, где-то содержат. Чем и куда вывозят, он уже знает. Главарь скорее всего – бобыль, его он видел. Пока неясно, куда продают и кто невольников покупает. И второй сюжетец, коротенькая линия вырисовывается – скупка краденого. Скорее всего, в этой сети есть свой главарь, а вещи, краденые или снятые с

ограбленных или убитых, продают на торгу. Дай цену пониже, и купят в момент.

И вроде бы городок тихий, князь есть, дружина. Но это днем, а ночью своя тайная жизнь идет. Днем человек рыбак, а ночью – злодей, и пойдя выяви его. Работа – лишь прикрытие. Та же Савельевна: «самогоном» приторговывает по старости своей, а по сути – скупщица, только мелкая, над ней стоять кто-то должен. Вот и получается, что в городе осиное гнездо, и, скорее всего, не одно. Разворошить можно, но одному это не под силу. Коли будет суд и подозреваемые, доказательства нужны вещественные. Никто же не уполномочивал Андрея суд вершить, это прерогатива князя. Но и князь не подозревает, что в городе его по ночам творится.

Нагрянуть к Савельевне, учинить обыск? Так вещи у скупщицы долго лежать не будут, товарный вид потеряют. Раз в день, может – в два кто-то должен их забирать и уносить продавцам. Помощников ему не хватает, исполнителей. А сам да пешком не находится.

Андрей постоял, раздумывая, к Савельевне ему идти или к бобылю? А вдруг у них ничего нет? Тогда он только спугнет шайку, да и себя на посмеище выставит. И все же какой-то внутренний голос, интуиция подсказывали, что он на верном пути.

Андрей направился к бабке Савельевне. Открыв дверь в избу, он увидел, что она из большого кувшина наливает в кружку свое пойло очередному пьянице. Увидев Андрея, она охнула и выпустила кувшин из рук. Тот с грохот упал на пол и разбился. Запахло переваром.

Пьянчуга нашелся первым. Он опрокинул в рот кружку, опорожнил ее одним глотком и бочком-бочком направился к двери.

– Ах ты окаянный! – закричала на Андрея бабка. – Из-за тебя сколь добра пропало!

Андрей молча зашел за печь и обнаружил там еще две большие корчаги с переваром. Ударами ноги он по очереди опрокинул их, вылив пойло на земляной пол.

– Я же тебя предупреждал, старая! Где самогонный аппарат?

– Ась? Ты о чем?

– Чем перевар делаешь?

Старуха отвела глаза.

Медную трубку-змеевик Андрей нашел на печи и сплющил ее одним ударом ноги.

– Ай-яй-яй! – заголосила бабка. – Как жить буду?

– Ты лучше скажи, где вещи ворованные, которые ты скупаешь?

– С чего ты взял? Напраслину возводишь!

Андрей несильно хлестнул ее плеткой. Савельевна взвизгнула.

– Нет ничего!

– Отведу тебя в поруб, сама напросилась! Там с тобой не так разговаривать будут! Не посмотрят, что баба и старая, на дыбу вздернут. Сама все расскажешь, даже то, о чем спрашивать не будут.

Савельевна неожиданно заорала благим матом:

– Ой, ратуйте, люди добрые! Ой, живота лишают, последнее добро отбирают!

Андрей перетянул ее плеткой по спине. Савельевна замолкла, но вопли ее свое дело сделали. В избу вбежали два мужика-соседа. Увидев Андрея, они замялись. Поднять руку на служилого опасно, все равно что князю нанести обиду: можно самому в порубе оказаться.

Андрей не растерялся:

– Во, видаками будете!

Мужики ринулись в дверь, столкнулись и застряли.

– Стоять! – рывкнул Андрей. – Не то плети отведаете за послушание.

Мужики замерли, осознавая, что влипли.

– Савельевна, сама вещи краденые покажешь или мне поискать?

– Сам ищи, пес!

– Слыхали? – Это Андрей мужикам: устное оскорбление каралось вирой.

Андрей обыскал всю избу, но ничего не нашел. Тогда он полез на чердак – так просто. Во дворе стояли сараюшки, и он направился к ним. Открыв дверь одной, увидел в ней дрова для печи. Направился ко второму сарайчику и, распахнув дверь, обнаружил два лежащих на полу узла.

– Видаки, ну-ка, ко мне!

За мужиками заковыляла бабка.

– Что в узлах?

– Запомнявала я, голубчик, давно они лежат.

– Если давно, то где пыль?

Андрей вытащил из сараюшки один узел и развязал его. Там лежали мужские вещи: штаны, две рубахи, слегка поношенные сапоги и заячий кожушок.

– Мое, мое это, мужа покойного! – заголосила Савельевна, а у самой злобно сверкали глаза.

Андрей вещи понюхал. Лежалым, прелым не пахло, стало быть, вещи лежат недавно.

– И когда же муж у тебя умер?

– Годков пять тому.

– За пять лет кожушок в сарае моль уже съела бы, да и рубахи плесенью покрылись.

Мужики согласно закивали.

Андрей извлек из сарая еще один узел.

– А тут?

– Ой, не помню! Старая я, память подводит! – Но глаза у Савельевны бежали.

Андрей развязал узел. Тут были вещи – детские и женские: сарафан расшитый, кокошник, понева, рубашонки для детей лет пяти.

– Тоже скажешь – твое?

Андрей зашел в сарай и начал обыскивать его тщательно. В избе у Савельевны он денег не нашел, а должны быть. Ей пьяницы за перевар деньги приносят, а она расплачивается ими за краденые вещи. Саму обыскать?

В углу сарая стояла старая рассохшаяся бочка. Андрей подошел, заглянул. Вот тут действительно лежало старое, изведенное молью и поточенное мышами тряпье. Не хотелось руки пачкать, а надо. Он поднял тряпье и увидел под ним деревянную резную шкатулку. Взял в руки. Шкатулка была тяжелой, и в ней что-то позвякивало. Он вынес шкатулку во двор.

Увидев шкатулку в руках Андрея, Савельевна заголосила:

– Ой, это я за всю жизнь со стариком своим накопила, на старость, чтобы было за что корочку хлеба купить!

Андрей открыл шкатулку и успел заметить, что мужики, определенные им в видаки, дружно повернули в его сторону головы. Вот это да! Шкатулка была почти полностью наполнена монетами – в основном серебряными. Среди них попадались золотые, а медных не было вовсе.

– О! – Столько денег мужики, похоже, не видели ни разу. Они удивленно уставились на Савельевну. Праведными трудами столько за десять жизней не заработаешь.

– Где еще деньги? – грозно спросил Андрей.

Медяков в шкатулке не было, но ведь пьяницы не расплачиваются серебром – откуда оно у них? Значит, должен быть еще один схрон. Да и в самом деле, не будет же старуха бегать в сарай, к шкатулке? Под рукой медяки должны быть. Карманов ни в мужской, ни в женской одежде тех времен не было. Значит, в избу идти надо, там искать. Он ведь сначала вещи искал – не деньги. А одежда объемная. Деньги же в любую щель упрятать можно.

– Нет у меня денег, больше ни слова не скажу! – злобно ответила старуха.

– Сами найдем. Ведите ее в избу.

Шкатулку Андрей нес сам.

Он стал тщательно обыскивать избенку, и Савельевна с видаками мялись у двери. Андрей периодически искоса поглядывал на старуху. Она была спокойной, пока он не дошел до печи.

– Может, перевара с устатку отпробуете? – неожиданно предложила она.

– Не положено! – отрезал Андрей, хотя видел, что мужики были бы не прочь.

В основании печи, в самом низу он нашел кирпич. Он был таким же, как и все другие кирпичи, но качался. Андрей вытащил его, подцепив кончиком ножа. Запустив в открывшуюся нишу руку, нащупал кожаный мешочек. Вытащил его. Тяжелый!

– Видаки, ко мне!

Мужики подошли, и Андрей на их глазах развязал мешочек. Видаки заглянули в него и дружно ахнули. Кольца и перстни, золотые и серебряные, нательные кресты, серьги – мешочек был набит драгоценностями. Не иначе – с ограбленных или убитых людей.

– Иди сюда, старая!

В ответ – лишь тишина.

Андрей вышел из-за печи и с удивлением обнаружил, что Савельевны нет в избе. Вот он разява, упустил!

– Видаки, быстро бабку сыскать!

Соседи повыскакивали в дверь. Вроде старая, далеко уйти не должна. Однако через полчаса они вернулись ни с чем.

– Сбегла! Мы туда, мы сюда – нигде не видать, – понурясь, доложили они.

– Небось сами и помогли злодейке сбежать! – не выдержал Андрей.

– Как можно? Не виноваты мы!

– Берите узлы у сарая, со мной пойдете. Надо все записать, а деньги и драгоценности – посчитать.

– У нас работа, – занял один мужик.

– Не упустил бы бабку – уже бы освободился. А сейчас будешь делать, что велю.

По большому счету Андрей был виноват сам, вину свою осознавал и досадовал. Мало того что бабка сбежала, показания из нее выбить не удалось, так она еще и шайку свою предупредит. Те на время затихарятся, а

могут и вовсе из города уйти.

Андрей крыл себя последними словами. Он взял шкатулку с мешочком, и все вышли во двор.

– Завязывайте узлы!

Мужики кинулись исполнять. А в самом деле, куда бабка могла скрыться? В переулке ее было бы видно. В сараях?

Мужики подошли с узлами.

– Посмотрите в сараях, может – там укрылась.

Но, осмотрев сарай, видаки развели руками.

Взор Андрея упал на отхожее место.

– Ты! – Андрей ткнул пальцем мужику в грудь. – Загляни-ка в отхожее место!

Бабка оказалась там. Она дожидалась, пока уйдут и Андрей и видаки, чтобы обрести долгожданную свободу.

От злости, что она его едва не провела, Андрей пару раз со всей силы хлестанул ее плетью. Бабка заорала от боли.

– На дыбу вздернут – еще не так орать будешь, – пообещал ей Андрей. – Идем-ка к княжескому терему.

Так они и пошли. Андрей размашисто шагал во главе; за ним, охая и хватаясь за обожженные плетью места, семенила бабка. Замыкали процессию оба мужика, тащившие узлы. Андрей обошел торг и площадь по боковым улицам – нечего раньше времени народ будоражить, слухи о Савельевне мгновенно по городу разлетятся.

Воин у входа пропустил Андрея, загородив щитом проход между бабкой и видаками.

– Пропусти, они со мной, – попросил его Андрей.

– Князь в нетях.

– Я к ключнику.

– Тогда идите.

Ключник был у себя и что-то сосредоточенно считал, подкатив глаза к потолку и шевеля губами.

– Десять и восемь...

– Восемнадцать, – прервал его Андрей. – Злодейку поймал – с ворованными вещами, деньгами и ценностями.

– Да? А видаки есть?

– Привел.

– Давай их сюда.

Андрей выглянул в приоткрытую дверь:

– Заходите.

Все трое робко вошли, заозирались:

– И кто же злодей?

Ключник устоял на мужиков.

– Она! – Андрей показал на бабу.

– Ой, не смеши! – Ключник от удивления уселся на лавку.

Андрей поставил на стол – прямо на бумаги ключника – шкатулку и открыл ее. У ключника от удивления отвисла челюсть.

– Однако же!

– Но это еще не все! – Андрей развязал кожаный мешочек и вытряхнул на стол драгоценности. Все завороченно устоялись на злато-серебро.

Первым пришел в себя ключник.

– Где взяла, старая? – вкрадчиво спросил он.

– Не губи, милостивец! Все как есть расскажу! – завопила Савельевна и рухнула на колени.

– Эй, стража! В поруб ее!

Вошел воин, поднял бабу с колен и увел ее.

– А это что за узел?

– Вещи краденые. Она переваром торговала, вещи краденые скупала, и, похоже, не один год. Но думаю – не она главная.

– О как! Ну ладно, все расскажет, когда горящие угли к пяткам приложим. Однако не мое дело, князь придет – пусть сам решит. Давайте деньги и драгоценности считать.

Считали долго, потом позвали писаря, чтобы тот составил опись.

– Уф! Много же они нагнали!

Видаки поставили под описью крестики вместо подписей.

– Все, идите по домам. На суд придете.

Воин проводил их к воротам.

– Андрей, все у тебя?

– Нет, похоже – только началось.

– Не может быть! Откуда в нашем стольном городе столько гнили?

– Дай мне пару воинов в помощь – один не справлюсь.

– Князь с дружиной уехал, тут только охрана из молодых осталась.

– Ну хоть одного человека дай – при оружии. Копье и лук брать с собой не надо.

– Пожалуй, найду. Эвон сколько добра в казну принес!

Ключник вышел и вернулся с молодым парнем. Румянец во всю щеку, грудь мощная, кулаки пудовые. Богатырь был при сабле и боевом ноже.

– Грядня даю. Этот быка кулаком убить может.

– Спасибо. Так я пошел?

– А разве я держу? У каждого своя служба.

Андрей и воин вышли из терема.

– Тебя как звать?

– Василий, – прогудел воин.

– Вот что, Вася. Твое дело – мои приказы исполнять. Только если до драки дело дойдет, постарайся бить поаккуратнее, насмерть не зашиби. Мне преступники живые надобны, чтобы о злодействах своих могли рассказать.

– Сделаю, – пообещал Василий.

Андрей посмотрел на его кулаки и вздохнул. Сомневался он что-то. Воин в ширину был едва ли не аршин и здоров, как буйвол.

Они сразу направились к бобылю. Не может быть, чтобы у него не нашлось улик, ни одно злодейство не проходит бесследно. Однако Андрей и помыслить не мог, что ему предстояло.

Добрались до избы бобыля, и Андрей постучал в ворота.

– Кого нелегкая несет? – пробурчали за воротами.

Калитка открылась. Перед ними стоял сам хозяин. Василий отодвинул его плечом и вошел во двор.

– Эй, в чем дело? – забеспокоился хозяин.

– Пойдем в избу, побеседуем, – подхватил его под локоток Андрей. – Василий, побудь здесь. Будут гости – всех впускай и никого не выпускай, сразу вяжи. Так спокойнее будет.

Василий согласно кивнул.

Андрей с хозяином зашли в избу. Огромная пятистенка с круглой крышей – как называли четырехскатную кровлю. Печь топится, вкусным пахнет.

У Андрея от голода засосало в желудке. Он открыл заслонку и заглянул в печь. Ого! Однако и аппетиты у хозяина!

Там на огне булькали варевом четыре горшка, каждый чуть поменьше ведра. Да тут на двадцать человек пообедать хватит, куда одному столько?

Андрей сразу насторожился:

– Кто в доме?

– Один я, бобыль.

Андрей прошелся по избе. И в самом деле, никого.

– Пошли, посмотрим в сарае, в бане.

– Ты скажи, кого ищешь?

– После узнаешь.

Но при беглом осмотре сарай, баня и конюшня оказались пусты. В амбаре лежали мешки с зерном – так ничего удивительного: бобыль зерном

торгует. Неужели он, Андрей, промахнулся? Князь за обиду, нанесенную купцу, спросит строго. Ему снова послышался писклявый голосок домового: «В подвале посмотри».

– Где у тебя подвал, любезный? – стараясь быть вежливым, спросил Андрей, но в голосе его отчетливо прозвучал металл.

– Нет у меня подвала, ледник только во дворе.

Андрей еще раз прошелся по избе. Полы вроде ровные, крышки люка, ведущего в подвал, не видно. Хозяин за столом на табурете сидит, под ногами половичок домотканый.

– Встань, – как бы между прочим попросил его Андрей.

Бобыль нехотя подчинился. Андрей ногой сдвинул в сторону половичок. Вот он, люк! И кольцо железное заподлицо утоплено.

Хозяин изменился в лице.

Со двора донесся шум, вскрик, потом все стихло.

Андрей приоткрыл дверь.

– Василий, что там у тебя?

– Человек зашел, а руки вязать не захотел. Ну, я его маленько и приложил.

Человек Андрею был знакомый. Он приходил к Савельевне, потом на подводе вывозил кого-то.

– Молодец, пусть полежит.

Андрей прикрыл дверь.

– Сообщника твоего повязали. Он тебя покрывать не будет, все под пытками расскажет.

– Облыжно обвиняешь!

– А вот мы сейчас подвал проверим.

Андрей наклонился, взялся за кольцо на крышке и краем глаза увидел, как прыгнул в его сторону бобыль. Бросив кольцо, Андрей упал и перекатился в сторону. По месту, на котором он только что стоял, ударил тяжелый ухват.

– А! – не своим голосом заорал бобыль и замахнулся снова.

Времени вскочить и выхватить из-под рубахи пистолет у Андрея не было. Зато под рукой был половичок, на котором сейчас и стоял бобыль. Андрей ухватился за край половичка и резко дернул. Хозяин потерял равновесие и грохнулся на пол. Удар получился гулким.

Входная дверь сорвалась с петель, и в избу влетел Василий. Вмиг оценив обстановку, он бросился к бобылю и носком сапога ударил его в лицо. Хрустнули кости, брызнула кровь, и бобыль затих.

– Ты что же, исправник, с одним совладать не можешь?

- Сзади напал, неожиданно! – встал с пола Андрей.
- Никогда не поворачивайся к врагу спиной, жизнью заплатишь!
- Опростоволосился.
- С кем не бывает, – философски изрек Василий.
- Крышку подними.

Василий наклонился, ухватился за кольцо и откинул крышку люка.

– Темно тут! – И, вдруг отпрянув, сказал испуганно: – Там кто-то есть...

- Так посмотри!
- Я нечисти боюсь до ужаса.
- Вася, какая нечисть среди бела дня? Она только по ночам бывает.
- Там темно. Смотри сам, а я у дверей покараулю.

Верхние ступеньки лестницы, ведущей в подвал, были видны, и Андрей стал спускаться. Снизу доносилось какое-то мычание. Ему стало не по себе, жутковато даже. Все-таки он переборол себя и спустился по лестнице до самого конца. Свет из избы сюда едва проникал.

Мычание стало сильнее, появился стук. Прямо преисподняя! Андрей перекрестился и достал пистолет. Нечистую силу из него не убьешь, но с пистолетом как-то спокойнее.

Глаза понемногу адаптировались к темноте, и он увидел, что перед ним шевелится что-то темное. Подошел поближе и увидел: шевелится, дергает ногами и мычит человек. Глухонемой?

Андрей протянул руку, нащупал узлы из веревок. Рука скользнула выше, и Андрея мгновенно обдало жаром, даже взмок. Черт, женская грудь!

Сообразив, что перед ним лежит женщина и что у нее во рту кляп, он сунул пистолет за пояс и рукой постарался этот кляп нащупать. Нащупав, выдернул.

Женщина открыла рот и вдохнула полной грудью.

- Выпусти, Христа ради!
- Ты кто такая?
- Анфиса я, четвертый день тут.
- Я сейчас, погоди.

Андрей вытащил из-за пояса нож и разрезал путы. Потом поднял пленницу и повел ее к лестнице.

- Сама подняться сможешь?
- Смогу!
- Эй, Вася, принимай нечистую силу!

За пленницей поднялся и Андрей. При солнечном свете оба с удивлением разглядывали освобожденную. Была она в грязной сорочке и с

зареванным, опухшим от слез лицом.

– Дяденьки, не бейте меня!

– Успокойся, никто тебя бить не собирается. Ты как сюда попала?

Девушка сделала шаг от люка и наткнулась ногой на лежащего хозяина. Обернувшись, увидела, что под его головой расплзается кровавое пятно. Дико взвизгнув, она кинулась к входной двери, мотая косами. Хорошо – Василий проворнее оказался, успел ее перехватить.

– Успокойся! Тот, кто тебя в подвал посадил, – вон он лежит. Василий – гридень княжеский, а я исправник городской. Тебя выручать пришли.

– Правда? Так я не одна, там в подвале еще сидят.

– Вася, выпусти всех.

Василий спустился в подвал, и вскоре одна за другой оттуда поднялись наверх двенадцать девушек и четверо парней. Озираясь по сторонам, они сбились в кучку.

– Вы как сюда попали?

Как оказалось, все они были украдены. Оглушив ударом по голове, их сажали в мешок, и в себя они приходили уже в подвале. Ни пути запомнить не могли, ни избы, в которой их прятали. Сказали, что почти каждую ночь уводили двоих-троих, иногда доставляли новичков. Несколько девушек оказались городскими, все остальные – из окрестных сел и деревень.

– Нам можно идти по домам?

– Э, нет. Сейчас ко князю, все расскажете его людям и только потом по домам. Родители небось извелись уже, ожидаючи. Василий, отведи людей к ключнику и объясни, кто такие. Он знает, что дальше делать. Потом возвращайся.

– Того, кто во дворе связан, куда?

– В поруб, завтра разберемся. А я избу пока осмотрю.

– Все исполню, – после увиденного Василий зауважал Андрея. – Ну пошли, молодцы-девицы.

Василий вывел молодежь во двор, пнул связанного.

– Вставай, ежели не хочешь, чтобы я тебя пинками до поруба катил.

Пленник, злобно сверкая глазками, встал.

– Василий, погоди, – спохватился Андрей. – Мешок ему на голову надень, не нужно, чтобы его лицо раньше времени видели.

В амбаре они нашли пустой мешок из-под зерна и натянули на пленного.

– Иди, гнилая отрыжка!

Тот, спотыкаясь, пошел. За ним направился Василий, а следом – уже бывшие невольники.

Андрей проводил их взглядом, вернулся в избу и стал досматривать ее более тщательно. Осмотрел, ощупал, простукал – разве только не обнюхал. Одновременно чувствовал, какой соблазнительный запах идет из печи, похлебка да каша поспели давно. Брюхо не казенное, есть просит.

Андрей не удержался, подобрал с пола ухват, вытащил из печи горшки и щедро наложил себе в миску каши. С мясцом каша, жирная, маслом заправлять не надо. Наелся от пуза. И ничего, что рядом бобыль валяется, хрипло дышит – видно, здорово его Василий сапогом приложил. Не жалко его, все равно завтра или послезавтра на пеньковой веревке вздернут.

Андрей перевернул покалеченного хозяина. В ворота расстегнутой рубахи мелькнул на тесьме крестик и тонкая цепочка. А ну-ка, что за цепочка? Андрей потянул за цепочку и увидел, что на ней болтается маленький и затейливый ключик. Дернув за цепочку, Андрей сорвал ее с шеи бобыля. Узнать бы, какой замочек этот ключик отпирает, да хозяин без сознания. Сам виноват, допрыгался!

Он осмотрел весь дом, но никаких замочков не увидел. Но, судя по тому, что хозяин ключ на шее носил, берег, значит – дорог он ему был. Не ключик, конечно, а то, что за замком лежит.

Андрей направился в амбар. Там глазу зацепиться не за что: голые бревенчатые стены и мешки с зерном, три большие стопы. Ага, понятно: отдельно рожь, пшеница и ячмень.

Он уже собрался уходить, но передумал и начал перекидывать к стене мешки. Перекидал одну стопу – пол был чистым. Мешки тяжелые, килограммов по семьдесят, в каждой стопе – мешков по двадцать, и потому он заметно устал. Передохнув, взялся за вторую стопу.

И тут удача повернулась к нему лицом: убрав последний ряд, он увидел под ним крышку люка, ведущего в подвал. Неужели снова невольники? Не должно быть: их поить-кормить надо, доступ легкий надобен.

Он откинул крышку люка и по короткой лесенке спустился вниз. Внизу было пусто и мало места. Тогда Андрей начал простукивать кулаком стены. Раз есть подвал, следовательно, в нем должно что-то храниться, иначе для чего его хозяин делал?

Одна стена отозвалась на стук Андрея каким-то металлическим звуком. Он нагнулся, ощупал ее и осмотрел. Вот она, скважина для ключа. Вставил ключ, но он не подошел. Тогда перевернул ключ бородкой вверх, и ключ вошел. Андрей повернул его против часовой стрелки. Щелкнул замок, дверцу слегка отбросило пружиной, и Андрей потянул ее на себя. Темно, и за дверцу ступать боязно – вдруг ступеньки, ведущие вниз? Шею сломать

запросто можно.

Он выбрался из подвала, прошел в избу, нашел несколько свечей и, прикрыв рукой, запалил их от огня в печи. Вернувшись в амбар, спустился вниз и просунул в кромешную темень руку со свечой.

Неровным пляшущим огнем свечи осветились дубовые полки, а на них – стопками монеты. По отдельности были сложены медные монеты, серебряные и золотые. А дальше – драгоценности вроде колец.

Он опустил свечу, и в ее свете заискрилась мехом соболина шуба, рядом – еще одна. Он уже хотел шагнуть за дверцу – уж больно свет скудный, не видно, что же там дальше есть, как заметил над порогом тонкую, как струну, проволоку. Неужели ловушка? Он о них только в книгах читал.

Вытащив из-за пояса плетку, он встал сбоку от дверного проема и рукоятью ударил по проволоке, тут же отдернув руку. Раздался легкий щелчок, и сверху упала тяжелая железная палица, усеянная острыми шипами. Лежал бы сейчас Андрей с разбитой головой, не заметь он проволоку вовремя. Он протянул руку со свечой подальше, в глубь хранилища – нет ли там еще «сюрприза»? Но больше ничего не было видно, и он шагнул через порог.

На полках, расположенных дальше от двери, лежало оружие – сабли, ножи, шестопер, боевой топорик. Кое-что выглядело довольно просто, но судя по потрепанным ножнам, побывало в боях. Однако тут же лежал нож, ножны которого привлекли его внимание. Они были серебряные, с изумрудами, изумительной красоты работы.

Андрей взял нож в руки, любовался, вытянул клинок из ножен. Сталь дамасская, персидской работы, вдоль клинка – арабская вязь. Под огнем свечи играли кровавым блеском рубины на рукояти ножа.

Он вогнал клинок в ножны, но сил расстаться с такой красотой не было. Забрать бы себе, да князь увидеть может, подозрение возникнет. Все-таки он сунул нож за пояс и прикрыл его рубахой. Увидит князя – попросит. Откажет – значит, так тому и быть.

Он выбрался из тайного хранилища и запер дверь на ключ. Опустил крышку люка и бросил сверху пару мешков. Когда вышел из амбара, то увидел, что во двор входит Василий, да не один. С ним казначей княжий, рода боярского. Видел его Андрей, даже сидел с ним за одним столом. Поздоровались.

– Довел?

– Все, как сказал. Мужика в поруб, невольников ключнику представил. Он князю доложил. В терему переполох! Виданное ли дело – столько

невольников в городе! Казначей вот отрядил. Коли у бабки такие ценности нашлись, так и здесь могут оказаться.

– Могут. Стой здесь, никого не впускай. Пойдем, боярин, покажу кое-что.

Они зашли в амбар. Андрей откинул мешки с зерном, отбросил крышку люка. Потом сбегал в избу, снова принес и зажег свечи. Спустился по лестнице.

– Боярин, ко мне иди, свечи подержать не сочти за труд.

Боярин важно спустился и взял у Андрея из рук свечи. Андрей ключом отпер дверь и распахнул ее.

– Сим-сим, откройся! – пошутил он.

– Это что же, волшебные слова?

– Вроде того, без них палица с шипами на голову падает, – показал Андрей.

– Однако!

Боярин ступил внутрь, увидел богатства, разложенные на полках, и ахнул.

– Как же ты нашел-то?

– Нюх у меня особенный! – засмеялся Андрей.

– Богатым будешь! За ценности, в казну сданные, десятина полагается.

– Да? – удивился Андрей. – Так не мое это. – По «Правде» испокон веку так, вроде трофея.

Боярин почесал в затылке.

– Однако в руках не унести, мешки нужны чистые и подвода.

Боярин, а за ним и Андрей выбрались из подвала.

– Василий, ступай в кремль и передай ключнику – пусть подводу хорошую дает и мешки чистые, штук пять-шесть. С ними вернешься.

– Мигом исполню! – Василий бодрым шагом ушел.

– Ну, Андрей, удивил ты нас. То утром с бабкой этой – шкатулка и мешочек ценные. А теперь – вот это. Везет же некоторым!

– Не завидуй, боярин! Меня уже четыре раза убить пытались.

– Видно, Господу ты угоден, ангел твой тебя оберегает.

– Может, и так. Ты вот что мне скажи: как бы мне поприсутствовать на допросе бабки и второго мужика, которого здесь взяли?

– Проще простого. Ты их привел, ты и допрашивать должен. В пыточной, при писаре, чтобы ни единого слова не исказить. Как все узнаешь, бумаги князю передашь. А он сам решит, когда суд.

Они помолчали, посидели на лавочке.

Через час неспешно приехала телега. Андрей с боярином уложили в

чистые холщовые мешки все ценности из подвала. Боярин пронес свечи над полками, проверил – не осталось ли чего. Все сложили на подводу.

– Трогай!

Ездовой тронул подводу. Боярин, Андрей и Василий сопровождали груз. Василий бросал по сторонкам грозные взгляды, держась правой рукой за рукоять сабли. Чтобы видел народ: важный груз он сопровождает, чтобы боялся. Что в мешки укладывали, воин своими глазами не видел, но догадывался. Знал – значительно меньшим соблазнялись. Золото – оно глаза слепит, ум дурманит.

В кремле воины под бдительным оком боярина сносили мешки в комнату на первом этаже. Потом казначей при Андрее и писаре все сосчитал, записали в бумаги.

– Прибыток ноне неплох, после иного похода меньше бывает, – изрек боярин. – А ты вот что, Андрей, покажи мне, что за поясом прячешь?

Тут Андрей вспомнил о ноже с клинком дамасской стали. Спросить ведь князя хотел – нельзя ли себе оставить? И боярина не предупредил. Теперь выходит – сам украсть, пожалуй, утаить хотел.

Щеки Андрея загорелись предательским огнем. Он вытащил из-под рубашки нож с украшенными ножнами.

– У князя хотел для себя попросить, вроде как в награду, – стал оправдываться он.

– Сначала все в казну сдать надо, прежде чем что-то просить. Ты на службе княжеской! – Боярин открыл дверь: – Эй, стража! В поруб его!

Вошедший воин повел его из комнаты.

– Писарь, пиши: нож в ножнах искусной работы с... – Последнее, что услышал Андрей, прежде чем за воином закрылась дверь.

Вот стыдуха-то! Красть не думал, а вот поди ж ты, как татя, как злодея, в поруб ведут. Еще утром он сам туда бабку спровадил, в обед – сподручного бобыля, а теперь вот и сам... Неловко было, стыдно и горько. Князь его на службу взял, а он вором теперь перед ним предстанет. Полный абзац!

Стражник у двери местной тюрьмы, называемой порубом, перестал зевать, когда увидел Андрея в сопровождении воина.

– Забирать кого будете?

– Нет, казначей княжеский исправника самого велел в поруб посадить. Князь утром решит, что дальше делать.

Стражник от удивления и слов не нашел, только головой покрутил. Однако же дверь огромным ключом отпер.

– Проходи!

Громыхнул ключом еще раз, закрывая за собой дверь.

В коридоре чадно дымил факел. Стражник щелкнул железным запором на двери.

– Заходи!

За Андреем закрылась дверь с решетчатым окном. При скудном свете была видна солома на земляном полу и голые стены. Ни топчана, ни лавки. Вечер уже, устал он за день. Андрей прилег на солому, заложил руки за голову. Вот это он попал, вот это он осрамился перед князем! Со стороны посмотреть – втерся в доверие, чтобы мошну набить на княжеской службе.

Спать хотелось, а не спалось, мысли горькие в голову лезли. И вот вроде уже дремота накатила, как рядом раздался шорох. Крысы, что ли?

Андрей открыл глаза: перед ним стоял домовый. Как он его нашел? Впрочем, у нечистой силы свои пути.

– Бежать тебе из поруба надо, хозяин. Боярин навет на тебя князю готовит, зависть его душит.

– Как же я отсюда сбегу?

– Ты стражника позови. Я глаза ему отведу, а ты выйдешь.

Домовой исчез.

Сон у Андрея как рукой сняло. Домовой его еще не подводил, значит, надо сделать, как он сказал.

Он поднялся и постучал кулаком в дверь. К решетчатому окну подошел стражник.

– Чего тебе не спится?

– Водицы бы мне испить. Во рту сушит, сил нет.

Стражник зевнул, перекрестил рот:

– Утром принесу.

– Тебе что, кружку воды жалко? Невиновен я. Завтра князь разберется, и меня выпустят. Как в глаза смотреть будешь?

Стражник постоял, подумал:

– Ладно, так и быть. И помни мою доброту.

Он ушел и вернулся с кружкой. Отпер дверь, вошел.

– На, пей. Да ты где?

Стражник вертел головой по сторонам. Андрей понял, что домовый отвел глаза тюремщику. Он выскользнул через приоткрытую дверь в коридор и бросился к входной двери, однако она была заперта на ключ. Андрей вжался в угол и замер.

Стражник вышел из его камеры, осмотрел коридор.

– Вот дьявольщина! Скажи кому, не поверят!

Он выплеснул воду из кружки и пошел к выходу. Загремев связкой

ключей, отпер входную дверь и вышел сам, не обращая внимания на то, что следом за ним вышел Андрей. А тот еще и удивился – неужели стражник его не видит?

Однако он понимал, что везение – вещь не бесконечная. Из поруба-то он выбрался, а из кремля – нет. В кремле же стены высокие, и часовые поверх стены ходят.

Мысли метались. Как выбраться? Взгляд его упал на приоткрытые двери церкви. Надо устроить маленький переполох, отвлечь внимание стражи. Они ведь наблюдают за тем, что происходит снаружи, и небольшой пожар будет в самый раз.

Андрей метнулся к церкви. Ее он, конечно, поджигать не собирался. Боже упаси, он не святотатец! Но в церкви постоянно горят масляные лампадки, вот их он и хотел взять как источник огня.

Андрей проник в храм. Внутренняя обстановка его тускло, едва-едва освещалась лампадками и несколькими свечами, стоявшими перед иконами. Он схватил одну лампадку – она была полупуста. Ухватился за другую – тяжелая, полна лампадного масла. В самый раз.

Прикрывая огонек рукой, чтобы не задуло ветром и чтобы не привлечь внимание стражи, он пошел к хозяйственным постройкам. Внимание его привлек небольшой сарай, или амбар, стоявший в отдалении от других построек. Это важно: строения деревянные, не учинить бы большой беды. Осторожно вытянув из лампадки горящий фитиль, он щедро облил маслом угол бревенчатого сарая и поднес горящий фитиль.

Масло занялось сразу, за ним – сухие бревна; ведь дождя не было уже давно.

Андрей тут же подбежал к стене кремля и дальше шел уже в ее тени.

Пожар заметили не сразу, и Андрей успел добраться до дальней стены. Она была немного ниже остальных – он заметил это, когда там показывал князю стрельбу из пистолета.

Но вот поднялась тревога, сразу с двух стен закричали стражники:

– Пожар! Амбар горит! – и сбежали со стены: надо было тушить постройку как можно скорее, пока не разгорелся огонь. Пока проснутся обитатели кремля и поймут, в чем дело, полыхать будет вовсю.

Андрей выждал, пока стража спустится со стены и кинется к колодцу, взбежал по лестнице на стену и посмотрел вниз. Темно, видно плохо. Была бы хоть веревка, а то так и ноги сломать можно. Сколько тут, в этом месте высоты? Три метра, пять, десять? И неизвестно, что внизу – ровная земля или копы. Лучше бы уж ров с водой...

Он взобрался наверх, опустил на руках, повисел, набираясь духу, и

прыгнул. Падая вниз, едва сдержал крик.

Удар пришелся на пятки и был довольно жестким. Андрея согнуло от него так, что он едва не ударился подбородком о колени и повалился набок. Полежал минуту, пытаясь понять – все ли кости целы? Потом пошевелил руками, ногами, встал и, прихрамывая, пошел прочь от кремля. Из-за стены все еще слышались тревожные крики и виднелись отблески пожара.

Первым делом надо успеть домой: туда утром наведаются в первую очередь, как только обнаружится его побег. Могут связать побег с пожаром. А сейчас городские ворота закрыты, стража стоит – из города не выбраться, надо ждать утра. Как он выберется, Андрей пока и сам не знал.

Кружным путем, обходя рогатки и сторожей из местных, он добрался до дома – надо было забрать деньги и оружие. Пистолет остался при нем, за поясом, скрытый рубахой. А вот пояс с ножами – боевым и обеденным – тюремщик снял.

Андрей запалил от углей свечу, разобрал на две части ружье и обмотал его холстиной. Из веревки сделал нечто вроде плечевого ремня – не в руках же нести ружье? Надел патронташ. Из сундука вытащил небольшой узелок с остатками денег.

Хотелось есть. Он пошарил на кухне, нашел подчерстневшую горбушку, обмакнул ее в ведро с водой и стал есть.

Куда идти? До рассвета часа два. И знакомых-то надежных у него нет, не успел обзавестись.

Внезапно перед ним возник домовой.

– Влип ты, хозяин! Из города уходить надо!

– Знаю, – буркнул Андрей. – За тюремщика спасибо, что глаза ему отвел.

– Полина, – сказал только одно слово домовой и исчез.

Действительно, как же он забыл? Мог бы и сам вспомнить. Другой вопрос – примет ли она его в такое время? И не сдаст ли князю, станет ли помогать? Да и кто он ей? Случайный прохожий, в свое время спасший ее от смерти. Любой другой мужчина поступил бы точно так же. И был-то он у нее после смерти отца всего один раз, так что это еще не повод заявляться ночью.

Однако других вариантов Андрей не видел. Потому встал, отряхнул с одежды крошки и вдруг вспомнил о своем камуфляжном костюме. Едва не забыл! Натянул его поверх рубахи и штанов. Для ночи – самое то, с трех шагов не разглядишь. В задумчивости повертел в руках княжеский кубок и поставил его обратно на стол. Стоит он немалых денег, только таскать неудобно. Но потом передумал и сунул его за ворот рубахи, к узелку с

деньгами. Жаль дом бросать – свои деньги вложил, но придется.

Андрей вышел, замкнул дверь на замок. Может, не станут вламываться, увидев, что хозяина нет?

Он шел по улице крадучись, периодически останавливался и прислушивался. Сторожа на перекрестках вели себя шумно. Они трещали трещотками, переговаривались, и потому обнаружить их не составляло проблем. Но кто-то из местных мог выйти в неурочное время на улицу и, обнаружив его, поднять шум.

Однако до избы Полины он добрался без приключений – их ему и так хватило с избытком за вчерашний день. Стал вспоминать, есть ли во дворе собака? Вроде нет, поскольку ни конуры, ни пса он не видел.

Перемахнув через забор, он оказался во дворе. Медленно, едва ли не на носочках он пересек двор и подошел к сараям. Их в любом дворе было несколько: для дров – печь топить, для разного инвентаря – вроде лопат и топоров, для корма скотине. У ремесленников в одном ряду с сараями были мастерские. Коровник, свинарник и конюшня обычно располагались на задах. Двери сараев закрывались на деревянную вертушку.

Андрей открыл дверь, пощупал перед собой рукой и обнаружил поленницу колотых дров. Как временное укрытие сойдет. Прикрыв дверь, он нашел местечко и устроился на земле. Не холодно, лето. А дождь пойдет – так он под крышей.

Запели первые петухи, близился рассвет. Задумавшись над тем, как выбраться, Андрей незаметно для себя уснул. Устал он, да и ночь не спал.

Проснулся от солнечного света, бьющего в щели сарая, и от звуков за стеной. По положению солнца определил – часов девять утра.

Во дворе ходила служанка Полины – она носила воду из колодца в избу, причем несколько раз. Стирает она, что ли?

Андрей выбрал момент, когда служанка с тазом выстиранного белья ушла на задний двор, выбрался из сарая и кинулся в избу. Влетел и остановился. Момент важный, решающий. Как примет его Полина? Ведь он проник в избу непрошеным гостем, тем самым, который на Руси хуже татарина. Поднимет крик с испугу, увидев его, сбегутся соседи – и все! Не стрелять же по ним?

Он набрал воздуха в грудь, как перед прыжком в воду, и открыл дверь из сеней в комнату.

Полина сидела за столом в ночной сорочке и завтракала. Увидев Андрея, округлила от удивления глаза, однако он опередил ее:

– Здравствуй, Полина!

Она ойкнула и опрометью кинулась за дальнюю дверь. Слава богу – не

закричала, а ведь могла...

Андрей прошел к столу, уселся на лавку, стянул с плеча ружье и положил рядом.

Полина появилась быстро, но она уже была в сарафане из легкой ткани.

– Уж я накажу прислугу, – спокойным певучим голосом сказала она. – Тебя впустила, а мне – ни полсловечка!

– Это моя вина, прислуга меня не видела. Я тайком к тебе. Не выгонишь?

Полина зарделась:

– Конечно нет.

– Только учти, я ноне не исправник княжеский, а беглый тать.

Полина всплеснула руками:

– Ты – тать?

– Нет, конечно. Боярин оболгал, казначей. Но в поруб он меня вечером посадил. Сбежал я оттуда.

Глава 6. Кудеяр

И Андрей рассказал ей обо всех своих приключениях, происшедших за день.

Полина слушала, приоткрыв рот. Конечно, ведь до этой минуты ее уделом была тихая, спокойная жизнь, в которой если на другом конце города кто-то женится – это уже событие. А тут – смерть батюшки, знакомство с молодым человеком, спасшим ее от неминуемой смерти, которого иначе как героем и назвать было бы нельзя, а сейчас – и вовсе необычное.

На крыльце раздались шаги служанки.

– В мою комнату! – не растерялась Полина.

Схватив замотанное в холстину ружье, Андрей кинулся в спальню Полины.

В ту же секунду хлопнула дверь, и в трапезную вошла служанка.

– Уф, все постирала и повесила сушиться.

– Вот тебе, Авдотья, деньги. Ступай на торг и купи курицу, что-то мне куриной лапшички захотелось. И новости обязательно узнай, что в городе произошло.

– Это уж обязательно! – заверила служанка Полину.

Послышался звон монет. Авдотья взяла кошелку для покупок и ушла.

Андрей вернулся в трапезную.

– Вернется Авдотья – узнаем, что в городе говорят, – сказала Полина. – А потом я тебя лапшою накормлю.

– Уходить мне от тебя, Полина, надо. Не ровен час, служанка меня увидит или соседи. Мало того что ославят – все-таки мужчина в доме незамужней, так еще князь прогневается. Получается, прибежище беглому татю дала.

– Ой, я об этом как-то не подумала, – Полина прижала ладонь ко рту.

– Я уйду, только мне немного времени надо – сообразить, как выбраться из города. Меня здесь многие знают, незамеченным не выберешься.

– Твоя правда.

– И поесть бы не мешало.

– Авдотья вернется – покормлю. Пожалуй, я ее на пару дней к родне отправлю, она отпрашивалась.

– Вот и отпусти.

Андрей сидел на лавке, смежив веки, и думал о том, как уйти из города, а Полина жадно разглядывала его лицо. Ей была мила каждая черточка, даже небольшой шрамик над левой бровью. Она бы с радостью пошла за него замуж.

– Андрей...

– Слушаю, – он открыл глаза.

– Письмо князю написать надобно, объяснить, что и как произошло, иначе так и будут считать тебя виновным.

– Я писать не умею, – соврал Андрей.

Писать по-старославянски он и в самом деле не умел. Буквы не те: например, «я» выглядит как современная «А», пробелов между словами нет, и гласные пишутся не все. Поэтому, чтобы писать, да и читать, тоже навык нужен.

– Так я напишу, меня батюшка учил.

Полина была удивлена неграмотностью Андрея. Но не объяснять же ей, что он не из этого времени и за плечами университет?

Полина нашла бумагу, чернила и перья.

– Диктуй.

– Великий князь Рязанский, Иван Федорович! – начал Андрей.

– Не так быстро, я не успеваю.

Полина от напряжения склонила набок голову и высунула кончик языка. Видно, писать ей приходилось нечасто.

– К тебе с поклоном слуга твой, Андрей-исправник. Не виновен я в краже ножа из тайника, оклеветал меня боярин облыжно. А убежал я из поруба, боясь несправедливого наказания. Прошу милости великодушно, – Андрей диктовал медленно, взвешивая каждое слово.

Когда Полина закончила, она спросила:

– Крестик под письмом поставишь или как?

– Давай перо, – Андрей размашисто подписался.

– А говорил – писать не умеешь!

– Шутил, тебя проверял.

Полина присыпала исписанный лист бумаги мелким песком.

– Князю отнесу.

– Нет, лучше священнику в церкви отдай, он передаст.

– Как скажешь, так и сделаю.

– Умница.

Полина зарделась от похвалы, тем более – похвалы мужчины, который ей нравился.

Хлопнула калитка.

– Ой, Авдотья вернулась!

Андрей прошел в девичью спальню. Запах здесь стоял особый. Пахло от лампадки перед иконой и каким-то особым духом от постели.

Вошла Авдотья, поставила на лавку кошелку.

– В городе новостей полно! – затараторила она. – Вчера бабку Савельевну в поруб посадили, ценностей у нее три мешка нашли!

Андрей усмехнулся: «Ну вот, уже три мешка! Придумают же люди!»

– А потом освободили из подвала невольников – целых три десятка! И все парни молодые да девицы, да все как на подбор красавицы! Баюют люди, татарам на продажу готовили. Да! А в подвале дома у главного разбойника и душегуба ценностей немерено! Целым обозом вывозили! Представляешь!

Андрея начал разбирать смех.

– А главное – все это сделал Андрей-исправник. Только и его в поруб бросили. Правда, люди говорят, он неведомым образом из узилища исчез. Ой! Забыла совсем! В ту же ночь пожар в кремле случился, правда – небольшой, амбар с мукой сгорел.

– Много новостей, Авдотья, спасибо! Ты вот что, курицу свари с лапшой и ступай к родне. Ты же третьего дня просила.

– Так я мигом! Только за день не обернусь, до деревни, где родичи живут, полдня идти надо.

– Можешь на три дня уйти.

– Вот благодарствую! Дай бог тебе хорошего мужа, Полина! А то ведь всем пригожа: и добра, и красива, и грамотна.

– Авдотья, поторопись!

– Бегу!

Авдотья прошла на кухню, стала растапливать печь, потом загремела посудой. Курица с лапшой готовилась часа три – это не на газовой плите.

– Готово, Полина! Пусть потомится немного в печи.

– Пусть.

– Так я пошла?

– Ступай.

Служанкам прошла в комнату прислуги, собрала небольшой узелок, поклонилась хозяйке и ушла.

– Ну наконец-то, а то я уж думала – курица не сварится никогда, – вздохнула Полина.

– А я придумал, как уйти, – сообщил Андрей.

– Как же?

– В женское платье переоденусь.

– Так борода на лице!

– Сбрею и тряпицей заматаю, вроде зуб болит.
– А если спросят что-нибудь? Голос-то у тебя мужской! Я с тобой пойду, выведу за городские ворота.

Андрей открыл рот, чтобы возразить.

– И не спорь. Лучше пошли кушать.

Отсутствием аппетита Андрей не страдал, съел все, что положили, да еще и добавки попросил – неизвестно, когда он в следующий раз поест.

После завтрака ли – обеда ли они посидели, поговорили.

– Расскажи о себе, – попросила Полина.

– Да рассказывать особо и нечего. Из Рязани я, двадцать семь лет, не женат.

Андрей заметил, что после его слов «не женат» щечки Полины слегка зарумянились. Не влюбилась ли в него девушка? Наверное, не стоило. Кто он? Без роду, без племени, беглец, не знающий, как и где дальше жить.

– Пойдем, надо одежду примерить.

Сарафаны и прочую одежду Полины сразу пришлось отвергнуть. Она была значительно меньше ростом, стройная, и потому Полина предложила ему одежду служанки Авдотьи – та была покрупнее. Но и эта одежда оказалась Андрею мала: он был выше Авдотьи на голову и даже поболее, и телом крупнее – все-таки мужчина. План его рушился на глазах.

– Я на торг пойду, – нашла выход Полина, – куплю рубаху женскую и летник размером побольше, до пят. У тебя ноги не женские, вон обувь какая.

Андрей развязал узелок с деньгами и протянул Полине серебряную монету. Однако та брать деньги отказалась, даже руки за спину спрятала.

– Бери! – стал настаивать Андрей. – Ты теперь без батюшки живешь, запасов, что он накопил, надолго не хватит.

После уговоров Полина деньги взяла.

– Я ворота запру. Только ты не выходи во двор, чтобы соседи не увидели.

– Буду сидеть тихо, как мышь, – пообещал Андрей.

Едва она ушла, он улегся на пол в девичьей светелке. Раздеваться не хотел – мало ли какой экстренный случай, а лечь в чужую постель в одежде – не уважать хозяйку. Чувствуя себя в безопасности, уснул сразу.

Проснулся от ощущения, что рядом кто-то стоит. Рывком сел, выхватил пистолет и увидел, как испуганно отшатнулась Полина.

– Фу, испугал как!

– Ты бы хоть покашляла или по-другому дала знать, что пришла...

– Спишь, как сурок! Я уж и дверью хлопнула, и окликнула тебя с

порога – тишина. Я уж было подумала – убег.

– Не попрощавшись с тобой?

– Я все купила, надевай, – Полина протянула ему узелок.

Андрей развернул покупки. Вроде должно подойти.

Женскую рубашку он натянул прямо на одежду. Она была просторна и длинна – до пят.

Полина громко, от души рассмеялась.

– Ты чего?

– Видел бы ты себя со стороны! Пугало огородное! Рубаха женская, лицо бородатое... Ой, не могу, умора!

Андрей повертел в руках летник – просторное летнее женское платье из легкой ткани.

– Как его надевают? Где перед?

– Сейчас помогу. – Полина помогла ему надеть платье и опять засмеялась.

– Постой, я сейчас.

Она убежала и тотчас вернулась с поясом в руках; застегнула его на поясе Андрея, на миг прижавшись к нему все телом.

– Вот теперь в самый раз, обуви не видно. Сейчас платок повяжу, – она ловко накинула ему на голову и завязала цветастый платок.

– Обернись-ка!

Андрей повернулся вокруг.

– Не очень похож на женщину, движения размашистые, грубые.

– Чай, не скоморох.

– У женщины шажки мелкие, движения плавные. Ты же как медведь. Со стороны заметно.

– Я перед стражей постараюсь.

– Снимай все и брей бороду.

Начались мучения. Андрей стянул женскую одежду, подобрал на кухне нож, наострил его на камне, но мыла и помазка не было. Он смочил бороду водой. Щетина на щеках была жесткой, волосы под лезвием ножа трещали, кожа саднила. Побрившись, он умылся холодной водой из ведра, но кожа была красной и горела.

– Кожа-то под бородой светлая, выделяется, – заметила Полина. – Да это ничего, я маслом натру.

– Тряпицу найди – лицо перевязать, вроде зуб болит.

– Проще простого.

Полина подала ему беленую холстину. Андрей сложил ее втрое, на манер бинта, и обмотал голову. Получилось правдоподобно. Поверх

тряпицы он набросил платок, повязал.

– Так у тебя лица-то почти и не видно! – восхитилась Полина.

Пока Авдотья варила курицу да Полина ходила на торг, пока Андрей переодевался и брился, прошел день. Солнце стало садиться.

– Надо идти, ворота городские закроют, – беспокоился Андрей.

– Куда же ты на ночь глядя? Поспи, как человек, поешь утречком – и в путь.

– А можно?

– Если приставать не будешь, – лукаво улыбнулась Полина.

– Обещаю.

Они поели вчерашних пирогов, запили узваром из яблок, поговорили.

– Я письмо твое в церковь отдам, как уйдешь. А ответ-то, если будет, ты как узнаешь?

– Через седмицу пусть Авдотья выйдет за городские ворота да отойдет по дороге – я встречу.

– Ну уж нет, я сама.

– Пусть будет так.

– Боюсь я за тебя, Андрей. Княжество Рязанское вроде большое, а укрыться негде. В селах – тиуны княжеские, чужого человека сразу углядят.

– Это мы еще посмотрим, кто кого. Не думай о плохом. Ты сама лучше скажи, как жить думаешь?

– Не знаю пока. – Полина опустила голову.

– У батюшки лавки торговые есть?

– Целых две.

– Работников поставь; пусть торгуют, прибыль приносят.

– Им товар в лавке нужен, а они уже и так пустые. Раньше батюшка сам привозил, с обозом в Великий Новгород ходил, в Москву. Не по мне это, не смогу.

– Ладно, подождем ответа княжеского. Коли простит, я товарами займусь. А нет – придумаем что-нибудь.

Полина лишь покачала головой:

– Тяжело бабе одной выжить, Андрей. Родня настаивает, чтобы я замуж шла, даже жениха нашли.

– А ты?

– А я не хочу за него. Старый он, вдовец, глаза жадные, злые. Похоже, не я ему нужна, а тятины лавки.

– Погоди выходить, образуется все.

Полина заплакала. Андрей поднялся с лавки, обошел стол, погладил девушку по голове, успокаивая. Но она уткнулась ему в живот и зарыдала в

голос. Андрей гладил ее по спине, ощущая вздрагивающие от приступов плача лопатки.

– Успокойся, все пройдет, все будет хорошо.

Женских слез Андрей, как и все мужчины, терпеть не мог, терялся. И слова, нужные в таких случаях, как-то сразу выскочили из головы.

Полина понемногу успокоилась.

– Ты не смотри на меня, я некрасивая сейчас.

– Так не видно же ничего, темно, – неловко пошутил Андрей.

За ужином темнота сгустилась еще сильнее, но свечку они не зажигали.

– Я тебе у Авдотьи постелю, – вздохнула и поднялась Полина. – Спать пора.

Полина постелила Андрею в комнате для прислуги. Он пожелал ей спокойной ночи, разделся и улегся. Повертелся немного, вспоминая, все ли приготовили, не забыли ли чего? В женской одежде он не разбирался совершенно, и потому полагался на Полину. Постепенно уснул.

За полночь едва слышно скрипнула дверь. Андрей проснулся сразу.

Возле кровати в одной ночной рубаше стояла Полина.

– Андрей, можно я с тобой лягу? Мне одиноко и страшно.

– Ложись.

Полина юркнула под одеяло. Ноги ее и в самом деле были холодные, а саму трясло, как в ознобе.

– Замерзла?

Полина лишь кинула в ответ и прижалась к Андрею всем телом.

– Возьми меня замуж, Андрей! Я понимаю, нельзя девушке самой напрашиваться, но люб ты мне!

– Я же беглый тать!

– Люб ты мне, на край света за тобой пойду!

– Давай повременим. Закончатся мои злключения, тогда и вернемся к разговору.

– Я тебе нравлюсь хоть немного?

– Конечно! – Андрей обнял Полину, прижал к себе, погладил по спине.

Девушка затаила дыхание.

Плоть у Андрея взыграла – давно он не был с женщиной. Но желание свое он усмирил – зачем портить девчонке жизнь? Он еще со своими злключениями не разобрался и, будет ли он на свободе или даже жив завтра, не знает. Разрулится ситуация, тогда можно подумать. Девушка ему нравится, не без этого. Но симпатия – еще не любовь. Хотя, положи руку на сердце, местные девушки нравились ему меньше. Красивая девушка на

Руси – упитанная, гладкая, дородная. Полина до местных стандартов красоты не дотягивала – худовата, а по Андрею – в самый раз.

Постепенно Полина угрелась и уснула – как и Андрей.

Утром он проснулся и увидел, что Полины рядом не было. Пригрезилось, что ли?

Он встал, оделся и пошел умываться. На кухне уже топилась печь и пахло чем-то вкусным.

Полина встретила его ласково, не подав виду, что ночью приходила.

– Пряженцев я напекла – с луком и грибами. Будешь?

– Я голоден и буду все.

Андрей начал уплетать пряженцы, щедро зачерпывая ложкой сметану из крынки. Полина удивленно смотрела:

– Ну и горазд ты есть!

– Как ем, так и работаю! – отшутился Андрей.

Насытившись, он сказал:

– Я переодеваюсь, и идем.

Он натянул на себя женскую рубаху, летник, перевязал голову тряпицей, повязал платок. В зеркало бы посмотреться, да нет его.

– Полина, посмотри.

В комнату вошла Полина, осмотрела его придирчиво.

– Поясок забыл.

Андрей исправил оплошность.

– Ну как?

– Двигайся мягче и молчи, я говорить буду.

Андрей подхватил ружье, замотанное в холстину. Как-то не вяжется тяжелая железяка с женским обличем.

– Полина, я оставлю оружие у тебя на хранение?

– Оставляй.

– Место сухое нужно.

– Сундук устроит?

– Вполне.

Андрей уложил в сундук ружье и патронташ с патронами. На первое время хватит пистолета, а потом он обзаведется ножом.

– Присядем на дорогу?

Они посидели минутку на лавке.

– Ну, с богом!

Полина заперла дверь на замок.

Шли медленно, не торопясь. С Полиной здоровались знакомые, с нескрываемым интересом смотрели на переодетого Андрея – что это еще за

дылда выискалась?

Добрались до городских ворот. Андрей сразу заметил, что стражников прибавилось. Женщин они пропускали безвозбранно, а к мужчинам приглядывались.

Чем ближе они подходили к воротам, тем сильнее билось сердце Андрея. Хотелось побежать, прорваться. В этот момент Андрей пожалел, что пистолет в кармане брюк. Случись неожиданность, быстро не достанешь.

Однако к воротам они подошли спокойно. Андрей, чтобы уменьшить рост и не сильно бросаться в глаза, последние полсотни метров шел на полусогнутых.

Миновали ворота, и он перевел дух. А дальше – проще. Дошли до рощицы, свернули с дороги. Андрей скинул с себя женскую одежду и протянул Полине:

– Прибереги, может, еще пригодится.

– Повязку с головы сними, – засмеялась Полина.

И в самом деле, платок он снял, а про повязку забыл. В привычной для него одежде и без путающейся в ногах рубашки Андрей почувствовал себя лучше.

Полина связала вещи в узел.

Андрей шагнул к ней, обнял и поцеловал в губы. Думал – отшатнется, оттолкнет. А Полина ответила жарко, истово.

– Ждать тебя буду, не забывай, – прошептала ему на ухо.

Некоторое время Андрей смотрел, как по дороге по направлению города шла маленькая женская фигурка с узелком в руке. Доведется ли еще свидеться? Он надеялся, что да.

Андрей направился по дороге прочь от города. Далеко уходить он не хотел, договаривался же с Полиной через неделю встретиться – чего попусту ноги бить? Но где он будет ночевать, что есть, чем заниматься? На эти вопросы у него ответа не было. Отныне он полностью свободный человек, причем свободный от всего – обязательств, работы, дома, денег, продуктов. Состояние странное, непривычное, а главное – без цели.

Едва он успел отойти от Переяславля верст на пять, как навстречу ему на дорогу вышел из лесу мужик. Судя по дубинке на плече, вышел явно с недобрыми намерениями.

Андрей вытащил из кармана пистолет, снял с предохранителя, но не останавливался, шел спокойно. Что дубина против «макарова»?

– Стой! – приказал мужик.

– Стою. Что дальше?

– Деньги давай.
– Не дам. А вот убить запросто могу.
– Ну хоть пожрать чего-нибудь дай, – услышав слово «убить», сменил тон мужик.

– Видишь, руки пусты? Где я тебе еду возьму?
– Вот неудача. Третий день не жрамши.
– Работать надо.
– Да я бы с удовольствием, так не берут. Вот ты: по одежке – не из нищих. Возьми к себе.

– Я сам не работаю, беглый тать.
– Да ну?! – восхитился мужик. – А как тебя звать?
Андрей на секунду замешкался. Из каких-то уголков мозга выскочило давно прочитанное:

– Кудеяр.
– Ходояр? – повторил мужик, слегка исказив слово. – Имечко татарское, а по одежке и разговору – русак.

– Не Худояр, а Кудеяр.
– Все едино. А возьми меня к себе в шайку, вдвоем сподручнее.
– Подумать надо. Не внушаешь ты мне доверия, мужик.
– Меня Глебом звать.
– Из каких краев будешь?
– Из-под Ельца. Жену и детишек татары в полон увели, избу сожгли.
Вот один теперь как перст.

– Грязен ты больно, Глеб, смердит от тебя.
Мужик шмыгнул носом.
– Есть маленько.
– В баню тебе надо.
– Кто же меня в город пустит?
– В починках и займищах тоже бани есть. Помыться и переодеться в чистое тебе надобно.

– Ха, сказал! А деньги?
– Добудем.
– Так ты меня берешь?
– Придется.

О Кудеяре на Руси ходило много легенд. Правда, жил он, если существовал на самом деле, значительно позже – на век. И почти каждая губерния заявляла, что Кудеяр действовал и погиб на ее земле, оставив в тайниках несметные сокровища. Одна из легенд гласила, что он – сын боярина, Кудеяр Тищенко, из города Белева, что под Тулой. В 1571 году

стал изменником, перебежав к крымским татарам и показав им броды в их походе на Москву.

Другая легенда говорила, что он – из опальных опричников. Обиделся на Ивана Грозного и грабил московских купцов на торговых путях.

Но самая известная версия гласила, что роду он был царского и приходился старшим братом Ивану Васильевичу. Первая жена великого князя московского Василия Ивановича, отца Ивана IV, Соломония Сабурова, была бездетна. Князь же хотел наследника, продолжателя рода. Соломония была насильно пострижена в монастырь, а царь женился на Елене Глинской, которая родила ему двоих сыновей – Ивана и Георгия. Правда, недобрые языки поговаривали, что Иван был рожден от приближенного Московского государя, князя Ивана Овчины-Телепнева-Оболенского. А у Соломонии, которая в иночестве получила имя Софьи, в Суздальском Покровском монастыре тоже будто бы родился сын. Узнав о сем, Великий князь отправил бояр узнать – правда ли сие? Им показали могилу, где якобы был похоронен новорожденный. Успокоенные бояре уехали. Но при раскопке могилы в 1934 году оказалось, что в ней лежит кукла в одежде мальчика. Опасаясь подосланных Глинской убийц, ребенка скрыли. По одной версии, его переправили к крымскому хану, где он вырос и отправился на Русь. Не добившись престола, стал знаменитым разбойником. В Пронском уезде, близ села Чулкова, есть урочище Каменные Крестцы, по легенде – главная ставка Кудеяра.

Иван Грозный, сев на престол, знал, что у него есть старший брат, который мог претендовать на трон, и беспокоился, периодически посылая стрельцов или опричников изловить разбойника. Впрочем, безуспешно.

– Только вот что: давай договоримся – без нужды никого не убивать.

– Я не убивал ни разу, – смутился Глеб.

– А дубина?

– Попугать.

Первый обоз показался через час.

– Грабим? – встрепенулся Глеб.

– Пропустим. Крестьяне едут, что с них взять?

Они сидели между деревьями, пока мимо громыхал тележными колесами небольшой обоз.

Через некоторое время вновь послышался перестук колес, конский топот.

Глеб подбежал к дороге:

– Колымага едет.

Когда колымага подъехала, Андрей скомандовал:

– Выходи, хватай лошадь под уздцы.

– А ты?

– Я сзади.

– Ага, понял.

Когда до колымаги оставалось с десяток метров, Глеб выскочил на дорогу и кинулся к лошади. Та с перепугу встала на дыбы, едва не перевернув колымагу.

– Стой! – заорал Глеб.

Сидевший на передке кучер огрел его кнутом. От неожиданности и боли Глеб вскрикнул, однако Андрей уже подбежал к задку и вскочил на подножку.

На сиденье расположился купец, в ногах у него стоял дорожный сундучок. Торговец, судя по одежде, был из богатых, но едет не издалека – на одежде пыли нет.

Купец попытался встать, но Андрей спокойно сказал:

– Ты отдаешь деньги и уезжаешь здоровым и невредимым. Если же будешь сопротивляться, побыю, а деньги все равно заберу. Что выбираешь?

– Все отдам!

– Ну вот и славно. Открой сундучок.

Купец запыхтел, однако достал из-под рубахи висевший на веревочке на шее ключ и отпер сундучок. Там были восковые таблички и два заостренных писала. Видимо, купец ехал рассчитывать с кем-то. А главное – там лежал небольшой кожаный мешочек. Андрей взял его, взвесил на руке. Изрядно!

– Что же ты, любезный, с деньгами едешь и без охраны? Нехорошо!

– Так ведь до города недалеко, – пролепетал купец, провожая тоскливым взглядом кожаный мешочек.

– Счастливого пути! – пожелал Андрей купцу и спрыгнул с подножки.

Глеб, державший лошадь под уздцы, отошел в сторону. Кучер тряхнул вожжами, и колымага тронулась с места. Когда она отъехала на полсотни метров, купец обернулся назад и крикнул Андрею:

– Я князю пожалуюсь! Он вас, татей, вздернет!

Андрей только сплюнул. Назвали его татем, посадили в поруб – будет вам тать!

К нему подошел Глеб:

– Ну, что там? Каков улов?

Андрей открыл мешочек. Там лежали в основном медяки, но было и несколько серебряных монет.

– Ого! Давай делить! – загорелся Глеб.

– На тебе две деньги. На остальные – есть будем, помоешься и приоденешься. От тебя смердит, как от зверя, ажно лошадь испугалась, на дыбы встала.

Глеб смутился:

– Я разве против?

– Село поблизости есть?

– А как же? Вон там! – он показал рукой.

– Идем. Веди.

Через полчаса они подошли к селу.

– Будь здесь, жди. Я в село пойду, обновки тебе куплю.

– Сбежишь с деньгами! – расстроился Глеб.

– Мы же с тобой теперь одна шайка! – урезонил его Андрей.

– Верно, только боюсь я.

– Жди! – жестко сказал Андрей и пошел в село.

Торг был скромный, но ему удалось купить новое исподнее, рубаху и порты для Глеба. Еще Андрей, помня, что Глеб голоден, купил в харчевне на перекрестке жареную курицу и два рыбных расстегая. Со всем этим он вернулся на опушку леса, где его уже заждался Глеб.

– Ешь! – он положил на пенек курицу и расстегай, сам же вцепился зубами во второй пирог.

Глеб накинулся на еду, как голодный волк зимой на добычу. Он рвал курицу зубами и заедал пирогом.

– М-м-м! Вкуснотища! Давно такого не ел!

Он доел остатки курицы и вытер рот рукавом.

– Глеб, будешь рукавом вытираться – новую одежду испортишь.

– Ты мне одежду купил? – удивился Глеб.

– Ну не ходить же мне с чучелом!

– Я переоденусь!

– Э, нет! Сначала в баню! Надо заимку или починок найти. Заплатим хозяину, он нам баньку истопит. Я и сам не прочь помыться. Только узел с одеждой сам неси, я не амбал за тобой таскать.

Глеб после трапезы повеселел, подхватил узел и направился в сторону от села.

– Ты куда?

– Бортник недалеко проживает, как раз на заимке. Заодним медку попробуем.

– Только не наглей. Никакого грабежа! Не то люди нас без князя пришибут, без суда.

– Как скажешь, Кудеяр.

Андрей уже забыл, что назвался другим именем. Но, похоже, Глеб признал его за главара шайки. И в самом деле, без кровопролития деньги заимели.

Они вышли к заимке. Андрей покосился на Глеба:

– Ты дубину-то оставь, нечего людей пугать.

Глеб прислонил дубину к дереву:

– На обратном пути заберу.

– Ты язык за зубами держи на заимке.

– Нешто мы не понимаем? Само собой.

Подошли к избе. Вокруг стояли ульи, выдолбленные из стволов деревьев. В воздухе деловито сновали пчелы. Андрей их побаивался еще с детства и помахивал рукой, отгоняя наиболее назойливых.

– Ты руками не маши, укусят, – посоветовал Глеб.

– Ага, к тебе они не подлетают, от запахадохнут.

– Ща отмоюсь, – ощерился Глеб.

Навстречу им вышел бортник – седой дед. Он поднес руку к глазам, пригляделся:

– Что-то не узнаю. За медком?

– Здравствуй, дедушка! Про медок попозже. Помыться бы нам, товарищ мой грязью уже зарос. Заплатим за труды-то.

– Чего ж не помыться? Дров полно, а воду сами из колодца таскайте.

Воду деревянной бадьей таскал Глеб, Андрей же растопил печь. За пару часов печь согрела и воду в котле, и воздух.

– Иди, ополоснись для начала, а то грязь коркой отваливаться скоро будет.

Глеб разделся в предбаннике. Андрей палкой поддел его рубище и вынес из бани. Поглядев на стоптанные и дырявые сапоги, отнес их туда же. Потом поддел на совок углей и поджег тряпье. Постучался в дверь к бортнику:

– Дедушка, полотенце бы нам. И еще: пара поршней не найдется?

И сразу отдал три медяхи, получив взамен льняные полотенца и поршни – нечто вроде тапочек из заячьей шкурки мехом внутрь. Тепло, удобно, шаг бесшумный. Одно плохо – воды боятся.

Он занес все в предбанник, разделся сам – и в мыльню. Там уже блаженствовал Глеб. Жесткой мочалкой натер себя докрасна, облился теплой водой, смыл грязь и снова облился жидким щелоком.

– Эх, хорошо!

Андрей тоже вымылся, но в парную не полез. Они вышли в предбанник, обтерлись и уселись на лавку.

– Чем это так воняет? – потянул носом Глеб.
– Твоими обносками. Я их сжег, а запах остался.
– Надо же! – покачал головой Глеб. – Я как-то не замечал.
– Я же тебе говорил.
– А сапоги где?
– Тоже в костер бросил. Поршни новые наденешь, сапоги потом купим.

– Едрит твою! Вот житуха пошла! Сейчас бы пива или медовухи!
– Обойдешься. Лучше свежего меда с хлебом поесть.
Они оделись. Вымытый, в новой одежде Глеб стал выглядеть вполне нормально и помолодел лет на десять.

– Тебе сколько лет, Глеб?
– Должно, двадцать три.
– Я думал, ты старше.

Первоначально, когда Андрей увидел Глеба, тот показался ему сорокалетним. Надо же, как он ошибся! Но мужик он крепкий, жилистый, и если его подкормить немного – подковы руками гнуть будет.

Постучавшись, они вошли к бортнику.
– Дедушка, нам бы медку свежего с хлебом.
– Меда полно, а хлеба нет, лепешки только.
– Сгодится.

Они уселись на лавку, и дед поставил на стол большую миску с медом. Сразу запахло травами.

– Душистый, – повел носом Андрей.
– Разнотравье, – поддакнул дед, – только вчера качал.

Мед был свежим, жидким, стекал с лепешек. Зато сладкого наелись вволю, и Андрей отдал еще одну медяху.

– Спасибо, дедушка, за баню, за угощение, – поклонился старику Андрей.

– А вы заходите, коли нужда будет. Я хорошим людям завсегда рад.

У деревьев Глеб остановился и взял в руки дубину.

– Оставь! – остановил его Андрей.

Глеб послушно бросил дубину.

– Сейчас идем в какое-нибудь село, выпьемся на постоялом дворе, покушаем. А утром пойдем на торг.

– Зачем?
– Сапоги тебе покупать, ножи обоим. У тебя же оружия нет никакого.
– Так и у тебя не видно.
– Обо мне не беспокойся.

До села пришлось идти кружным путем. Но переночевали, как люди – на постелях. Утром плотно позавтракали и отправились на торг.

Сапоги – короткие, из свиной кожи – подобрали быстро, сложнее оказалось с ножами. Местный кузнец ножи делал, но большей частью кухонные да сапожные. Железо на них шло мягкое, из болотных криц. Такое заточку держать не будет. Не стал брать их Андрей, только деньги зря переводить.

Они уже отошли от прилавка, на котором сельский купец разложил свой товар – подковы, гвозди, скобы, однако кузнец не хотел упускать редких покупателей.

– Пойдите, погодите! Могу предложить вам хороший нож, только дорогой!

– Покажи.

– Придется подождать.

Торопиться было некуда.

– Неси.

Кузнец, бросив свой товар, побежал домой.

Вернулся он через четверть часа, неся завернутый в тряпицу нож. Положил его на прилавок, развернул тряпицу, и Андрей увидел... Простенькие деревянные ножны, старые и довольно потертые – и восхитительной работы клинок. Лезвие длиной сантиметров двадцать, толщиной на обушке миллиметров пять. Но сталь! Явно не местного железа и не местнойковки, скорее всего – испанской или немецкой. Нож был отлично сбалансирован, удобная рукоять из черного дерева. Скорее всего, ножны были сделаны позже, не вязались они с ножом.

Андрей сразу в него влюбился.

– Сколько?

– Монета серебром.

Кузнец и сам испугался цены, которую назвал. Нож был не его, достался по случаю.

– Где взял?

– Трофеем.

Андрей не стал торговаться и выложил монету.

– Мне бы пояс.

– Иди вон туда, – кузнец показал в угол торгового.

Оба прошли в указанном направлении. Кожевенные изделия были отличного качества: кожа мягкая, толково выделанная, медные пряжки, ремни прошиты прочной нитью. Андрею сразу приглянулся один пояс – широкий, на пряжке голова вепря. И обошелся пояс недорого.

– Себе такой хочу, – заявил Глеб.

– Выбирай.

Глеб выбирал долго – сказывалась его нищенская жизнь, когда от выбора товаров глаза разбегались, но денег на покупку было очень мало. Однако выбрал, опоясался.

– Ну как? – он повернулся перед Андреем.

– Тебе идет.

Андрей расплатился.

– Идем на постоянный двор? – спросил Глеб.

– Нельзя туда. Если закажем два раза в одном месте, нас поймают. Сейчас уйдем, и нас ни староста сельский, ни тиун княжеский не видели.

– Жалко, мне понравилось.

– А ты деньги хотел поделить. Посмотри на себя. На человека похож, а не на зверя лесного, дикого.

– Твоя правда. Злодействовать пойдем?

– Фу, слово-то какое!

– Так мы разбойники и есть.

– Стоп!

– Забыл чего?

– Ткань куплю.

От удивления Глеб разинул рот, но Андрей уже шел по рядам. Почти тут же купил кусок льняной ткани.

– Это зачем еще?

Андрей молча распорол ножом ткань на две равные половины и одну из них протянул Глебу:

– Держи. Лица закрывать будем, тогда нас никто не узнает.

– Ох и умен ты, да и хитер, однако, Кудеяр! Покажи как?

Андрей закрыл лицо тканью, завязав концы на затылке. Из-под повязки были видны только глаза.

– Дышать и видеть не мешает, а лица не разглядеть.

– Быть тебе атаманом большой шайки! – восхитился Глеб.

– А вот этого не надо!

– Почему?

– Большой шайке спрятаться тяжелее. Князь дружину вышлет – порубят нас в капусту.

– Я же говорю – умен без меры!

Они вышли на дорогу и пошли не спеша. А куда им было торопиться?

Сзади послышался скрип тяжелых колес. Странно: скрип колес есть, а топота копыт не слышно.

Из-за поворота выехала телега, но вместо лошади в нее были запряжены люди, человек восемь. На плечи им были накинuty постромки.

В телеге с кнутом в руке развалился дородный мужик – боярин ли, купец или просто зажиточный наглец?

– Крепостные, – выдохнул Глеб.

– Посторонись! – заорал седок в телеге и хлестнул мужиков кнутом.

Когда телега поравнялась с Андреем, он ловко вскочил на нее, выхватил из ножен нож и приставил его к жирной шее седока.

– Поделись деньгами!

– Ты кто такой?

– Кудеяр! Не слышал?

Мужик мотнул головой, и нож оцарапал кожу на шее.

– Еще раз двинешься – порежешься, – предупредил Андрей. – Прикажи своим остановиться.

Телега остановилась.

Читал в книгах Андрей про такое, даже схожую картину видел – «Бурлаки на Волге», но сам с таким сталкивался впервые.

– Так как насчет денег? – напомнил мужику Андрей.

– Нет у меня!

– Ой, не верю! Если соврал, за каждую найденную монету что-нибудь у тебя отрежу. С чего начать? С уха?

– Нет-нет, я просто забыл! – Седок достал из-за пазухи тяжелый кошелек.

– Все? Или снова забыл чего? Глеб, посмотри в телеге!

Глеб добросовестно перерыл сено.

– Нет ничего.

– Ну и славно. И запомни: еще раз тебя здесь встречу – самого в телегу запрягу. До Крыма везти будешь!

Мужик хотел кивнуть, но побоялся ножа.

– Катись отсюда!

Телега уехала.

– Глеб, не знаешь, кто такой?

– Нет.

Андрей открыл кошелек. Неплохой улов! Одна медь, но много.

Глеб заглянул в трофей, вздохнул, но промолчал.

– Хочешь, отдам половину, и мы расстанемся? – предложил Андрей.

– Что я, дурак? Удачлив ты, кто же в здравом уме уйдет?

– Молодец, соображаешь. Веди к какому-нибудь селу.

– Ты на постоянный двор хочешь?

– А чего на дороге болтаться?
– Недалеко перекресток есть – ни села, ни деревни. Там постоянный двор. Просто место бойкое.
– Я вижу, ты хорошо местность знаешь.
– Пришлось походить. А не купить ли нам лошадей?
– Обнаглел совсем! Их кормить надо, потом седло, сбруя. Нет, не по мне.

– Жаль, я лошадей люблю.
– А давай вот что сделаем. Избу тебе в деревне купим, лошадь. И заживешь ты, как все добропорядочные люди. Глядишь – женишься, детишки пойдут. Хочешь – землю паши, хлеб сей, а хочешь – бортничай.

Глеб вытаращил на него глаза.

– А ты как же?

– Не пропаду.

Глеб аж остановился:

– Так деньги общие, что же ты на меня их тратить будешь?

– Не мои же.

– Дай подумать, больно уж неожиданно.

– Думай, но помни – зима впереди, замерзнешь в лесу. А так – человеком жить будешь.

– Какой-то ты разбойник странный... Был я уже в одной шайке – так там только грабеж да пьянка. В землянке в лесу жили, как кроты.

– Не понравилось?

– Как напьются – драться начинают. Гляди, – Глеб ухватился за губу и приподнял ее. Справа на верхней челюсти не хватало двух зубов. – Я ведь ложкарь, – неожиданно сказал он.

– Это как?

– Ложки вырезаю, игрушки деревянные. Видел небось на торгу?

– Видел. Ну так и займись делом.

– Уговорил. Надоело скитаться. Жену хочу – чтобы в избе похлебкой пахло – и детишек. По своим скучаю. Живы ли?

По щекам его покатились слезы. Глеб отвернулся и смахнул их рукой. «Видно, не совсем одичал, не зачерствел душой», – подумал Андрей.

– Ладно, води к постоянному двору. Заодно с хозяином поговорим, может он знает, где избы продают.

Глеб повеселел, глаза заблестели. Видимо, почуял он, что жизнь наладиться может.

На постоялом дворе они поели, сняли комнату.

Вскоре стало вечереть. Андрей уснул и проснулся в середине ночи от

вздохов.

– Глеб, ты чего не спишь?

– Всю душу ты мне разбередил, Кудеяр. Свой дом вспомнил, семью. Руки по инструменту соскучились, по работе. Знаешь, как дети радуются, когда игрушку видят?

– Спи, все у тебя наладится.

Проснувшись утром, Андрей увидел, что Глеба в комнате нет. Схватился за подушку, сунул под нее руку, но кошелек был на месте.

Одевшись, он спустился вниз, в харчевню. Глеб был там, разговаривал с хозяином.

Подойдя к ним, Андрей поздоровался и отозвал Глеба в сторону:

– Ты имени моего не назвал случаем?

– Как можно?

– Хорошо. На людях меня Иваном зови.

– Как скажешь. А я избу нашел – хозяин подсказал.

– Так ты же ее не видел еще.

– А по мне, любая сгодится. Заработаю – поправлю. Руки у меня из нужного места растут.

– Давай поедим и пойдем смотреть.

– Давай, а то мне не терпится.

Глеб поел быстро и теперь ожидал Андрея.

– Идем?

– Ты дорогу точно выпросил?

– Угу.

– Тогда идем.

Избу нашли в соседней деревне. Она принадлежала рыбаку, да и сама изба стояла на берегу реки. С хозяином сговорились быстро, деревенский староста видаком при договоре был. Андрей отсчитал деньги.

– И лодку забирай, на что она мне в городе? – махнул рукой бывший хозяин.

Вместе с Глебом они обошли его новые владения.

– Крепкая изба! – похвалил Андрей.

– Я доволен. Спасибо, Кудеяр!

– Я поживу у тебя денька три?

– Хоть до свадьбы!

Андрей высыпал остатки денег из кошелька на стол и, не считая, разделил их на две приблизительно равные кучки.

– Забирай свою половину.

– Зачем? Ты и так для меня многое сделал, – запротестовал Глеб.

– Муки, крупы, соли купишь – в хозяйстве много чего нужно. У тебя вон инструментов нет, как ложки резать будешь?

– Твоя правда, – Глеб сгрел деньги. – На торг надо идти, дома есть нечего.

– Так иди, не спрашивай. Теперь ты хозяин, а я всего лишь гость.

У Глеба даже плечи расправились. Он еще не привык к своему новому положению, слишком быстро и неожиданно оно изменилось.

Три дня Глеб только и делал, что кашеварил, ублажая дорогого гостя, и то и дело бегал на торг, покупая то топор, то стамески, то ножи с кривым лезвием.

– Лошадь куплю, – сказал он вечером.

– Зачем она тебе?

– Скажешь тоже! Липу заготовить на зиму – не на горбу же тащить. А в город, на торг на чем товар возить? То-то!

Андрей же три дня ничего не делал, только плавал на лодке и любовался рекой. Разбойничать он не хотел, не по нему занятие. На третий день спросил Глеба:

– Как в Переяславль пройти?

– Я доведу.

– Ты лучше объясни.

– Доведу, там и попрощаемся, – заупрямился Глеб.

Он довел его почти до города – вдали уже были видны луковки церквей.

– Все, Глеб. Дальше я сам.

– Воля твоя, Кудеяр. Хороший ты мужик, жаль – раньше не встретились.

Они обнялись на прощание, и Глеб ушел.

На сегодня у Андрея была назначена встреча с Авдотьей. Что-то она принесет? Простит ли его князь?

Андрей прошел еще немного вперед и свернул в рощу. Это было именно то место, где он расстался с Полиной. Никого. Он сделал несколько кругов, осматривая рощу – нет ли засады? И не потому, что не верил Полине. Она, сама не подозревая, могла выдать себя неосторожным поведением – через того же священника. И «хвост» за собой привести.

Андрей взобрался на дерево, чтобы видеть городские ворота. Далековато до них, бинокль бы ему сейчас.

К воротам сходились три дороги, и потому было оживленно – заезжали повозки, входили и выходили люди.

Вот показались две женские фигуры, но издалека было не понять кто.

Андрей машинально провел рукой по подбородку. Он неделю не брился, и отросла небольшая русая борода. Полина видела его бритым, а Авдотья – нет.

Женщины свернули на дорогу, шедшую через рощу. Похоже, та, что шла слева, – Авдотья. Андрей видел ее мельком, но не очень приглядывался. Теперь напрягся.

Женщины остановились на дороге, осмотрелись по сторонам и пошли среди деревьев в сторону Андрея. Остановившись, начали озиаться.

– Андрей, где ты? – прозвучал голос Полины.

Андрей опустил на пару веток и спрыгнул. Женщины испуганно взвизгнули.

– Ты прямо как с неба свалился. Я уж испугалась, думала – не придешь.

– Я слово давал.

– Авдотья, отойди в сторонку.

После того как служанка отошла, Андрей обнял и поцеловал девушку.

– Ну, говори!

– Ой, что было! Суд княжеский. Бабку Савельевну приговорили к битью батогами и изгнанию из города. Потом слушали по работаровцам. Бобыль-то умер, а его поделника к вире приговорили. Боярин тебя в краже обвинил, да невольники, которых ты освободил, бучу подняли. Их родственники поддержали. Крику было! В общем, за заслуги перед жителями князь смиростивился и обвинение с тебя снял, однако запретил заходить в кремль и наниматься на княжью службу.

– И без него проживу. Так я волен жить в городе?

– Конечно. Ты разве не понял?

– Здорово! Пошли домой?

– К тебе или ко мне? – лукаво улыбнулась Полина.

– Куда хочешь. Правда, у меня дома – ни крошки хлеба.

– Вам, мужчинам, только о еде... Тогда пошли ко мне.

– Чтобы соседи не судачили, объяви о свадьбе.

– Ты правда мне замуж предлагаешь?

– Куда мне деваться? – пошутил Андрей.

Полина пристукнула его кулачком в грудь:

– Так я тебя и отпущу! Авдотья! Идем домой.

Вся троица направилась к городским воротам. И чем ближе Андрей подходил к ним, тем сильнее волновался. Вроде князь сказал свое слово на суде, и вина его не столь велика, но кто их, князей, знает?

Проходя сквозь ворота, он встретил удивленные взгляды стражей, но

ни один из них не сделал попытки приблизиться – не то что его задержать. И Андрей успокоился.

На улице его узнавали, раскланивались, кто-то даже закричал, показывая на него пальцем:

– Вон он, который невольников освободил!

Похоже, в народе о несостоявшейся краже никто не вспоминал, люди помнили об освобождении невольников и были ему благодарны. Непроизвольно вспомнилось: «...минует нас и барский гнев и барская любовь». Воистину, от княжьей милости до падения в его глазах расстояние малое, один шаг.

Сначала Андрей свернул на свою улицу – он хотел посмотреть на свой дом. Отпер замок, распахнул дверь:

– Заходите!

Женщины зашли, и Авдотья фыркнула:

– Нежилым пахнет.

Дом не обворовали, не разграбили, но в нем оставалась одна-единственная ценная вещь – подаренный ему князем кубок. Вот его Андрей и забрал.

– Дай посмотреть! – Полина протянула к кубку руку. – Слышала я о подарке, да не видела.

Она взяла кубок в руку, повертела:

– Какая красота! И ценности немалой!

Вернула кубок с неохотой. Андрей отдал бы его ей, да передаривать нельзя, вроде бы подарком пренебрегли.

– Теперь к тебе.

Андрей шутливо шлепнул Полину по задку.

– Ты чего? Замуж никто не возьмет!

– Я беру, зачем тебе другой.

В избе у Полины пахло вкусным, было чисто, уютно – чувствовалась женская рука. На подоконниках в горшках стояли цветы герани, на полу – домотканые коврики.

Авдотья бросилась накрывать стол.

Полина помогла Андрею умыться, подала полотенце.

Они сели обедать. Для простого обеда стол был накрыт слишком обильно и роскошно, наверняка Полина надеялась, что Андрей придет в ее дом.

На столе стояли красные блины из гречневой муки, пироги с зайчатиной. На горячее – грибной суп, настолько густой, что в нем ложка стояла. Из мясного – гусь с яблоками и капустой, на закуску – балык

осетровый, на десерт – сырники и леваши. В трех кувшинах стояли сбитень, вино смородиновое и олуй – вид крепкого пива.

Сочтя молитву, ели не спеша. Андрей каждое блюдо запивал прохладным, с ледника, пивом. Очень по вкусу пришлось. Пилось легко, в охотку, но когда стал подниматься из-за стола, почувствовал, что захмелел. Женщины лишь пригубливали вино, щечки порозовели.

Полина заметила нетвердую походку Андрея:

– Ложись, отдохни. Седмицу неизвестно где проживался, ел плохо, бедненький, устал.

Она довела его до своей девичьей кровати, усадила, стянула сапоги. Андрей рухнул на постель и уснул. Переволновался он сегодня, выпил изрядно. Олуй по крепости вино не уступит, а он кувшин трехлитровый, а то и поболее, осушил.

Проснулся под вечер с тяжелой головой. Только сел в постели, как Полина поднесла ему кружку рассола:

– Поправься.

Андрей выпил.

– Ты прямо как нянька за мной смотришь.

– Угодить хочу. Или не любо?

– Любо.

Андрей прошел на кухню, умылся.

– Я к себе домой пойду, неудобно.

– Как знаешь, ты мужчина.

Андрей оделся, обулся, откланялся и отправился домой. Ведь соседи видели, как он пришел – надо, чтобы видели, как ушел. Негоже бросать тень на девушку.

По пути зашел в знакомую харчевню по соседству. Хозяин, увидев его, выскочил навстречу:

– Кого я вижу, сам Андрей! Ну, герой, невольников освободил! А главное – с вредной бабкой разобрался, слово свое сдержал. Заходи, будь так добр, я сегодня дорогого гостя угощаю! Садись, заказывай, что хочешь!

– Мне бы пирогов рыбных с собой да крынку молока.

– Скромно.

– Мне с собой, я сыт.

– Как угодно.

Андрею положили в кузовок рыбных пирогов, завернутых в чистую тряпицу, и небольшую крынку молока. Он поблагодарил и направился домой. Пироги взял себе на утро, а молоко – домовому.

Как только вошел, поставил крынку в угол. Туда же на глиняной

плошке положил кусок пирога. Сам улегся спать, поскольку уже начало темнеть. Свечи в избе хоть и были, однако зажечь их было нечем. Правда, имелись трут и кремень для розжига, но к ним надо еще сушеный мох иметь или сухие лучины.

Сон не шел, и Андрей долго ворочался в постели. Для свадьбы надо согласие родителей невесты получить, а она сирота. Дальняя родня есть, но спрашивать их согласия Андрей не собирался. Живут они, по рассказам Полины, довольно далеко, его никогда не видели, и как проходит сам обряд, он не знал. Наверное, Полина сама знает, женщины в этих делах более сведущи.

Только начал засыпать, как почувствовал рядом присутствие домового. Открыл глаза – точно! Стоит рядом.

– Рад видеть тебя живым и свободным, хозяин.

– И тебе спасибо, подсказал вовремя.

– Не пей на свадьбе из кубка, что князь тебе подарил. Сегодня ночью боярин-казначей приходил к тебе, кубок ядом смазал.

– Как? – изумился Андрей, но домовый уже пропал.

Несколько дней прошло в суете. Женщины готовились к свадьбе: приводили в порядок избу, покупали новые наряды. Полина на время взяла кухарку, ибо Авдотья не справлялась. Гостей был целый список, и все со стороны Полины – Андрей в городе друзьями по-прежнему не обзавелся.

Он все время ловил себя на мысли, что все происходящее вокруг него – как сон. То он исправник, то разбойник, а сейчас вот дело к женитьбе идет.

Полина на могилы к родителям сходила, попросила разрешения и благословления, а вечером подружки с песнями повели ее в баню.

Андрею же полагалось в мужской компании окончание холостой жизни отметить – на своего рода мальчишнике. Вот только с кем? Абы кого, едва знакомого, не позовешь. Так он и просидел сиднем в своем доме.

А утром завертелось. За ним приехала колымага, украшенная полевыми цветами, а за ней на телеге сидели скоморохи. Откуда Полина их только выискала? Целый оркестр! Они били в бубны, дудели в рожок, играли на жалейке, стучали ложками, играли на гудке – инструменте вроде скрипки с тремя струнами. Иногда ухал барабан. Шуму – на всю улицу! И скоморохов было-то всего шесть человек, а казалось – толпа футбольных фанатов празднует победу любимой команды.

Когда подъехали к дому невесты, там уже было полно по-праздничному наряженных гостей.

После обряда выкупа невесты все шумною толпою отправились в

церковь, на венчание. В небольшом храме было душно, само таинство длилось долго, и Андрей устал стоять. Однако терпел, потел.

Потом новобрачные и толпа гостей пошли к дому невесты. Он был больше, чем дом Андрея, и угощения для гостей решили делать там. У Андрея дом совсем пустой, за столом четверо едва уместятся.

Свадьба пела и плясала три дня. Все три дня молодые не пили – только ели. Андрей ел немного, но хотелось попробовать всего, и в итоге к исходу третьего дня, когда гости пришли «на пирожки», он на еду уже смотреть не мог.

Под конец Полина вынесла и торжественно предъявила гостям подарок князя. Все подержали кубок в руках, повосхищались.

– Выпей из кубка, – предложил один из гостей.

– Не могу, молодые на свадьбе не пьют, – отрезал Андрей и обратился к Полине: – Убери кубок, чтобы кто-нибудь из гостей не отпил из него.

За три дня непрерывных гостей, шума и объедаловки Андрей с Полиной очень устали. Целый день потом отдыхали, отсыпались. А у Авдотьи откуда только силы брались! Ей за плитой досталось тяжелее всех, так она еще и свадебные подарки сочла.

На пятый день встали рано.

– Вот что, Полина, пойдем, покажешь мне свои лавки. Посмотрим, чем торгуют и что надобно, да я в Коломну или в Москву отправлюсь за товаром. Мужчина должен деньги зарабатывать, семью содержать.

Сразу после завтрака они и отправились. Однако оказалось, что полки в лавках пусты, торговать нечем. Батюшка Полины, Ефим Пантелеевич, торговал всем понемногу: сукном, пуговицами, расческами, дешевыми женскими украшениями – да всего и не перечесть.

Посмотрев на все это, Андрей решил завезти товар и лавки разделить по ассортименту: в одной – ткани разные и все, что к ним надобно, вроде ниток, а в другой – всякая мелочь. Так ему казалось правильнее.

Полина спорить не стала.

Дома они собрали на столе все деньги, которые у них были. Кучка оказалась невелика. Одна золотая монета – дирхем, шесть серебряных и куча медях. На крупную партию товара не хватит.

Андрей оставил немного меди на жизнь женщинам, а остальные сгрел в кошель.

– Завтра же отправляюсь.

Почему-то сразу вспомнился Глеб. У него ведь лодка есть. Мачты, правда, на ней нет, как и паруса, но это можно исправить.

Вечером он собрался, утром после завтрака обнял Полину, поцеловал и

вышел со двора. Дорогу к избе Глеба он помнил и к полудню уже добрался.

Бывший разбойник, как увидел его, ахнул:

– Ты что, Кудеяр! Или жизнь не задалась?

– Наоборот. Женился я – на купеческой дочке. Правда, сирота она. Теперь деньги нужны.

– Опять грабить-разбойничать пойдем?

– Ты меня не так понял, Глеб. С разбоем покончено. Лодка твоя нужна и ты сам. В Коломну или Москву добраться хочу, товар купить. За труды, понятное дело, деньги тебе заплачу, как сговоримся.

– Я не против, только лодка без паруса. А на веслах против течения – руки собьешь.

– Ты же хвастал, что с деревом обращаться умеешь. Поставь мачту, парус приладь.

– Мачту я поставлю, а где материал на парус возьму? Парусины в деревне днем с огнем не сыщешь.

– Купи холстину. Она легче, на первое время сойдет. Правда, и крепости в ней меньше.

– Договорились. Я пойду дерево искать на мачту. Мне бы сосенку прямую...

– Тут я тебе не помощник.

Глеб вернулся часа через два, неся на плече ровный ствол сосны метра три длиной.

– Нашел. Сейчас ошкурю и ставить буду.

– Флаг тебе в руки.

– Ась?

– Занимайся, это я так, к слову.

К вечеру Глеб закончил работу.

– Деньги давай на веревки и холстину.

Андрей отсчитал медяки.

Утром Глеб купил пеньковые веревки и холст. Долго пыхтел, прилаживая холст к рее, потом разобрался с веревками, то бишь со шкотами. Сделал даже пробное плавание. Под слабым ветром лодка шла не хуже, чем на веслах.

В избу он заявился под вечер.

– Готово, даже опробовал.

– Видел я, – откликнулся Андрей. – Когда отплываем?

– Хоть завтра.

– Я печь затопил, вода в горшке согрелась, поди. Вари кашу и спать будем.

Спалось ему беспокойно. Не занимался торговлей Андрей, как бы не прогореть ему с тканями. «Буду торговаться до последнего», – решил он и с тем уснул.

Глава 7. Купеческий опыт

Подгоняемая попутным ветром, лодка быстро продвигалась вверх по Оке. Иногда, чтобы размяться, пассажиры садились за весла. Ели всухомятку – хлеб да сало. На лодке готовить негде, места мало, а на берегу во время ночевки – казан нужен, припасы съестные. Забыл о них Андрей: опыта речного, как, впрочем, и морского, плавания у него не было.

Вскоре, по расчетам, Коломна должна была появиться. По рассказам торговых людей, там, на берегу, ярмарка знатная. Поменьше, чем Нижегородская, но товаров со всей Руси вдосталь.

Они приблизились к повороту. Андрей сидел на рулевом весле, когда вдруг увидел – над водой стлался черный дым, который с каждой сотней метров становился все гуще.

– Беда какая-то впереди, – сказал Андрей.

– Нам-то что с того? На берегу что-то горит, – отозвался Глеб.

Действительность оказалась неожиданной – посредине реки горела ладья. Члены команды метались по судну, черпали воду из реки и заливали огонь. Жаровня ли опрокинулась или уголек попал на легковоспламеняющийся груз – непонятно. Парус на ладье был опущен наполовину, но течение было сильное, и ладью тащило к левому берегу.

Однако добраться ладье до берега было не суждено. Она начала наклоняться на борт, потом клюнула носом и ушла под воду, пустив из трюма воздушный пузырь. С борта ладьи в воду посыпались люди, замолотили руками. Увидев лодку, закричали:

– Ратуйте, люди добрые! Тонем!

Плывать умели немногие – даже из судовых команд. Считалось, что под водой обитают русалки и водяной и все равно утопят. Был такой предрассудок.

Андрей направил лодку к месту гибели ладьи. Она уже скрылась под водой, и над поверхностью виднелась только мачта. За нее цеплялись три человека, еще двое пытались доплыть до берега. Глеб что есть сил греб веслами.

Пока добирались до тонущих, под воду ушла мачта. Людей хватили за одежду и втаскивали в лодку. С них ручьем текла вода, люди были напуганы.

Когда все трое оказались в лодке, Андрей направил ее к берегу. Один из судовых команд еще держался на воде и медленно плыл. Второго уже

видно не было, только шапку несло течением.

Лодка ткнулась носом в берег.

– Все, молитесь богу – спаслись.

Спасшиеся, а также Глеб с Андреем выбрались на берег. Лодку веревкой привязали к дереву, чтобы не унесло. Спасенные снимали одежду и отжимали ее. От пережитого страха и волнения, а может, просто от холода они тряслись так, что даже зубы стучали.

– Глеб, костер разведи, пусть обогреются!

Глеб начал собирать сушняк. Набрав изрядно, ножом настрогал мелких щепочек и стал бить кремнем по кресалу. Костер разжег быстро – у Андрея так не получилось бы: опыта нет.

Спасенные тут же обступили костер и стали тянуть к огню руки.

– Что случилось-то? – спросил Андрей.

– Жаровня перевернулась – задела неосторожно. Упала на кувшин с конопляным маслом, и ладья вспыхнула мгновенно.

– Понятно. Откуда вы?

– Псковские. Он хозяин судна, Илья.

– Был хозяин, – поправил Илья. – Судна нет, и товаров тоже. – Он аж застонал от отчаяния. – Деньги у меня там были!

– Много?

– Изрядно. Я ведь с весны, почитай, домой не заходил. В Нижнем товары брал, а в Москве или Твери, Ярославле, Калязине продавал. Думал, к осени мошну набью, судно новое куплю.

– Сейчас-то что вез?

– Соль из Соль-Вычегодска. Товар ходовой.

– Только в воде растает быстро.

Купец опять схватился за голову:

– Товар по-любому пропал, деньги вот только жалко.

И вдруг Андрею пришла в голову мысль:

– Если я достану с судна деньги, какой приз получу?

Купец отреагировал сразу:

– Пятую часть.

– Четвертую и по рукам.

Торговались они долго. Купца достала фраза Андрея:

– Ежели я ничего не смогу достать, все твои деньги пропадут, а так – три четверти сохранишь.

Они ударили по рукам. Глеб и два матроса из команды с интересом следили за спором.

– Глеб, отвязывай лодку. Илья, внятно объясни, где на судне деньги.

– В трюме, в кормовой части небольшая перегородка. За ней сундучок и кошель кожаный.

– Понял.

Отплыли от берега. Андрей с напряжением всматривался в воду. Похоже, ладья легла на ровный киль, и верхушка мачты должна проглядываться под водой. До берега не так далеко, не фарватер, и глубины не должны быть большие.

Лодку все время сносило, и Глеб подгребал веслами. Андрей поглядывал на берег. Когда спасали тонущих, напротив них, на берегу стояла одинокая ива.

– Стой! Бросаем якорь!

Вместо якоря на носу лежал камень, обвязанный веревками. Его сбросили, зафиксировав лодку.

Андрей разделся догола.

– Водяного не боишься? – спросил Глеб. – Я бы сроду не полез в воду.

Андрей не ответил и прыгнул в воду. Слава богу, до цивилизации с ее стоками еще далеко, и вода была чистой. Однако теплой ее назвать было нельзя, бодрила.

Андрей ухватился за веревку от якоря и, перебирая руками, пошел в глубину.

С местом они угадали, камень с лодки лег в паре метров от корпуса лежащего на дне судна.

Поднятая судном взвесь уже осела, и видимость была неплохая, метров пять.

Андрей оттолкнулся от веревки и подплыл к палубе.

Лодка лежала с небольшим, градусов десять, креном на левый борт. На корме доски палубы были черные, обожжены, вместо люка – черная дыра: то ли выгорел, то ли сорвало его.

Андрей вплыл в люк. А вот здесь уже было темно. Руки его наткнулись на мешки с солью. К корме не подобраться, надо мешки с солью выбрасывать на палубу или переносить внутри трюма к носу.

Воздуха стало не хватать. Он всплыл и жадно вдохнул открытым ртом.

– Ну, что там?

– Судно на дне, а рядом русалки плавают, ласковыми голосами завлекают, – пошутил Андрей.

– Ну их к черту, эти деньги! Жили ведь мы без них! Вылезай.

– Не получится – вылезу. Полдня еще впереди.

Андрей набрал в легкие воздуха и снова нырнул. По веревке добрался быстро – глубина семь-восемь. Маску бы ему и ласты – было бы

сподручнее.

Он успел приподнять и протолкнуть вперед, к носу, пару мешков – потом пришлось всплывать. Отдышался – и снова вниз, к лодье.

Он нырял раз за разом, освобождая кормовую часть трюма. Благо груз находился в воде, и поднимать его было легче, на суше такой мешок тянул бы килограммов на семьдесят, как не более.

За пять ныряний Андрей освободил узкий проход. Потом всплыл, отдышался. Согреться бы еще, но это позже. Снова нырнул и пролез по проходу из мешков к самой корме. Вот и перегородка. Почти на ощупь он открыл ее, запустил руку. Пальцы наткнулись на кожаный мешок. Удача! Он ухватил его за завязки, выбрался из трюма и, оттолкнувшись от палубы, направил свое тело вверх. От нехватки воздуха звенело в ушах.

С плеском и шумом Андрей выскочил из воды и заорал. Глеб испугался и стал бить по воде веслом рядом с Андреем.

– Ты чего? Ноги мне отшибешь!

– А чего орешь? Я думал – водяной за тобой гонится!

Одной рукой уцепившись за борт лодки, другой рукой Андрей забросил в лодку кожаный мешочек, звякнувший металлом.

– Никак удалось?!

– Сейчас еще нырну, отдышусь только.

– И все же ты везунчик, Кудеяр! Скажи кому – не поверят.

– А ты не говори. – И Андрей нырнул снова.

В корме, в тайнике он нащупал сундучок, обхватил его рукой и подался назад. Однако протиснуться ему не удалось, сундучок мешал.

Андрей нащупал металлическую скобу-рукоять сверху, протиснулся сам и попытался протащить за собой сундучок. Получилось, но на дальнейшее сил уже не хватало, надо было вдохнуть воздуха. Он оставил сундучок на палубе и вынырнул на поверхность.

– Что, не получилось? – разочарованно спросил Глеб.

– Москва не сразу строилась! Думаешь, под водой легко, если дышать нечем?

– Ага! И страшно, аж жуть!

Андрея уже колотило от холода, зубы клацали, как у голодного волка. Он снова нырнул, ухватился за ручку сундучка и попробовал всплыть. Однако не тут-то было. Сундучок был тяжелым, не давал всплыть и, как гиря, тянул Андрея вниз. Вновь оставив бесплодные пока попытки, он всплыл, отплевываясь.

– Глеб, у нас веревка есть?

– Откуда ей взяться?

– Тогда нож давай.

Глеб подал ему нож. Андрей зажал его в зубах и опять нырнул. У камня-якоря отрезал веревку, вновь зажал нож в зубах, подобрался к сундучку и завязал конец веревки на его ручке. Все, надо всплывать, перед глазами уже пошли красные круги.

Он вынырнул из воды рядом с лодкой и бросил нож на дно.

– Помоги влезть! – вконец обессилев, попросил он Глеба.

Глеб за руки втянул Андрея в лодку и оглядел его.

– Не удалось?

– Тяни веревку, только осторожно.

Андрея трясло от холода.

Глеб начал выбирать веревку.

– Что-то тяжелое!

– Поаккуратнее.

Из воды показалась ручка и крышка сундучка.

– Веревку не отпускай!

Андрей оперся на борт, подтянул сундучок и перевалил его в лодку.

– Уф, подняли! Теперь гребите к берегу.

Андрей стал одеваться.

– Кудеяр, а может – ну их, этих псковских? Деньги у нас в лодке, они на берегу. Поднимем парус – только нас и видели.

– Нельзя, договор, он дороже денег.

В глазах Глеба явно читалось разочарование.

– Глеб, у тебя изба, лодка, ты в приличной одежде – что тебе еще надо? Живи, как человек!

– Да это я так, к слову. На деньги соблазнился, больно кошелек тяжел.

Андрей правил лодку к берегу – там возле костра в нетерпении подпрыгивал псковский купец. Лодка еще не подошла к берегу, а он уже закричал:

– Ну, как? Удалось достать?

– Все в порядке, получилось! – успокоил его Андрей.

На радостях купец пустился в пляс, выделывая такие коленца, каких Андрей еще не видел.

Лодка ткнулась носом в берег.

– Держи конец, вяжи! – Глеб бросил ему веревку.

Первым на берег сошел Глеб, за ним – Андрей. В одной руке он держал сундучок, другой за горловину – мешочек.

– О брат! Ты не только наши жизни спас, но и наши деньги! Я снова смогу продолжить дело!

От избытка чувств Илья обнял Андрея и едва не расплакался.

– Я тебе до гроба обязан – и семья моя тоже. Будешь во Пскове – заходи, дорогим гостем будешь.

Андрея же трясло от холода, и как только Илья разжал объятия, он подошел к костру, протянул к огню руки, потом повернулся спиной.

Глеб достал из лодки узелок с хлебом и салом и поделил на всех поровну. Каждому досталось совсем понемногу.

Между тем солнце уже клонилось к закату, наступал вечер.

– Придется ночевать здесь, – сказал Илья. – До Коломны недалеко, однако же в темноте плыть рискованно.

– Переночуем, не к спеху, – ответил Андрей. – Пусть люди твои, пока еще светло, дров соберут для костра, а с утра – в путь. Лодка пустая, заберем всех.

Они еще посидели у костра, поговорили о ценах. Илья, побывавший на нескольких ярмарках и во многих городах, рассказал Андрею, где какие товары выгоднее купить, а где и какие – продать.

– Илья, – напомнил ему Андрей, – я свою часть договора выполнил, а ты свою – пока нет. Делись!

– Темно уже, – возразил Илья, – к чему спешка? Завтра утром и поделим.

– Утром так утром, – зевнул Андрей. Устал он сегодня, продрог. Выбрав место поближе к костру, он нарвал травы, уложил ее поудобнее и улегся. От воды тянуло сыростью, и Андрея знобило. Пригревшись, он уснул.

Проснулся внезапно от какого-то движения и всплеска воды. Открыв глаза, увидел, что псковские купцы стоят на берегу у самого уреза воды, Глеба же нигде не было видно.

Осторожно вытащив из кармана пистолет, Андрей снял его с предохранителя. На щелчок обернулись все трое.

– Кидайтесь на него, бейте! – приказал Илья.

Матросы стали обходить костер с обеих сторон, держа в руках тяжелые сучковатые палки.

Выбора у Андрея не было. Он вскинул пистолет и выстрелил сначала в одного, а потом перенес ствол на другого и снова нажал на спуск. Два тела рухнули едва ли не в костер.

От грохота выстрелов и вспышек Илья застыл на месте. Он думал, что втроем они легко справятся с Андреем, но просчитался.

Андрея же душила злоба. Вот и делай после этого добро людям. Из воды их вытащили, жизнь спасли, деньги вернули! Знал бы наперед, что

они так поступят, – пальцем бы не шевельнул, пусть тонут. Какие они после такого коварства люди? Видно, денег купцу жалко стало, потому и решил он и Глеба, и его, Андрея, убить. А что, удобно: никаких свидетелей нет, да и лодка ему достанется – до Коломны добраться.

Андрей шагнул вперед, навстречу купцу:

– Денег жалко стало, паскуда? Где Глеб?

– Не убивай! – упал перед ним на колени Илья. – Христом-богом прошу – прости!

– Жалко денег стало, потом себя, да? А Глеба ты пожалел? Где он?

– Убили и в воду столкнули, – промямлил Илья.

– И мне ту же участь уготовили? Мразь! А еще в гости звал! Где деньги?

– В лодке. Все заberi, только не убивай. – Купец на коленях пополз к Андрею, остановившись, протянул к нему руки.

Мерзавец! Андрей поднял пистолет и выстрелил ему в голову. Купец дернулся, как от удара, и завалился на спину. Кому верить, если спасенные тобой люди тебя же и предали? Такого коварства, такой измены Андрей не ожидал и простить не мог.

Глеба жалко. Только его на правильный путь Андрей наставил – и вот тебе! А теперь он один на берегу, и рядом – три трупа.

Андрей подтащил к воде тело купца и столкнул его с берега. Так же поступил и с двумя его спутниками. Надо было бы камни на шею им привязать, чтобы не всплыли. Утонуло их судно – и они с ним! Только браться за них было противно. Ходили меж купцов разговоры, что новгородские и псковские ушкуйники не прочь сами грабежом заняться, ежели свидетелей нет и жертва заведомо слабее. Не очень верил в эти разговоры Андрей, а они правдой оказались.

Так он и просидел до утра у костра в тяжких раздумьях.

Утром сделалось совсем прохладно, над водой появился легкий туман. Андрею стало сыро и зябко. Он попрыгал у костра – стало теплее. Когда поднялось солнце, туман исчез, и заметно потеплело.

Андрей подошел к лодке и увидел сундучок и кошель. Хозяин на дне, а деньги – вот они! Он решил их посчитать: надо же знать, за что рисковал, ныряя к затонувшей лодье, и ради чего Илья на кровопролитие решился.

Он снял рубаху, разостлал ее на земле и высыпал на нее деньги из мешочка. Ох и много! И серебро, и золото, причем из разных стран: далеры, дирхемы, новгородки. Медяхи тоже были, но немного.

Он разложил деньги отдельными кучками – серебро, золото, медь. Получилось семьдесят монет серебром, двадцать две монеты золотые и

всего восемь медных. Да на такие деньги не то что деревню – село купить можно! Неужели торговля такую прибыль дает?

Удивился Андрей, монеты в мешочек собрал. Вытащил из лодки сундучок. Вроде был он небольшим: в локоть длиной да чуть поболее ладони в ширину и высоту. Однако крышку открыть ему не удалось – замочек врезной. А ключ наверняка у Ильи на шее висит.

Церемониться Андрей не стал, просунул в щель между корпусом и крышкой нож и поднажал на рукоятку. Что-то хрустнуло, и крышка приподнялась. Андрей откинул ее и остолбенел – сундучок был полон ювелирных украшений.

Он взял в руку один из перстней. Перстень был крупным, явно на мужской палец, и ношенный – на нем были видны царапины и потертости. Новые изделия не так выглядят. Андрея вдруг пронзила догадка: ох, не только торговлей Илья промышлял. Наверняка на стоянках на купцов или странствующих нападал – с них снято это золото.

Хотел он сначала сундучок с золотом в реку отправить, вслед за хозяином, и уже поднял было, да одумался. Убитым людям этим не поможешь, а ему надо в Коломну плыть, за товаром. Только если с лодкой и парусом он один управится, то кто и как товар погрузит? В лодке и так места мало, а если он его еще и займет частично товаром, от рулевого весла к парусу тогда не подберешься.

Андрей швырнул в лодку мешочек с деньгами, перенес сундучок. Отвязав швартов, оттолкнулся веслом. Развернув лодку против течения, поставил парус и уселся за рулевое весло.

Тихо журчала вода за бортом.

Незаметно Андрей углубился в раздумья. Наверное, он сам виноват в происшедшей трагедии. Спасать тонущих надо было, а вот на деньги он позарился зря. Не поднял бы деньги с затонувшего судна – Глеб был бы жив, как и трое псковичей. Его собственная алчность привела к смерти Глеба, он виноват. Не сказать, что они дружили, но он искренне привязался к этому бесхитростному парню.

Андрей корил себя почти до Коломны. А когда на берегу показалась ярмарка, он пристал к берегу. Зачем он туда направляется, Андрей и сам не знал. Ведь он сейчас богатый человек, ему и Полине этих денег не на один год безбедной жизни хватит.

Однако природная прагматичность взяла верх. Деньги, сколько бы их ни было, всегда имеют свойство когда-нибудь заканчиваться. А ведь у Полины две лавки, в них люди работают, и им свои семьи кормить надо.

Он колебался четверть часа, но потом махнул рукой. Уж коли он

здесь, не возвращаться же пустым? И во-первых, надо продать лодку. Мала она, товаров много не возьмешь. Надо снять амбар, свезти туда купленный товар, нанять судно и все спокойно доставить в Переяславль. Правда, с его деньгами можно и само судно купить, но тогда придется нанимать команду. А вдруг головорезы попадутся – вроде этих псковских?

Лодку удалось продать сразу. Он не торговался, сколько предложили – за столько и отдал. Продал из-за малой грузоподъемности, а еще из-за того, что она постоянно напоминала ему о Глебе и о его собственной жадности. А признавать свои ошибки, имея перед глазами постоянное напоминание о них, не каждому понравится. Слаб человек, соблазнам подвержен, и Андрей не исключение.

Прошел на постоялый двор, снял комнату, поел сытно в харчевне. А тут и вечер не заставил себя ждать.

Полночи Андрея мучили кошмары. То Глеб снился, то Илья, ползущий к нему на коленях, и утром он проснулся с тяжелой головой.

С утра после завтрака он отправился на ярмарку. Для начала взял в аренду амбар для товара. Прошелся по рядам. Теснота, толкучка, крики зазывал и вездесущая пыль.

Он вспомнил, что говорил ему Илья о ценах, и в первый же день купил два десятка рулонов разного сукна, в основном – немецкого, хорошего качества. Затем – три десятка мешков с солью. Товар ходовой, добывают ее на Севере, в Соль-Вычегодске. И чем дальше ее везут, тем выше цена.

На второй день он удачно купил оптом металлические шведские изделия, привезенные новгородцами, – замки, дверные петли, ножи. Позарился на персидский бархат и шелк из Синда. Кошель с деньгами стремительно худел.

Третьим днем он занялся мелочью – пуговицами, застежками для плащей, дешевой женской бижутерией. Не устоял и купил два бронзовых полированных зеркала. Стекланных на Русь еще не привозили, а посмотреть на себя хоть иногда хотелось. Он не мог забыть бритье бороды перед уходом из города – все приходилось делать на ощупь.

На покупки Андрей тратил медь и серебро, причем серебро ценилось высоко – ведь своего на Руси не добывалось.

На четвертый день он уже прикинул на глазок объем товара. Пожалуй, трюм будет заполнен.

У причалов стояли пустые суда, и зазывалы предлагали отвезти товар в любое место – от Новгорода до Нижнего.

Доставить груз в Переяславль согласились с охотой. Вниз по течению даже без ветра пройти можно было быстро, на берегах враждебных племен

нет, кои на другом берегу Волги в районе Нижнего, где чуваша и мордва периодически нападали. А на Хлынов идти и вовсе желающих мало было, учитывая, что воинствующую Казань не миновать.

Андрей сговорился с хозяином, что судовая команда погрузит товар и доставит его самого пассажиром – с пропитанием; выгрузит же в Переяславле. Цену хозяин взял немалую – алтын, но все исполнил добросовестно.

Через четыре дня плавания ушкой пристал к городскому причалу.

Привезенный товар едва влез в обе лавки, забив их до потолка.

Глядя на огромную груду товара и мысленно прикидывая его стоимость, Полина просто ахнула:

– Ты что, ограбил кого-то? Да у нас денег на все не хватило бы!

– А их и не хватило, – согласился Андрей, – просто случай подвернулся. Судно на моих глазах утонуло. Я полдня нырял, а деньги достал.

Он не сказал всей правды – да и стоило ли?

День после возвращения он отдыхал – заслужил. Отъедался и отсыпался, наслаждаясь домашним уютом. Потом отправился в одну из лавок. Там, среди другого товара, в отдельном мешке лежали бронзовые зеркала.

Товар в обеих лавках ощутимо уменьшался. Андрей поинтересовался, что лучше продается, а что не интересует покупателей. Хочешь – не хочешь, а скоро в новый поход идти надо. Плохо, что нет верного друга и товарища – даже просто помощника, да и о своем судне поразмыслить надо. Ежели на каждом рейсе по серебряной монете терять, прибыль меньше, а судно вроде ладья или ушка за год себя окупит. Конечно, зимой на нем ходить некуда, о санном обозе побеспокоиться надо. Если дело не развивать, прибыль будет мала, едва на жизнь хватит, да и конкуренты задавят. А одному – не разорваться: и за товаром ходить надо, и о развитии думать. Зима не за горами, конюшня нужна, лошади, сани, ездовые. А места во дворе у Полины мало. Голова кругом идет, никогда не думал, что занятие торговлей столь хлопотно.

Тесен был Переяславль, поместившийся в междуречье рек Трубеж и Лыбедь. Строился на холме – так удобнее было защищаться от набегов многочисленных врагов. Крымские ли татары, ордынцы ли шли на Русь – а все пути вели через земли рязанские. К тому же по берегу Лыбеди пересекались дороги из Москвы, Владимира, Пронска. В центре города, ближе к северной стороне – кремль, на остальной территории – слободки: Владычная, самая небольшая, в шестьдесят три двора для причта. Ямская,

Чернопосадская, Затинная, Выползова. Под восточной стороной – Торговый посад, под западной – причалы и Рыбацкая слобода. В центре кремля – Успенский собор, усыпальница рязанских князей; в Архангельском соборе – усыпальница рязанских архиереев. За Рязанскими воротами, что на юг ведут, – Скорбящее кладбище. Ипатские ворота на восток ведут, возле Духовского монастыря. А в центре северной стены – Тайницкая башня и ворота к дороге на Москву. Тайницкая – потому что тайный подземный ход шел от нее к реке Трубеж для снабжения города водой при осаде. Застроен город, тесно стоят дома, и выбрать место для конюшни и каретного сарая не просто.

После некоторых раздумий Андрей решил задействовать свой дом и участок при нем. Но сейчас, пока еще осень не настала с ее дождями и непроезжими дорогами, надо использовать водные пути. Судно может взять на борт товара больше, чем санный поезд. Одна лошадь, впряженная в сани, могла увезти 200–300 килограммов груза, а та же ладья – до двенадцати тонн. Опять же экономия на возчиках, кормежке для лошадей. Река сама судно несет, а лошади овес подавай, сено – Андрей быстро научился считать расходы и выгоду.

Он сходил в Борисоглебский собор, поставил свечи святым за успешный поход в Коломну, заказал молебен за упокой души убиенного раба божьего Глеба, пожертвовал золотой дирхем собору. Андрей отмяк душой в намоленном храме – все-таки много крови на нем. Вроде не злодей, в свою защиту действовал, а за коломенский поход троих жизни лишил. Тяжкий груз на душе, и с Полиной не поделишься – ей-то зачем его тяготы и переживания? Жену ограждать от них надо.

Хорошо еще, что шесть лет назад, в 1447 году, Рязанский князь Иван Федорович подписал с литовским князем Василием договор. Теперь рязанцам без чинимых обид можно было по рекам Литовского княжества плавать, по дорогам ездить, торговать.

Вечером Полина сказала Андрею:

– Ты знаешь, соль в лавке почти всю разобрали.

– Да? – удивился Андрей. – Не может быть, я тридцать мешков брал!

– Сегодня ключник боярина Замятина последние два мешка забрал.

– К чему бы это?

– Осень на носу, рыбу солить надо, грибы, капусту квасить. Везде соль нужна.

Об этом Андрей как-то не подумал, а все из-за нехватки опыта. В своем времени он солью пользовался постоянно, но всплесков потребления не замечал. Владелец дач летом покупали сахар мешками для

изготовления компотов и варенья – но соль? Он подсадовал на себя. В принципе – конец августа, до холодов и ледостава на реках время еще есть, и вполне можно обернуться, ежели за солью сходить. И дешевле ее брать в Соль-Вычегодске, а не в Коломне, только судно нужно.

– Ладно, давай спать ложиться.

Они поласкались, побаловались немного перед сном – дело молодое. Полина вкус плотских утех поняла и оказалась довольно страстной.

Андрею показалось, что он только смежил веки, а уже Полина его будит:

– Андрей, просыпайся, беда!

От этих слов сон как рукой сняло. Он вскочил.

– А что случилось?

Но красный свет, мерцающий через слюдяное окошко в спальне, и крики, которые он услышал, натолкнули его на догадку. Полина подтвердила:

– Пожар!

– Мы горим?

– Соседи!

Пожар в городе, где почти все строения деревянные, а дома стоят тесно – вещь страшная. Вся улица выгореть может, а то и полгорода – были уже прецеденты.

Андрей мгновенно оделся – как в армии по тревоге – и выбежал на крыльцо.

Горела изба на другой стороне улицы. Туда уже сбегался народ, слышались заполошные крики.

Андрей наполнил из колодца деревянную бадью и побежал к горящей избе. Половина ее уже полыхала вовсю. Он плеснул на горящие бревна водой. Как слону дробина! Верхние бревна горели жарко, сейчас бы их из брандспойта полить, а то загорится крыша – не потушить! А вокруг суета, люди мечутся бестолково.

– Встали в цепочку! Двоим мужикам у колодца доставать воду! – закричал Андрей.

Как ни странно, его расслышали в этом шуме. Мужики и бабы встали в цепочку и стали передавать друг другу бадьи с водой. Андрей и еще один его сосед, Евграф, стали поливать стены.

И тут вдруг заголосила хозяйка:

– Ой, лишенько! Дитятко в избе осталось!

К материнской юбке жались трое детей мал мала меньше.

Андрей подскочил к женщине:

- Точно знаешь, что он в избе?
- Я уж весь двор обежала, думала – спрятался в сарае с перепугу.
- Как звать?
- Марфа.
- Да не тебя – ребенка!
- Данила.

Андрей подбежал к крыльцу:

- Евграф, облей водой!

Тот окатил его ледяной водой. Андрей накинуд на голову мешок, так кстати оказавшийся под ногами, и бросился к избе. Ударом ноги он распахнул дверь, и из сеней вырвалось пламя. Он заскочил в сени и тотчас отшатнулся – правая сторона была объята пламенем.

Он повернул налево. Там было полно дыма. Не видно ни зги, глаза слезятся, дышать нечем. Опустившись на четвереньки – внизу дыма меньше, – он пополз по полу. На ощупь нашел дверь, ведущую в комнату, распахнул ее.

- Данила!

Но в ответ – только треск горящих досок и бревен.

- Данила, отзовись!

Перебрался в другую комнату.

- Данила, ты где?

И в этот момент он услышал всхлипывание. Задыхаясь в дыму, Андрей начал шарить перед собой руками. Ребенок плакал совсем рядом, но он не мог понять где.

- Данила, вылазь быстрее! Изба горит, выбираться надо!

Рядом с ним стукнула крышка сундука.

- Тут я!

Наконец-то! Испугавшись суеты, криков и дыма, ребенок забрался в сундук.

Андрей подхватил его на руки. Но надо еще как-то через огонь и двери прорваться! Оконца маленькие, через них не выбраться. Он нащупал в сундуке какую-то верхнюю одежду – тулуп или охабень, накинуд на себя и ребенка и шагнул за дверь. Но даже через накинудую одежду за ней чувствовался жар.

Андрей сделал шаг вперед и вправо – в его понимании, там должен быть выход. Но впереди была горящая стена.

Внезапно он услышал крик – кричал Евграф.

- Андрюха, влево шаг и вперед!

Он сделал шаг влево и почувствовал, как в лицо ему ударила упругая

ледяная волна: это в него, сбивая занявшийся на одежде огонь, плеснули водой из бадьи.

Он шагнул вперед, споткнулся и покатился с крыльца, оберегая руками ребенка. Его тут же подхватили, скинули охабень.

– Данила, – кинулась к ним мать. Подхватив ребенка, он сначала принялась его целовать, а потом вдруг нашла попу.

Андрей отошел в сторону и сел на землю. В груди саднило, начался сухой кашель. Глаза слезились, как будто в них насыпали перца.

Он подошел в колодцу, умылся, потом поднял голову и огляделся. Вокруг него бегали люди, а на избе уже всю горела крыша.

– Бросайте дом, его не отстоять! Поливайте сарай, амбар и забор, не то пламя на них перекинется – и тогда быть большой беде.

Люди послушались. Они стали обливать деревянные строения вокруг избы. Доски и бревна уже нагрелись, и вылитая на них вода уходила паром.

Поливали едва не до утра. Изба сгорела, рухнула, но огонь дальше не пошел.

Андрей пришел домой в обгоревшей местами одежде, чумазый от копоти, пропахший дымом и с покрасневшими глазами.

– Сгорела изба, да уцелели все. От печи огонь занялся.

– Слава богу, что огонь дальше не пошел. Я так переживала! Снимай одежду, мойся – я солью.

Вода из колодца показалась Андрею очень холодной. Лето еще не кончилось, а вода ледяная. Чудно! Правая рука у него побаливала – ушиб, видно, при падении. Глаза слипались – ночь не спал.

– Авдотья, баню затопи, хозяин грязный.

И в самом деле, вода с Андрея стекала черная. Ему было, конечно, не до парной: едва вода в котле слегка нагрелась, он пошел в баню.

– Одежду выбросить надо, прогорела. Опять убыток, – вздохнула Полина.

Раздевшись сама, она вымыла мужа мочалкой, ополоснула теплой водой. Усталость как рукой сняло. Андрей взбодрился, опрокинул Полину на мокрую лавку.

– Да что же ты, похабник!

Однако сама постанывала от удовольствия.

Они обмылись еще раз. Андрей вытерся, натянул чистую рубаху и порты.

На пороге возникла Авдотья.

– Андрей, к тебе пришли. Я сказала, что ты в бане, но они сказали, что подождут.

– Да кто пришел-то?

– С виду – рыбаки.

Андрей удивился: с рыбаками он допрежь дела не имел, но виду не подал. Он обулся, опоясался и сам вышел к воротам.

Там стояли двое. Одеты они были чисто, но рыбой от них пахло за версту. Въедается запах, коли всю жизнь одним делом занимаешься.

– Прощения прошу, что ждать заставил, – извинился Андрей. – В бане был после пожара.

– Видим уже.

Изба напротив сгорела, но пепелище еще курилось сизым дымком.

– Проходите в избу, – пригласил Андрей рыбаков, – на улице какой разговор.

Они прошли в избу. Рыбаки перекрестились на иконы в красном углу. Вошла Авдотья, держа в руках кружки с квасом, – как заведено. В боярских домах гостей сбитнем угощают, да не боярин Андрей.

Незванные гости квас выпили, кружки опрокинули, Авдотье вернули.

– Садитесь.

Гости уселись на лавку. Поговорили о погоде, о видах на урожай, о пожаре соседском. Андрей уже привык к местным обычаям – деловой разговор сразу не начинали.

– За солью к тебе пришли, Андрей.

– Так в лавке соль.

– Раскупили всю.

– Другие лавки есть.

– Нет в городе соли – так, по мелочам осталась.

Андрей почесал в затылке – мешок с солью он оставлял дома.

– Найду мешок.

– Благодарствуем. Но нам бы мешков полста.

Андрей мысленно охнул.

– За солью только собираюсь. Привезу – можете весь груз забрать. Заодним подскажите – где можно ладью или ушкуй купить?

Рыбаки переглянулись.

– Есть ушкуй на продажу, только не в городе.

– А где же?

– В Пронске. Это на Проню плыть надо.

– Тогда что же мы сидим?

Андрей вынес из амбара мешок соли. Тяжеленный, хоть в амбаре сухо, а влагой напитается – еще тяжелей станет.

Рыбаки расплатились, и один из них – тот, что постарше, помог

второму взвалить мешок на спину.

О, чуть не забыл! Андрей метнулся в избу, схватил кошель с деньгами:

– Полина, я в Пронск!

Та и ахнуть не успела, как Андрей уже выскочил за ворота и догнал рыбаков.

– У вас же лодки есть, почто сами за солью не сплаваете?

– Насчет лодок ты правильно заметил, но много ли на нее возмешь? От силы – четыре мешка. Даже до Коломны туда и назад самое малое – неделя, а кто семьи кормить будет?

Андрей устыдился. Мозги бы включил и сам мог догадаться.

Они дошли до Рыбацкой слободы. Там соль сразу разобрали, и Андрей сговорился насчет цены.

До Пронска день лодкой добираться, кружным путем. Лошадью ближе и скорее получилось бы, да где ж ее взять? Да и опыта верховой езды у него не было.

В дорогу рыбаки взяли вяленой и копченой рыбы. Запах – аж слюнки текут! Золотистая – ажно просвечивает, жирок капает.

Шли под парусом, добавляя хода веслами, и едва к вечеру до Пронска успели. Иначе закроют городские ворота – сиди тогда до утра.

Рыбаки сразу довели Андрея до хозяйской избы.

– Ага, продаю судно, – ответив на приветствие, подтвердил хозяин.

– А что так? Старая небось посудина?

Хозяин аж взвился:

– А ты ее, посудину-то эту, видел, чтобы хулить?

– Завтра посмотрим, сейчас-то темно.

– Ложитесь спать, места хватает.

И рыбаков, и Андрея уложили спать по лавкам. А едва встало солнце, как все отправились на причал.

Река Проня в этих местах неширокая, метров тридцать всего. Рыбаки поднялись на судно – смотрели борта, днище. Выбрались довольные.

– Изъянов нет! Крепкое судно, из тесаных досок, поплавает еще.

– Ладно, хозяин, сколько просишь?

О цене сговорились быстро. Хозяин отдавал судно за что покупал, а Андрей был просто не в курсе, сколько такое судно стоит.

Они составили купчую. Рыбаки видаками бы-ли, вместо подписи внизу купчей крестики поставили.

Хозяин получил деньги, вздохнул тяжело.

– Что кручинишься? Сам ведь продал, никто тебя не заставлял, – заметил Андрей.

– В долги попал. Судно на паях покупали, а пайщик помер. Вдова деньги требует.

– Сам-то как теперь жить будешь?

Бывший хозяин махнул рукой и отвернулся.

– погоди, я не из простого любопытства спрашиваю.

– Тебе-то что до чужой беды?

– Рулевым, кормчим хочу тебя на судно взять. И команду прежнюю бери. Ты-то с ними сработался, вы судно знаете.

Бывший хозяин посветлел лицом:

– Меня Георгием величают.

– Вот и познакомились. А меня Андреем.

– Жалованье какое положишь?

– Сколько просишь за себя и свою команду?

Тут уж Георгий задумался:

– Двадцать за седмицу на всех.

– Сговорились. Держи задаток, – Андрей отдал деньги.

– Только мне команду собрать надо, кто знает, где они? Мы уже две седмицы на берегу сидим, кто куда на заработки подался. Да и к вдове зайти надо, долг отдать.

– Я буду на судне ждать.

Георгий ушел.

– Так мы свой уговор выполнили, – приблизились к Андрею рыбаки. – Повезло тебе, парень. Георгий мужик серьезный, и ватажка у него добрая, под себя подбирал: ни пьяниц, ни лентяев у него нет.

– Спасибо за помощь!

– Про соль не забудь.

– Слово даю.

Андрей, пока не было Георгия, осмотрел судно. Назвать его настоящим кораблем он бы не решился. Длиной метров двенадцать, шириной три, об одной мачте с прямым парусом. Трюм для груза есть, но – никакого укрытия для команды. Понятно, по зиме плавать не будут, а случись непогода – дождь и ветер? Однако так плавали все.

Около полудня, когда Андрей уже захотел есть, появился первый член команды. За ним, с перерывами – другие. Часа через два последним пришел Георгий с узлом за плечами.

– Все свое с судна перед продажей забирал, теперь назад несущ. Отплываем?

– Пора.

Судовая ватажка насчитывала, кроме Георгия, трех человек. Георгий

представил их Андрею:

– Иван, Димитрий, Терентий. Четвертый еще был, жена сказала – в лес с охотником ушел. Да нам и так людей хватит. Мы провизию на дорогу где брать будем? Здесь, в Пронске, или в Переяславле?

– Давайте уже в Переяславле. Мне все равно домой надо – деньги взять, с супружницей попрощаться. А ты закупишься.

– Сейчас выходить уже поздно, скоро солнце сядет. Ушкуй не лодка, на реке отмели есть. Лето, вишь, жаркое, дождей мало, обмелела река.

– Тогда держи деньги, закупай, как всегда, – Андрей протянул Георгию десять медях.

– А куда пойдём?

– За солью, в Вычегодск.

– Тогда денег мало, еще столько же надо.

Андрей добавил.

Георгий скомандовал:

– Ватажка, за мной, пока торг не разошелся!

Команда быстро ушла.

Возвращались поодиночке, с грузом. Сначала Иван пришел, принес полмешка гречки и столько же пшенки. За ним – Димитрий с мешком сухарей. Потом появился Терентий, доставивший копченую рыбу и солонину. А уж потом – и сам Георгий с двумя небольшими мешочками.

– Здесь соль с перцем – без них какая еда? А тут – морковь и репа. Все, к отплытию готовы. Иван, ты у нас холостой – на судне останешься. Остальные – по домам, но чтобы утром на ушкуе быть. Андрей, пойдём ко мне, поешь по-человечески.

Жена Георгия, Гликерия, встретила Андрея, как дорогого гостя, обоих накормила куриной лапшой. И выпался Андрей на кровати, а не на лавке.

Утром, едва забрезжило, они напились сыта с хлебом и копченой пузаниной и отправились к причалу. Судовая ватажка была уже там. Не мешкая и отчалили.

Работали слаженно; Андрей аж залюбовался, как они ушкуй на реке разворачивали. Такая слаженность приходит только с годами совместной работы – все выполнялось без команд. Георгий лишь поглядывал на Андрея: как, мол, мы показали? Андрей похвалил. Ругать за дело принято, а хвалить – не всегда, хорошую работу как должное принимают. А ведь доброе слово и кошке приятно!

Двигались без остановок. Георгий и отмели наизусть знал, и перекааты, и безопасный фарватер. Андрей мысленно себя похвалил за удачный выбор ватажки. Повезло ему!

Вечером они уже швартовались у Переяславля.

– Утром отплываем! – предупредил Андрей.

Георгий лишь пожал плечами: Андрей теперь хозяин, ему и решать.

Полине Андрей сказал, что завтра уходит далеко и надолго. Она лишь кивнула: он мужчина и лучше знает, что делать.

Денег в кошельке оставалось мало, и Андрей достал несколько золотых изделий из заветного сундучка. Перед зимой, похоже, последняя ходка на судне, и потому надо товаров побольше взять.

Путь до Коломны они преодолели быстро, почти всю дорогу шли под парусом. Андрей сидел на палубе, любовался природой. Благодать, чем не речной круиз? Тепло, вода перед форштевнем кипит и пенится, зелень на берегах, солнце. Однако по ночам уже было прохладно, грелись у костра; а кто на палубе спал, кутались в накидки.

Оказалось, Георгий уже ходил в Вычегодск и путь знал.

По прибытии на место Андрей закупил сотню мешков соли. Ему все время приходилось в уме пересчитывать общий вес мешков, чтобы не перегрузить судно. Все продавалось на пуды, а он никак не мог привыкнуть к таким мерам веса и пересчитывал на тонны. Вроде в трюме место еще было, и он намеревался купить еще полсотни мешков, да Георгий остановил его:

– Ты не забыл, Андрей, реки обмелели? Полный трюм возьмем – не пройдем. Если по Оке проберемся кое-как, то до Переяславля не дойдем, придется на телеги перегружать.

– А сколько еще можно взять?

Георгий отошел от судна, посмотрел на осадку:

– Ну, мешков двадцать от силы.

Андрей так и сделал.

Не ошибся Георгий, на обратном пути в некоторых местах судно цеплялось днищем за отмели. Чуть бы груза было побольше – сели бы на дно. Попробуй тогда стащить!

Был, правда, вариант – найти лодки и перегрузить на них часть товара. Только где эти лодки найти? На фарватере попадались участки, где на пару часов хода ни лодок, ни судов не встречалось. А еще стала портиться погода. Начались мелкие, морозящие дожди, потом добавился ветер. Он дул в лоб, парус поставить было нельзя, и выручало одно – попутное течение.

Георгий приказал ватажке натянуть навес для защиты от дождя. Он до поры до времени спасал, но потом стал протекать.

На стоянках едва удавалось развести костер, чтобы обсушиться и еду в

котле сварить. Деревья были сырые, сушняка не найти. Дрова почти не горели, а лишь дымили, не давая жару. Ели полусварившуюся кашу и ощутимо мерзли, поскольку одежда была все время волглой. От сырости и холода по телу у некоторых пошли гнойники. Опоздай они с выходом на неделю, промедли – совсем бы туго пришлось.

К Переяславлю пришли в потемках. Устроились на причале, под бревенчатым навесом. Андрей сидел вместе со всеми – ведь городские ворота были уже закрыты.

Утром он сразу направился к рыбакам – обещал ведь полсотни мешков им продать, чтобы надолго хватило. Те еще на промысел выйти не успели и дружной толпой подошли к ушкую. Старейшина рыбацкий отсчитал Андрею деньги из общей казны, и рыбаки прямо с борта ушкуя стали перегружать мешки в свои лодки.

Попрощавшись с рыбаками, Андрей нанял возчиков с подводами и портовых амбалов. В порту соль на подводы грузила судовая ватажка, а с подвод в лавки – уже амбалы. До вечера ушкуй успели разгрузить полностью.

– Ловко ты управился! – похвалил Георгий. – Дальше какие указания будут?

– Для начала рассчитаемся. Сколько я ватажке должен?

– Четыре седмицы, ровно месяц ходили. По четыре медяхи за седмицу – это сколько же будет?

Георгий задумался. А Андрей уже деньги отсчитал. Чего тут думать, умножай и все. Однако здесь все считали только сложением или вычитанием.

– Вот что, Георгий. Вы мне пока не надобны, сам видишь – непогода. А впереди зима. Я вам за простой половину жалованья заплачу – за всю зиму. Когда лед сойдет?

– Когда как, может – в марте.

Андрей отсчитал за полгода деньги и отдал Георгию.

– Судно на зиму можно в Пронске куда-нибудь пристроить?

– Обязательно. В воде его оставлять нельзя, льдом раздавит. Судовой сарай у меня на берегу есть, туда и определим.

– Вот и отлично. По весне за аренду сарая и заплачу, тем более что к сезону судно готовить надо: смолить, может – еще что-нибудь.

– Это уж как водится. Не беспокойся, все за зиму сделаем, слово даю. А как лед сойдет – милости прошу, поплаваем.

– Тогда удачи!

Довольная своевременным расчетом, ватажка запрыгнула с причала на

ушкой и отчалила.

Андрей же пошел домой. Без малого сутки он уже в Переяславле, а дома еще не был, да есть хотелось, а также – согреться и помыться. А пуще того – с Полиной помиловаться.

Он доплелся до дома, а тут уж и банька готова, и на плите все скворчит.

– Как это ты угадала, что я сегодня приду? – удивился Андрей.

– Как в лавки соль возить стали, приказчики мальчишку послали – предупредить, что судно пришло.

Андрей хлопнул себя по лбу:

– Вот я дурачина-простофиля! Сам мог бы додуматься!

– На первый раз простительно. Пошли в баню. Или сначала кушать будешь?

– Сытым в баню? Ну нет, сначала помыться надо, отогреться, а вот потом есть и спать.

Едва он смыл с себя грязь, как накинулся на Полину. Снова обмылся, посидел в парной, пропарился. Надев чистое белье, прошел в трапезную, увидел накрытый стол и понял – Авдотья расстаралась.

Уха стерляжья, расстегаи с мясом, жареная курица, сладкие пирожки, каша с сухофруктами... Из питья – сбитень горячий, чему Андрей был очень рад – холодное пиво его сейчас не прельщало.

Он не спеша поел и зашел в спальню – рассказал Полине о плавании, о том, что успел продать рыбакам значительную часть груза.

– Продешевил ты, Андрей, – огорчилась Полина. – Надо было придержать соль до поздней осени, до распутицы – тогда все товары в цене поднимаются.

– Наверстаем, какие наши годы, – отмахнулся Андрей.

Однако уже в середине октября начались морозы, прошел первый снег. Реки у берегов стали покрываться тонким ледком. На судах выходить не рисковали, а на телеге или санях не проехать.

Андрей отоспался, отъелся, сходил в церковь – пожертвования сделал, свечи святым угодникам поставил... И стал всерьез подумывать о лошадях и конюшне – не сидеть же зимой сложа руки? Он нанял плотничью ватажку, купил строевого леса, и за пару недель во дворе его дома выросла конюшня. Но что делать дальше, он не знал. Купить сани и лошадей либо ездовых нанять? И для семьи выезд покупать надо – тарантас либо колымагу. Бояре на конях верхом ездили – статус! А купцы выезд имели. Андрей, правда, до сих пор пешком ходил. Однако не подобает такое солидному человеку, уважение со стороны окружающих быть должно. Идет

человек пешком, стало быть – голытьба, какое к нему уважение? Но вся беда в том, что сам он в лошадах не понимает ровным счетом ничего.

После некоторых раздумий он нашел ездовых – с этим проблемы не было. На торгу существовал «пяточок», где простолюдины предлагали свою трудовую силу – ездовые, кухарки, портомойки, каменщики. И хоть каменных домов в городе были единицы, однако печи были у всех, причем хорошего печника еще поискать надо.

Там Андрей и выбрал себе трех мужиков в годах – степенных, семейных. Эти работой дорожат, на них положиться можно. Жалованье положил, как уговорились, конюшню показал.

– А лошади где? – удивились ездовые.

– Покупать надо – как и телеги со сбруей.

– Овес еще надобен, сено – зима впереди.

– Так, назначаю тебя старшим конюхом, – ткнул пальцем в грудь одному из конюхов, Михаилу, Андрей. – Жалованье тебе вдвое против уговора. Идем на торг – лошадей покупать, телеги, сани, а мне – колымагу на выезд. Ну и само собой разумеется – сбрую и все такое-прочее.

Михаил, услышав о прибавке жалованья, расцвел. Пробавляясь до того разовыми заработками, он был рад, что получил постоянную, да еще и высокооплачиваемую работу. И как показало время, Андрей в выборе не ошибся.

Два дня они провели на торгу, выбирая лошадей; водили их к кузнецу для перековки, покупали сбрую и телеги. Ездовые лошадей осматривали тщательно, заглядывали им в рот, щупали – самим же ездить. Взяли двух кобыл-двухлеток и трехлетнего мерина, погрузили купленные сани на телеги и таким образом довели до конюшни. Андрей дал денег, и еще два дня Михаил с ездовыми закупали и свозили на конюшню и в амбар овес и сено.

Когда все дела были решены, Андрей распорядился запрячь мерина в тарантас. Михаил забрался на облучок, Андрей – на сиденье, и они подъехали к дому Полины.

– Собирайся, супружница, выезд у нас! Прокачу, пусть соседи завидуют!

Он посадил Полину и сам уселся рядом. Тарантас был рассчитан – кроме ездового – только на двоих седоков. Они не спеша проехали по улицам, особенно по Торговому посаду и Владычной слободке. Оба раскланивались со знакомыми – пусть видят, что семейство Кижеватовых не лыком шито.

Михаил, сидя на облучке, покрикивал грозно на прохожих и щелкал

кнутом:

– Посторонись, зашибу!

И ладно бы кричал, если бы они мчались, а то ведь не быстрее пешехода ехали. Но ему себя тоже показать надо, не брюкву на телеге везет – у купца служит.

Потешив тщеславие жены, да и – что кривить душой – свое тоже, они доехали до дома, убив на поездку часа три с хвостиком. Уже во дворе Полина обняла Андрея:

– Какой ты у меня молодец! У нас теперь выезд собственный есть!

– И две телеги для товаров, а еще – конюшня. Снег ляжет – снова за товаром поеду, соль-то продали уже.

– Какая сейчас поездка – слякоть и дороги непроезжие. Отдыхай, заслужил.

Отдыхать, конечно, хорошо, слов нет, но денег было мало. Заработал на соли – так конюшню построил, лошадей и телеги с санями купил. Сукно да ткани до сих пор продаются, деньги приказчики из лавок ежедневно сдают, но денежный ручеек скудеет.

Вообще деньги на Рязани – разговор особый, путаница с ними для купцов и ремесленников. Денег ходило великое множество. Изначально Рязанское княжество пользовалось монетами золотоордынскими, поскольку Орда рядом была и свои деньги имела – в отличие от многих русских княжеств, где пользовались гривнами. Затем, с соизволения ханского, на их дирхемах стали набивать русские буквы. А с правления Ивана Федоровича стали чеканить свою деньгу, рязанскую, где все честь по чести: титул Великого князя, имя-отчество правителя. Диаметр такая деньга имела около пятнадцати миллиметров и весила 1,25–1,3 грамма; надпись имела – деньга рязанская. А были еще полуденьга, алтын, рубль и полтина. Рубль – слиток серебряный – был равен двумстам московским деньгам, полтина – половина рубля. Две рязанские деньги шли за три московские или четыре тверские. Пять денег составляли алтын.

На торгу брали деньги любые: рязанские, московские, новгородские, любых стран – исходя из веса. И каждый купец имел с собой маленькие весы – вроде аптекарских. Притом тысяча отличных беличьих шкурок стоила пять рублей, курица – четверть деньги, соль – 200 денег за рогожу (от 4 до 10 пудов). За работу ремесленнику платили за неделю от двух до семи денег – в зависимости от квалификации. Сложна была система пересчета, но торговый люд привык и зачастую имел весовые таблицы, по которым можно было быстро пересчитать деньги разных княжеств или стран.

Когда Андрей задумался о деньгах, выход неожиданно подсказала Полина:

– У тебя же в сундучке ценности золотые и серебряные.

– Ну? – не понял Андрей.

– Снеси их мастерам-чеканщикам, за мзду малую они у тебя золото-серебро примут и по весу монетами вернут.

– Неужели правда? – удивился Андрей.

– Не знал? – засмеялась Полина.

Андрей так и сделал. Он взял для пробы несколько золотых колец и серебряных подвесок и следующим днем отправился к мастерам-чеканщикам. Удивился еще – попробуй на Монетный двор пройти! А оказалось – просто.

Он отдал ценности, их тщательно взвесили, вычли стоимость работы и тут же выдали готовые монеты – серебряные и золотые. А он голову ломал, даже мысль была – самому ценности переплавить и монеты чеканить. Чего проще: расплющенный кружок металла кладут на чекан и вторым сверху прикрывают. Удар молота – и готова монета. В отличие от современных, к которым он привык, такие монеты были грубоваты, зачастую – не круглые, а овальные, но с четким оттиском.

Следующим днем он выбрал из сундучка все серебро и снова пошел к мастерам. На торгу, при покупке товара оптом серебряные монеты – самые ходовые. За золото можно было взять крупную партию, а медные пуло – для повседневной жизни. Например, Московские великие князья платили «ордынскую тягость» – пять тысяч триста двадцать рублей в год ордынским ханам, причем серебром.

Уже прочно лег снег, появились первые санные обозы – от деревень и сел до городов. Лед еще не был толст и крепок до такой степени, чтобы выдержать лошадь и сани с грузом. Зимой ездили в поездки дальние, торговые не по дорогам, а по рекам. Лед ровный – не разбитая дорога, хоть и заснеженная. На льду нет ни спусков, ни подъемов, сани полные грузить можно, одна беда – промоины. От ключей, бьющих в реках, во льду промоины были. Сверху они зачастую припорошены снегом. Ухнет туда лошадь внезапно – а за ней и сани. Успеет ездовой построжки обрубить топором – хоть лошадь спасет. Промедлит чуть – сани с грузом лошадь на дно утянут. Потому ездить старались по старым следам, не сворачивая сторону.

По мере того как лед крепчал, удивительные базары на реке появлялись. Забьют корову, шкуру снимут, выпотрошат. И стоит такая туша на своих ногах на льду, да не одна – целое стадо. А рядом так же свиные

туши, бараньи стоят. Посетителям отрубали куски по выбору. Всю зиму такие мясные базары на льду и стояли. Зима – пора мясоедства, не портится ничего. И молоко замороженное продавали – в виде кружков.

Для Андрея такая картина внове. Удивлялся, но вида старался не показывать.

Зимой в избе тепло, но одно плохо: печь дрова жрала, что паровоз. Уголька бы! Про горюч-камень на рязанщине знали, но залежей угля здесь не было.

Для парадных саней Андрей купил медвежью шкуру. Сидеть на ней было тепло, уютно. С ветерком, со снежной пылью из-под копыт, под гиканье ездового по улицам пронестись – чем не удовольствие?

Уже в конце ноября ударили сильные морозы, и Андрею пришлось покупать овчинный тулуп на каждый день и шубу бобровую на выход. Засиделся он дома, за товарами пора. Только, помня об ошибке своей, торопливостью вызванной, товарами закупился. Когда он за солью плавал – пустое судно туда гнал. А ведь товар можно было взять в Переяславле и с выгодой продать в Вычегодске. Все спешка! Зато теперь не спеша товару набрал: воска и меда на одни сани и муки ржаной – на другие. В третьих санях сам ехал.

Небольшой обоз к выходу был готов. Поставив свечи в храмах, следующим утром и выехали. На лед спустились, на чужой санный след въехали. Лошадки попонами укрыты, сытые, бегут быстро. Ездовые в тулупах, шапках заячьих, валенках, перекрикиваются между собой весело.

Только лошадь – не судно, ей периодически отдых требуется. Ездовые повесили торбы с овсом на морды лошадиные, сами в кружок собрались, сухарями хрустят. Обычно горячую еду ели утром и вечером, останавливаясь на постоянных дворах. Лошадей распрягали, в конюшни ставили. Там теплее, чем на улице, прислуга теплую воду лошадям в бадейках дает. А странствующие после горячего обеда на постелях в комнатах отдыхают. Но это для тех, кто побогаче. Остальные – в людскую, на лавки.

Все печи на постоянных дворах топились из коридоров, истопник для того специальный был, чтобы постояльцы о тепле не беспокоились. По тем меркам – комфорт!

Следующим днем мороз усилился, хорошо хоть не выюжило. Полозя санные от холода по снегу повизгивали. Чтобы размяться и согреться, Андрей с саней соскакивал и за ними бежал. Устав, снова в сани садился. Вечером на постоялом дворе, в трапезной, отогревались. Все сидели за одним столом. Андрей непременно еду сытную заказывал, потому что в

морозы, если человек голоден – он мерзнет. А так – супчик с убоиной, кашу с мясом, пироги рыбные. Ездовые ели, нахваливали – иные дома так не ели. Андрей же подумывал, что маловато лошадей и саней. Поездка далекая, а товара они возьмут мало. Но ничего, это начало. Узнает, как и что – потом сориентируется.

После еды ездовые пошли спать. Андрею бы тоже надо, только за соседним столом купцы проезжие разговоры интересные вели – о ценах на товары в Коломне и Лопасне, да что лучше берут. Подвыпили купцы немного, лица покраснелись, говорят громко – и подслушивать не надо.

С полчаса посидев, Андрей уже было уходить собрался, но купцы вдруг заспорили, и один другого за одежду хватать стал. Сидевшие с ними за одним столом попытались урезонить спорщиков, спор остановить, разнять, да один купец другого неосторожно за бороду схватил. Обида! Борода у мужчины – вещь неприкосновенная, только владелец мог к ней прикасаться, расчесывать, маслами умащивать.

И сразу произошла драка. Степенные люди, а бросились друг на друга, как молодежь на кулачных боях на Масленицу. Один купец довольно сильно приложил Андрея локтем. Может, и случайно, но только обиды здесь никому не спускали. Особенно буйным нравом и обидчивостью славились рязанцы и новгородцы.

И Андрей не утерпел, врезал обидчику кулаком по печени. Тот от боли аж согнулся. Товарищи его меж собой свару бросили и кинулись впятером на Андрея. И совсем бы ему туго пришлось. Но купцы хоть и превосходили числом, а толстые были, неповоротливые, да и медов хмельных выпивши. Потому Андрей успел двоих отправить в нокаут – до того как прислуга успела подскочить и разнять всех, а купцов как зачинателей драки взащей на улицу вытолкали:

– Подите-ка, гости дорогие, проветритесь маленько, поостыньте на морозе, а потом – милости просим.

С вышибалой не поспоришь: огромного роста, кулачища с детскую голову. Вытолкали они купцов, и было слышно, как те ругались во дворе.

– Ты вот что, гость, – подошел к Андрею хозяин. – Уезжал бы ты поутру пораньше. Они к утру прочухаются, поквитаться захотят. Который раз уже они у меня останавливаются и все время бузят.

Высказывание Андрей хозяина взял на заметку, утром за завтраком ездовых поторапливал. Выехали, едва солнце подниматься над горизонтом начало.

– Чего торопиться? – зевнул Михаил.

– Драка вчера в трапезной случилась, и мне случайно досталось.

Хозяин постоялого двора предупредил: купцы обидчивые, бузить любят. Как бы не встретили на дороге!

– Понял, другое дело! – Михаил вытащил из-под облучка кнут с длинным кнутовищем. – Пусть попробуют, я таким кнутом быкам хребты ломаю. А у ездовых топоры есть.

Они отъехали уже версты две, как услышали сзади лихой посвист. Андрей обернулся и увидел: их догоняет обоз, и довольно большой, саней десять, как не более.

Михаил тоже обернулся:

– Они! Тверские и есть.

– С чего решил?

– Колокольчики у них на дугах особые. Слышишь звон?

Андрей расстегнул тулуп и, достав пистолет, снял его с предохранителя. В нем осталось всего два патрона, но в трудную минуту и они выручат.

Тверские обоз гнали, не жалея лошадей. Потом от обоза отделились передние сани. В санях стоял один из купцов, нахлестывая коня. Видно, решил обозу Андрея путь перегородить – а там и другие подоспеют.

Однако как бы не так! Когда купец поравнялся с санями Андрея, Михаил привстал, крутанул над головой кнутом и ударил купца поперек спины. Звук раздался, как от выстрела. Андрей от неожиданности даже подпрыгнул.

Удар вышел знатный, никогда прежде такого Андрей не видел. Овчинный тулуп, в который был одет купец, лопнул пополам, обнажив белую шерсть.

Купец заорал от неожиданности и боли. Лошадь его шарахнулась в сторону и понеслась к берегу.

– Сбил я с него резвость-то... Небось до мяса пробрал, теперь пару седмиц залечивать будет, – спокойно сказал Михаил.

Однако сзади их догоняли еще одни сани. Конь, в них запряженный, был мощным, откормленным, из ноздрей струями бил пар. В санях сидел другой купец и чего-то кричал. Наверняка обидное что-то, только за ветром и глухим топотом конских копыт почти ничего не было слышно.

Сани поравнялись, и купец кинул в Андрея кистень. Однако грузик не долетел – далекоовато. Зато Михаил не промахнулся, щелкнул кнутом, почти оторвав рукав у тулупа.

Купец взвыл, схватился за руку и в бессильной ярости начал поносить Андрея и Михаила погаными словами.

Михаил врезал ему кнутовищем еще раз, сбив лисью шапку. По лицу

купца потекла кровь, заливая глаза.

– Михаил, ты не покалечил его, часом?

– Слегонца задел, отойдет. А за разбойное нападение виселица положена. Ежели нападут, бей насмерть. Чтобы, значит, боялись, вели себя правильно.

Сани с нападавшим купцом отстали, но через четверть часа их место заняли другие. Остальной купеческий обоз остался далеко позади, из-за поворота реки его и не видно было, берег скрывал.

Гонка не могла продолжаться долго: скоро лошади запалются, отдых будет нужен. Но стоит остановиться – другие подоспеют.

Андрей решил стрелять, но не в купца, а в лошадь. Только Михаил его опередил. Едва лошади поравнялись, как он кнутом ударил лошадь купца по ногам. От боли бедное животное с громким ржанием шарахнулось в сторону. Сани опрокинулись, и купец вывалился.

– Стой! – приказал Андрей.

– Тпру! – Михаил натянул вожжи.

Андрей соскочил с саней и бросился к упавшему купцу, на бегу засовывая за пояс пистолет и выхватывая боевой нож.

Купец уже успел встать на четвереньки, когда Андрей приставил ему к горлу нож.

– Ну, разбойничья твоя рожа, чья взяла? Только дернись, вмиг располосую! Мужики, сюда!

Когда ездовые подбежали, Андрей приказал:

– Вяжите его!

Купца связали по рукам и ногам.

– В сани его ко мне! До Коломны уже недалеко, вечером там будем. Сдадим его городской страже. Что по «Правде» разбойнику положено? – рявкнул в ухо купцу Андрей.

– Мы не разбойники, – пролепетал купец. Спесь и ухарство быстро с него слетели. Что ему грозит по суду, он и сам знал.

– А чем докажешь? У меня видаки есть, рядом стоят. А твой обоз где? Стало быть – тать, лихоимец.

Купец обернулся, но его обоза видно не было. Конечно, купцы себе в сани самых хороших коней запрягли, остальные темп выдержать не смогли.

– Могу отпустить, – Андрей играл с купцом, как кошка с мышкой.

Купец закивал головой. Перспектива попасть под суд с обвинением в разбое его явно не прельщала.

– Развяжите ему руки, а ноги оставьте связанными.

Ездовые подивились такой просьбе, но приказ выполнили.

Андрей достал маленький обеденный нож.

– Режь себе бороду под корень!

– Да ты что? – вспыхнул купец.

Хуже отрезанной бороды было только обвинение в колдовстве или святотатство. Для молодого мужчины позор, а для купца – конец торговой карьеры.

– Жизнь или борода? – стоял на своем Андрей.

Купец обвел глазами ездоков, но ни у кого в глазах не встретил сочувствия.

– Не хочет, – спокойно подвел итог Андрей. – Тогда вяжите его, и едем, лошади передохнули.

– И откель ты такой взялся?! – не выдержав, завопил купец. – Ну ничего, я тебя еще встречу! – он отхватил ножом клочок бороды.

– Если ты меня в следующий раз встретишь, обойди стороной, не то умрешь, – медленно и спокойно, ледяным тоном сказал Андрей. И тон этот, ровный, без крика и надрыва, убедил купца.

– Прости! – рухнул он перед Андреем на колени.

– Живи, падаль! – Андрей забрал у купца свой нож и вернул его в ножны.

Дальше до Коломны они ехали уже спокойно.

Глава 8. Ларец

Несмотря на зиму и холод, ярмарка шумела, торговала. Андрей с неплохим наваром сбыл товар. Воск сразу купили немцы, а мед – москвичи. И муку продал, хоть и ржаная была, только черный хлеб из нее печь. Но лучше уж так, чем голодным сидеть. В княжестве Московском неурожай случился, цены на продукты едва ли не вдвое поднялись, за меру муки вместо четырех до шести-семи денег просили. За день и распродался. Обоз бы большой с мукой привел – и то все удалось бы продать.

В обратную дорогу тяжелый товар – вроде железных изделий – брать не стал, лошадь – не судно. Купил товар легкий, но объемный: материала разного, два мешка мягкой рухляди – как меха называли. По мелочи женских украшений, бисера, кружевных пуховых платков. Глядь, а сани полны уже. Ездовые прикрыли груз рогожей, перевязали веревками – от чужого недоброго глаза, да чтобы по дороге не растерять. В обратный путь отправились не мешкая – чего в чужих краях проедаться?

Не знал, не ведал Андрей, что княжество Рязанское слабеет, подточенное набегам татарскими, происками Москвы, склонявшей посулами да дарами богатыми бояр рязанских. Соседи недобрые, литовцы начали набег на земли рязанские делать. Иногда рязанцы тем же отвечали. Соберется ватажка лихая из охочих людей – и айда за порубежье. Пограбят – и быстрее к себе, чтобы дружины княжеские не достали да не порубили в капусту. Только князь Рязанский, как и король литовский Казимир IV друг дружке посольства слали, требуя прекратить бесчинства.

Вот на таких грабителей и наткнулся обоз Андрея. Собственно, от обычных разбойников они отличались мало, только что жили не здесь, да тактикой их было – по-быстрому награть добра и убраться назад, на свою землю. Русские засечные заставы на порубежье не могли перекрыть все тайные тропы, тем более зимой, когда реки скованы льдом, переходы, где вздумается, и бродов искать не надо. Кроме того, для быстроты нападения и отхода «порубежники» действовали верхом на конях.

Обоз Андрея шел по льду Оки спокойно. Яркое светило солнце, блестел, слепя глаза, снег, и Андрей, укутавшись в тулуп, уже начал придремывать.

Приятную дремоту вмиг развеял Михаил.

– Хозяин, сзади догоняют.

– Обоз, что ли? – встрепенул Андрей.

– Конные, около десятка.

– Бояре или посольство чье-нибудь, – предположил Андрей, однако же насторожился. Бдительность и осторожность в данном случае спасали не только добро, но и жизнь. Он приготовил пистолет и обернулся назад.

Верховые быстро приближались, стали видны лица, одежда. Нет, это не бояре и не посольство, на верховых – армяки и зипуны, как у простолюдинов. Только у крестьян лошади тягловые, а у этих – скакуны.

– Михаил, гони!

– Эй, залетная! – Михаил щелкнул кнутом.

Мерин рванул вперед, за ними – остальные лошади обоза: ездовые и сами поняли грозящую опасность. Но разве лошади с санями и грузом уйти от верховой?

Расстояние неумолимо сокращалось.

Из-за поворота реки показался встречный обоз. Он был большой, двенадцать-тринадцать саней.

Андрей и ездовые приободрились – все-таки поддержка будет, свои едут, торговые. Андрей встал на санях во весь рост, сложил руки рупором и крикнул изо всех сил:

– Чужие! Берегись!

Только не услышали его, расстояние было велико, да и боковой ветерок снес его предупреждение в сторону.

Преследователи находились уже в полусотне метров. Андрей видел их злые лица, недобро прищуренные глаза, разъявленные в крике рты. Еще несколько минут – и первый литвин настиг последние сани, рубанул саблей по рогожке и радостно заорал. Потом еще наддал, его лошадь поравнялась с возницей Сергеем – литвин и его саблей ударил. Однако возница уклонился от удара, подставив под саблю топор. Звякнула сталь, и сабля сломалась у рукояти.

Литвин на ходу перепрыгнул с лошади на сани. Сергей взмахнул топором, и нападавший свалился с саней на заснеженный лед.

В тот же момент с другой стороны подскочил второй литвин. Он ударил Сергея в спину коротким копьём-сулицей, и возничий упал на рогожку. Все происходило на глазах застывших от изумления и ужаса людей, но помочь они ничем не могли.

В какой-то момент Андрей остро пожалел, что не взял с собой в поход ружье – как бы оно сейчас пригодилось! А из пистолета, да еще на ходу, когда сани трясет, в подвижную цель не попадешь – расстояние велико.

Встречный обоз был уже метрах в двухстах. Там заметили неладное, остановились и стали поворачивать лошадей. Глупцы! Разве от верховых

уйдешь? В круг сани ставить надо было, тогда есть еще шанс отбиться.

Лошадь убитого Сергея продолжала бежать за обозом, пока кто-то из нападавших не поравнялся с ней и, схватив за узду, не остановил. Черт! Все сукно в санях! Но сейчас речь о большем – о жизни. Да и в плен могут взять, потребовав потом выкуп.

Теперь верховые сделали рывок, подбираясь к саням Пантелея. Тот видел, что случилось с Сергеем, приготовил топор и с облучка перебрался на груз, встав для устойчивости на колени лицом к врагам. Когда литвин поравнялся с ним и метнул груз кистеня, он успел подставить топор. Груз звякнул о железо, обмотался веревкой вокруг топорщицы, и Пантелей дернул топор на себя. Веревка была прочной, одним концом привязана к запястью руки нападавшего. Того просто выдернуло из седла, и он свалился под копыта скачущих лошадей. Тут же раздался короткий крик, и через несколько секунд – кровавое месиво на снегу. Но и топор вылетел из рук Пантелея, он остался безоружным. Этим сразу воспользовался другой литвин – он подскочил сбоку и с оттяжкой ударил Пантелея саблей. Возничий безжизненно упал на сани.

А встречный обоз, изогнувшись дугой, уже совсем рядом; вот он остановился. Там, очевидно, поняли, что уйти не смогут. С саней повыскакивали возничие и приготовили у кого что было – топоры и рогатины.

К саням Андрея с двух сторон подскочили конные. Андрей лег и перевернулся на живот – так стрелять удобнее, и Михаилу он не будет мешать, когда тот станет отбиваться кнутом.

До нападавших было уже не более трех метров.

Андрей прицелился, нажал на спуск, и литвина выбросило из седла. Михаил «своего» литвина тоже убил, ударив кнутом по лицу. Во все стороны полетели кровавые брызги, и лицо превратилось во что-то бесформенное. Даже не вскрикнув, литвин упал грудью на спину лошади, проскакал небольшое расстояние и медленно сполз набок. Так его и тащила лошадь.

Михаил направил мерина к обозу.

– Отобьемся, хозяин!

Ситуация сразу изменилась. Нападавшие оказались в меньшинстве. Сгоряча ударили с ходу, потеряли двух верховых – правда, и обозники тоже понесли потери, трое корчились на снегу. Поняв, что возьмут обоз слишком дорогой ценой, литвины развернулись и рванули обратно. Но в качестве трофея они увели с собой обеих лошадей с санями и грузом товара Андрея. Хорошо хоть он сам спасся с Михаилом. И ездовых жаль – Сергея и

Пантелея, даже тела их были с санями увезены. Сбросят ведь, ироды, где-нибудь на лед или в промоину, и родным даже похоронить их по-христиански не удастся.

К Андрею подошел купец:

– Сами целы?

– Мы-то целы, а ездовые убиты; и товар увезли.

– Сколько саней в обозе было?

– Трое.

– Охрану нанимать надо было или с другими обозами идти – вместе отбиваться легче. Нас-то они испугались, назад повернули.

Встречный обоз двинулся дальше, а Андрей с Михаилом поехали домой.

День Андрей был в подавленном состоянии. Людей, лошадей, груз, в который было вложено немало денег, – все потерял. Опасно ремесло купеческое. Можешь с прибылью вернуться, а можешь голову сложить. В лучшем случае – вернуться ни с чем, как он сейчас.

После ночи в теплой постели на постоялом дворе да чарки вина, выпитой с Михаилом за упокой души возничих, немного отпустило. Главное, что он жив, а деньги – дело наживное. Дело даже не в деньгах, просто они дают некоторую свободу выбора. Выбора всего: избы, еды – даже жены. Иной женщине и парень люб, да беден, потому – не пара.

Так он и заявился домой.

Полина калитку сама открыла, обняла Андрея, потом за спину его заглянула. А там – сани с Михаилом.

– А где же другие? Лавки-то уже закрыты.

– Не будет других, Полина. От лиходеев сгинули, мы сами еле спаслись.

Андрей подошел к Михаилу, отсчитал ему жалованье за каждую седмицу.

– Благодарствую, хозяин! – поклонился Михаил.

Андрей отсчитал ему еще денег.

– Завтра ты мне не нужен. Сходи в семьи к Сергею и Пантелею, отдай деньги и расскажи, как погибли мужики и почему мы их тела не привезли для погребения.

– Схожу, – заверил его Михаил.

В избе Андрей снял тулуп и шапку, валенки сбросил.

– Баньку затопить?

– Завтра.

– Покушать хочешь?

– Аппетита нет. Спать хочу.

Полина почувствовала настроение Андрея и не стала приставать с расспросами и ласками.

Уснул Андрей сразу, но во сне все не отпускали его видения нападения литвинов. Он понимал – в гибели людей есть часть и его вины. На удачу, на случай положился. А надо было ездовых вооружить не топорами, а сулицами. Они длиннее топора, и ездовые литвинов близко к себе не подпустили бы. Далее – обоз попутный подождать. Потерял бы несколько часов, зато люди остались бы живы. И ружье с собой брать надо. Было бы оно под рукой – исход нападения был бы совсем другой. И еще одно: его сани должны были ехать последними. Получив отпор, литовцы не рискнули бы продолжать грабить обоз, не убили бы ездовых, и груз он сохранил бы. Хотя, может, он и зря себя корит. В пистолете всего один патрон остался – чем бы он отбивался?

Утром его разбудила Полина.

– Отстань, – пробормотал он спросонок, не открывая глаз, – дай выспаться.

– Там боярин тебя спрашивает.

– Шутишь? У меня таких знакомых нет. – Он продрал глаза. Сквозь окна бил солнечный свет. – Сколько времени?

– Полдень уже.

И в самом деле, заспался.

Андрей быстро умылся, оделся, накинул на плечи тулуп.

– Полина, корец сбитня вынеси.

– Налила уже, ступай.

Андрей подошел к воротам, отворил калитку.

На улице стояли двое саней, застеленных коврами, чтобы сразу было видно – дворянин едет. Сани в тройки запряжены, кони – любо-дорого посмотреть, сбруя с медными заклепками, с бляшками чеканными, с серебряными колокольчиками под дугой у коренного коня.

В первых санях боярин сидит – в длинной бобровой шубе и высокой горлатной шапке, во вторых санях – служилые боярские люди. Увидев Андрея, они шустро выскочили из саней и помогли боярину подняться, подержав его под локотки. Шуба тяжелая, попробуй в такой встать.

Боярин поднялся на ноги, оттолкнул служак и сделал шаг вперед:

– Ты, что ли, Андрей-купец?

– Он самый.

– Значит, к тебе.

– Заходи, гостем дорогим будешь. Прости, только вчера приехал,

подобаяюще встретить не могу.

– Пустое, я по делу.

Это что-то новенькое. Какие у боярина могут быть дела с купцом? Но традиции и устои надо соблюдать.

Андрей проводил боярина до крыльца, и в этот момент из двери выплыла Полина с корцом сбитня в руках. И когда только принарядиться, прихорошиться успела? Андрей вида не подал, но был удивлен.

Полина с поклоном поднесла боярину корец со сбитнем. Боярин обеими руками его принял, выпил и опрокинул, показывая, что он пуст, что гость на хозяев зла не держит. Потом поднялся по ступенькам, Полину обнял и поцеловал – по русскому обычаю. Смутилась Полина, порозовела, взяла корец и шмыгнула за двери.

– Проходи, боярин!

Как только боярин вошел в сени, Андрей вышел и прикрыл дверь. Зима, холодно, избу выстудить можно. Распахнул дверь в трапезную.

Боярин шагнул тяжело. Андрей принял у него шубу и повесил ее на крючок. Гость огляделся и перекрестился на иконы в красном углу.

– Садись, боярин! – пригласил Андрей.

Сам уселся на стул в торце стола. Он в доме хозяин, а боярин, хотя и выше по положению, – только гость.

Поговорили о холодной зиме, потом боярин сказал:

– Я Олтуфьев Григорий, Акинфиев сын.

– А мое имя и фамилию ты, верно, знаешь, коли заехал.

– Не без того. Даже о нападении литвинов слышан и о потерях твоих.

Вот дела! Суток не прошло, как он вернулся, а в городе уже все знают о его беде. Не иначе – Михаил проболтался.

– Только я не по этому делу, – боярин замялся. – Ты ведь у князя служил исправником? – Он то ли спрашивал, то ли утверждал.

– Служил несколько дней, потом едва под суд не попал, в порубе сидел. Сейчас купечествую.

– Слышан. Засим и приехал.

– Что, на службу княжескую приглашать?

– Не торопись. Я сам.

Андрей решил выслушать, не перебивая.

– Беда у меня. – Боярин помолчал. – Ларец у меня из хором украли.

Андрей едва не фыркнул. Разве ж это беда? Когда люди гибнут – вот беда.

– Много денег в ларце было?

– Не много – семнадцать рублей.

Странно! Семнадцать рублей – сумма изрядная, но если для него это не много, то в чем беда?

– В ларце бумаги для меня важные были, вернее – одна.

– Не пойму что-то, при чем здесь я?

– Э, не скажи! Ты таких злодеев поймал! К тому же быстро. Вот я к тебе за помощью и приехал.

– А когда украли?

– Да уж седмицу.

Ничего себе! Да если свидетели и были, так забыли подробности.

– Ой, боюсь – не смогу помочь тебе, боярин. Времени много прошло. Твой ларец уже пустой небось.

– Я же говорю – не о деньгах речь. Бумага там для меня важная, вот ее и верни. А коли деньги в ларце остались, можешь забрать их себе вместе с ларцом – я в обиде не буду.

– Мне торговать надо, семью кормить, прислугу. А пропажу искать – сам понимаешь, время нужно.

– Так я же не за спасибо, – боярин извлек откуда-то из-под одежды мешочек, показал его Андрею и убрал назад.

Андрей решился:

– Ладно, попробую, но не ручаюсь. Ларец от города уже далеко может быть. Тать не для того его крал, рисковал, чтобы в целости оставить.

– Понимаю. Одно условие у меня – язык за зубами держи. Никто о пропаже знать не должен.

– Я понимаю. Никто ничего от меня не услышит.

– Ты грамотен ли?

– Пишу и читаю.

По лицу боярина пробежала тень. Похоже, он опасался, что Андрей прочтет найденную в ларце бумагу – если случится такая оказия.

– Только и от меня условие.

– Какое? – нахмурился боярин.

– Мне с твоей челядью поговорить надо, вызнать – кто в день пропажи в доме был, куда заходил?

– Это можно.

– Тогда едем.

Андрей оделся сам и помог боярину надеть шубу. Тяжелая, до пят, с длинными рукавами, ее московской называли. В такой шубе ничего делать нельзя.

С помощью служивых боярин уселся в сани, за ним сел Андрей.

Ехали недолго. Боярин проживал недалеко от Соборной площади, в центре – положение обязывало.

Холоп отворил ворота, и сани въехали во двор. Да, избой или домом это назвать нельзя – терем, хоромы, правда – деревянные, в два этажа. Были бы из камня – вполне дворцом назвать можно было бы.

Служивые помогли боярину выйти, во дворе шубу сняли. Под ней у боярина кафтан да рубашки – не замерзнет. Шуба – больше для публики, показать чин и положение, а дома перед кем красоваться? И так все знают – хозяин!

Они прошли в дом.

– В горницу пройдем? – спросил боярин.

– А зачем? Ты бы мне показал, где ларец стоял.

Они поднялись на второй этаж. Коридоры длинные, запутанные, с поворотами, ступеньками вверх и вниз. По всей видимости, здание строилось не сразу, не один раз к нему пристройки делали – по мере роста в чинах и достатке.

Боярин отпер ключом дверь.

– Это моя опочивальня, входи.

На полу ковер персидский, стол, стул, два сундука для одежды. На стене сабля в ножнах висит. Чисто, но скромно.

– Где ларец стоял?

– Туточки, на столе.

– Как он выглядел?

– Небольшой, в длину меньше локтя и такой высоты, – боярин поднял над столом кисть руки, показал.

– Ларец запирался?

– А зачем? Комната заперта, слуги. Вроде под приглядом.

– Скажи, боярин, только честно. Полагаешь – за бумагами охотились?

– Не исключаяю.

– Тогда ответь мне: ларец не заперт, бумаги можно взять, сунуть в рукав и уйти. Зачем было весь ларец брать?

– Сам об этом думаю, понять не могу.

– Посторонние в тот день в доме были?

– Не было. Я утром к князю уехал – понятно, что гостей не было. А вернулся – нет ларца. Правда, я пропажу только вечером обнаружил, когда в опочивальню пришел.

– Дверь в опочивальню заперта на замок была?

– Вроде.

– Что значит – «вроде»?

– Я в тот день у князя на пиру был, плохо помню. Холопы помогали раздеться и в постель лечь.

– Значит, ларец вполне на месте мог быть, а пропасть ночью?

– Может, и так. Замучил ты меня вопросами. – Боярин рукавом вытер вспотевший лоб.

– Хорошо. Мне надо с ключником поговорить.

– Сейчас позову.

– Не стоит время у тебя отрывать, пусть холоп проводит.

Пока холоп вел его по запутанным коридорам, Андрей подумал, что ларец мог пропасть ночью, когда боярин спал. Он ведь изрядно пьян был после пира, его самого можно было вынести, и он не проснулся бы. К тому же в тереме столько переходов и комнат, что здесь не ларец – пару человек можно спрятать. И скорее всего, украл кто-то свой. В тереме и во дворе постоянно прислуга, чужого бы углядели. К тому же боярин сказал, что с утра к князю уехал, а без его соизволения гостя через калитку не впустят. Точно, среди слуг, челяди, а то и членов семьи татя искать надобно.

Ключником оказался мужик лет пятидесяти, с седоватой бородкой.

Холоп завел Андрея в комнату.

– Вот, Степан, боярин прислал человека, велел на все его вопросы отвечать.

– Ступай.

Холоп ушел.

– Ты по поводу ларца?

– Ты догадлив.

– Ай-яй-яй! Сроду такого срама в доме не было! И как же это случилось, не пойму.

– Будем разбираться. Лист бумаги и перо найдется?

– На том столе.

Ключник достал лист бумаги, чернильницу и заточенные гусиные перья.

– Мне надо знать фамилии, имена всех, кто был в тот день в доме.

Ключник начал перечислять.

– Помедленнее, и кто кем служит.

Когда он закончил, Андрей пробежал глазами заполненный лист бумаги.

– Здесь не все.

– Все! Что же я, за тридцать лет работы людей в доме не знаю?

– Себя не назвал, семью боярина.

– Ты что же, всех подозреваешь? – взвился от негодования ключник.

– Согласись, Степан, ларец украл кто-то из своих – чужому в терем доступа нет.

Степан задумался, кивнул.

– Похоже, так.

– Вот я и буду искать среди своих. В первую очередь – ларец, а потом уж татя. Предатель и вор у вас среди домашних.

– Вот срам-то! Знать бы кто?

– погоди, все в свое время. Хуже другое.

– Что еще?

– Боюсь, если не выявим татя, кража может повториться – если не серьезнее.

– Смертоубийство? – наклонился к Андрею и шепотом спросил ключник.

– Тс! – приложил палец к губам Андрей. Конечно, он переигрывал немного. Но ему нужно было, чтобы ключник осознал, наконец, что татя среди домашних.

– Тогда пиши.

И ключник перечислил всех – боярина, супружницу его, троих детей, племянника. В конце назвал свою фамилию.

– Теперь все?

– Как есть все, до последнего человека.

– Попытайся припомнить, когда и кого на службу или работу принимали.

– Всех помню.

Оказалось, что последним принимали служивого холопа два года назад.

Андрей пробежал глазами список.

– Кого не было дома в день кражи? Скажем – в отъезде был, отпросился на побывку к родне?

– Были такие! Конюха Андрея не было – на крестины в деревню ходил, кухарка отпрашивалась – у нее сестра родила. О! Еще холопа служивого Дмитрия не было – он к костоправу в Старую Рязань ездил.

Андрей сделал в списке отметки напротив названных людей.

– Теперь давай дом осмотрим, весь – от крыши до подвала и последнего амбара.

– Весь день уйдет!

– Мне самого боярина попросить? Ведь ты все помещения знаешь, ключи от дверей у тебя, – Андрей выделил интонацией слово «ключи».

– От опочивальни боярина и супружницы его нет – эти ключи хозяин

на тесьме на шее носит.

Андрей ухмыльнулся, а ключника передернуло.

– Ты вот что, Степан, пойми. Чем быстрее мы с тобой ларец найдем да татя сыщем, тем лучше. Сейчас боярин в ярости, в гневе, всех домашних подозревает – в том числе, не исключая, и тебя!

– Меня-то за что? Я тридцать лет...

– Согласен, значит, все осмотреть? – перебил его Андрей.

– Конечно, кто против? Добро боярское сыскать и татя изловить обязательно. Ты думаешь, я тебя не узнал? Ты же у князя исправником был?

– Был.

– Полезное дело делал. У меня двоюродный племянник в невольниках томился.

– Говорить будем или пойдем?

Ключник вытащил из-за стола две огромные связки ключей на железных кольцах. Ключи были большие, с замысловатыми бородками.

– Начнем сверху, с чердака.

Они поднялись на чердак. Через маленькое слуховое оконце проникал свет скудный, но смотреть там оказалось нечего. Чердак был сухой и чистый.

– Молодец, порядок у тебя! – похвалил Андрей ключника.

– Здесь трубы печные проходят – глянь, сколько их. Хлам высыхает и вспыхнуть может.

Они перешли к осмотру второго этажа. Ключник открывал комнаты, и Андрей бегло их осматривал, не гнушаясь заглядывать в сундуки и под кровати. Впрочем, кровати – громко сказано, топчаны деревянные, на них – матрасы. У членов семьи – пуховые перины.

Осмотрели второй этаж и первый – нет ларца. Это предмет не маленький, не нож и не шкатулка – их можно вынести незаметно. Но у вора оставался еще вариант – спрятать ларец и частями выносить из него деньги. Стоп! Если они выносились, тогда у него, у татя, семья должна быть. Денег, по соображению вора, в ларце много. А раз так, сообщнику их не доверишь, соблазн велик. Должна быть у этого гада семья в городе!

– Степан, я сейчас список сочту, а ты говори, у кого семья в городе есть.

Степан слушал, время от времени прерывая Андрея, а тот делал пометки в списке.

Таких, кто именно в городе, а не в деревнях поблизости семьи имел, набралось немного. Холоп ведь может выйти из терема ненадолго, скажем

– на торг или домой забежать. Может даже передать деньги в любом переулке неподалеку.

Людей таких набралось два десятка, да и то половина из них женщины – вроде кухарок, нянек и портомоек. Их смело вычеркнуть можно. Для дерзкой кражи именно мужчина нужен, женщина не отважится.

Хоть и устали оба, а досмотрели амбары, конюшню, сенник и дровяник, а также шорную мастерскую, каретный сарай, в общем – все.

Уже темнеть начало, есть хотелось ужасно – он ведь сегодня не ел совсем.

– Вот что, Степан, я домой пойду. Завтра с утра продолжим.

– Неуж не найдем?

– Должны!

Вернувшись домой, Андрей вымыл руки и уселся за стол.

– Полина, Авдотья, где вы? Есть хочу, как волк! Несите все!

Авдотья только подносить успевала. Полина глядела удивленно:

– Ты что, как мельница ветряная, все подряд мечешь? Кишки завернутся!

– Я уж и не помню, когда ел в последний раз.

Насытившись, он едва дошел до постели, разделся и рухнул.

Утром поднялся со свежей головой. Что-то его беспокоило. Вроде они вчера все осмотрели, но какая-то заноза сидела внутри и не давала спокойно обдумывать план действий на сегодняшний день.

А ведь верно, все – да не все. Амбары осмотрели, а в зерне он не покопался. Сенник осмотрели, сено же не трогали; а ведь под ним бочку спрятать можно – не то что ларец.

Андрей повеселел: еще не все потеряно! Он сытно позавтракал, а Авдотья пробурчала:

– Опять на торг идти надо, все, что вчера приготовила, съели. Ох и едят эти мужики, не прокормишь!

– Авдотья, ты что такое говоришь! – возмутилась Полина.

– Разве я неправду сказала?

Но Андрей не слушал женщин, он поспешно оделся и выскочил на улицу. Не мешкая ни минуты, на княжеском дворе сразу направился к ключнику:

– Бери пару холопов, идем во двор!

Сначала Андрей направился к сеннику – там спрятать просто. К тому же вор, если он выносил деньги из ларца частями, должен был иметь быстрый и легкий доступ к ларцу. Потом он планировал осмотреть дровяник, оставив на последнее амбар. В амбаре зерно не только в мешках,

но и в подклетьях, там же овес для лошадей. Подошел конюх, зачерпнул ведром овес – чего проще?

– Перекидывайте сено от этой стены к той! – распорядился Андрей, обратившись к холопам.

– Чего стоим, али глухие? – рыкнул Степан.

Деревянными вилами холопы стали перекидывать сено. Чудит купец, сначала сено к одной стене, потом к другой... Однако ключника послушаться не посмели, работали споро.

У стены, равно как и на полу, и в самом сене ничего не было.

– Теперь обратно! – скомандовал Андрей.

До полудня они успели переворошить все сено.

– Заодним сено подсушили, труды не зря! – заметил Степан.

– Идем в дровяник.

Холопы начали перекладывать наколотые короткие поленья. Печей в тереме много, запас дров огромный. Радовало, что часть дровяника уже свободна. Топить требуется ежедневно, даже когда тепло – на той же кухне.

Только начали перекладывать поленья, как один из холопов остановился:

– Тут что-то есть!

Андрей со Степаном подошли.

– Ларец! – изумленно воскликнул Степан. – Лопни мои глаза – он самый! Андрей, ты как догадался?

– Ночь не спал, думал! – пошутил Андрей. – Вытаскивайте его!

Холопы вытащили из-под поленьев ларец.

Андрей откинул крышку. Замок был взломан топором, виднелись следы. Ларец был наполовину полон монетами, сверху лежал свернутый в трубочку лист бумаги. Андрей развернул его.

«Добрый день, а может – вечер! Григорий, Акинфиев сын. К тебе – боярин Захарьин Никита, Романов сын...»

Андрей свернул бумагу.

– Несите ларец к боярину, – распорядился он.

Холопы подняли ларец и понесли вдвоем, хотя тут и один легко бы справился – не сундук. Наверное, рвение свое хотели боярину явить. У горницы, где находился боярин, остановились.

Степан-ключник постучал в дверь и, получив разрешение, отворил ее:

– Заходите.

Холопы поставили ларец на стол. Боярин аж подскочил на стуле, увидев пропажу.

– Пошли прочь!

Холопы вышли.

– Ларец открывали?

– Только посмотрели, что там, – сказал Степан. – Деньги бы счесть надо.

– Потом, ступай. Нет, погоди. А впрочем – ступай.

Боярин откинул крышку ларца, схватил бумагу и развернул ее. Лицо его стало удовлетворенным.

– Боярин, выполнил я твою просьбу, – произнес Андрей, дотоле молча стоявший у стола. – Рассчитаться бы надо!

Боярин посмотрел на деньги, лежащие в ларце. Их было много, и, видимо, ему стало жалко.

– Хм, за два дня поисков многовато. Даже у меня такого дохода за два дня не бывает.

– Если бы я месяц искал, лучше было бы?

Боярин скривился, как будто глотнул уксуса.

– А тать кто?

– Ты говорил о ларце, про татя – ни слова. Я ларец нашел, свое обещание, данное тебе, сдержал. Ты не расплатился. Зачем же мне еще татя искать?

Боярин, не глядя, достал из ларца монету и бросил ее на пол, к ногам Андрея. Вот она, благодарность боярская!

Андрей монету поднимать не стал – зачем унижаться? Краем глаза заметил, что монета не золотая – серебряная. Да хоть бы и золотая!

– Здрав буди, боярин, – он повернулся и вышел.

В душе все клокотало от злости. Только из торгового неудачного похода вернулся, вчера весь день не ел, не спал, носом землю рыл – и что? Да и письмо боярское не такая уж теперь тайна. Что в нем, Андрей не знает, он успел прочитать только первые строки, выхватил начало. Да и то потому что читал быстро, не как здесь – вода пальцем по строке.

Захарьин – из московских бояр, род известный. Наверняка Олтуфьев за спиной князя переписывается с боярами московскими. Чует, что княжество Рязанское слабеет, ищет опору и защиту. И ладно бы для княжества, скорее всего – для себя любимого. И ведь чем богаче и выше чином человек, тем больше в нем всякого дерьма.

У самой калитки его догнал холоп.

– Боярин вернуться требует.

– Я не его холоп и ничего ему не должен, – отрезал Андрей.

– Что, так и передать? – изумился холоп.

– Слово в слово. – И вышел за калитку.

Только сейчас он почувствовал – на улице воздух чистый, морозный, дышится легко. Как в помой боярин его окунул!

Однако Андрей плохо знал боярина. Уже на Соборной площади его догнали сани. На облучке – холоп, в санях – ключник Степан.

– Андрей, ты чего взбеленился?

– Боярин за найденный ларец денег обещал.

– Ужель не дал?

– Его спроси.

Андрей не останавливался, шел, рядом медленно ехали сани. Ключник выскочил из них и встал перед Андреем:

– Хоть мне скажи, кто тать?

– Я человек свободный и боярину твоему не должен ничего.

– Он повелел мне без тебя не возвращаться.

– Силой повезешь?

– Надо будет – и силой.

– Боярин мне не указ, – Андрей начал злиться.

Плохо это, злость мозги туманит и зачастую толкает к необдуманным поступкам.

Андрей откинул полу шубы и схватился за рукоять пистолета.

Ключник понял, что перегнул палку и как бы самому худо не пришлось. Слышал ведь об Андрее-исправнике и о грома-молнии, который он пускать может, тоже осведомлен. Но сам ключник попал между молотом и наковальней. Силу применить к Андрею – можно и живота лишиться, не привезешь Андрея – боярин накажет. Он в гневе крут, можно плетей или батогов отведавать. Потому он сменил тон:

– Андрей, смири гордыню, грех это.

– А договор? Разве я его нарушил?

– Вот с боярином спокойно и поговоришь. Садись, вмиг домчим.

Ладно, поговорить можно – только о чем? Андрей уселся в розвальни – ехать-то буквально пару минут.

От саней к горнице боярской ключник шел сзади Андрея – как конвоир. Он постучал в двери и распахнул ее перед Андреем. Тот вошел и с независимым видом встал у порога.

– Старших не считаешь, – укорил его боярин.

– Честь превыше всего ставлю, – ответил Андрей.

– Дерзишь! – вспыхнул боярин.

Андрей снова повернулся к двери, собираясь уйти, однако боярин позвонил в колокольчик. Двери распахнулись, и вошли два боевых холопа – при саблях и в кольчугах.

Андрей распахнул шубу, выхватил пистолет и отпрыгнул к стене:

– Боярин, прикажи своим людям уйти, иначе ты умрешь первым!

От такой наглости боярин побагровел. Потом пришел в себя и хотел приказать холопам схватить наглеца, скрутить, отволочь его на конюшню и там выпороть. Однако, увидев направленный на себя ствол, вовремя опомнился. Он находился рядом с князем, когда Андрей демонстрировал тому возможности своего оружия, и видел, как эта штука громыхает.

Когда боярин вспомнил об этом, его злость тут же улетучилась.

– Хватит, погорячились, – обратился он к боевым холопам. – Ступайте прочь и не стойте за дверью. Да скажите холопам – пусть вина принесут.

Андрей сунул пистолет за пояс. Один патрон всего в патроннике! Боярина он бы точно успел застрелить, но и его самого холопы боярские изрубили бы.

– Снимай шубу, садись, – вполне доброжелательно предложил ему боярин.

Андрей сбросил тулуп в угол и сел на лавку.

– Называется – нашла коса на камень. А ты упрямый, как и я, – сказал боярин.

Холопы внесли в горницу кувшин вина, кубки и блюдо с копченой белорыбицей.

– Давай выпьем! Знаешь, в бою я смелых видел, рубятся, смерти не боясь. А вот чтобы боярину или князю перечить – впервые! Тут не только смелость нужна – силу ты за собой чувствуешь. Только не пойму какую.

Боярин разлил вино по кубкам:

– Ну – со знакомством.

– Мы еще вчера познакомились.

– Со знакомством! – с нажимом сказал боярин. И выпил кубок.

Андрей выпил тоже. Вино было фряжским, от генуэзских купцов, которые обосновались в Крыму. Неплохое вино, сладковатое, вроде муската.

– Вот жизнь! Не знаешь, на кого опереться, кто предаст!

– В жизни всегда так, – философски заметил Андрей.

– Что ты о жизни знаешь? Там подешевле купил, здесь подороже продал... А у меня о княжестве печаль! Давай выпьем!

Боярин снова разлил вино по кубкам, и они выпили.

– Ну, как тебе вино мое?

– Превосходное!

– Ключник у фряжских купцов две бочки купил!

Вино было приятным, легким на вкус, но кубки были вместительными

– пол-литра, не меньше. Андрей почувствовал, как вино ударило в голову.

– Закусывай, рыбка тоже хороша.

Андрей взялся за рыбу. М-м-м! Копченая, издающая непередаваемый аромат, истекающая нежным жирком, она просто таяла во рту.

– И рыбка хороша, нет слов, – прожевав, похвалил Андрей боярское угощение.

– Ну вот, а ты сразу ссориться! – укорил его боярин.

Андрей вытер руки о полотенце.

– Боярин, ты думаешь, я не понял ничего? Купец и только деньги считать умею? Ты же за спиной князя шашни с Москвой водишь!

Боярин выпучил от удивления глаза. Потом встал, подошел к двери, отворил.

– Ты словами, Андрей, не кидайся. Ключник, шельма эдакая, подслушивать любит.

– Я тебе, боярин, больше скажу. Думаю, что главный сторонник дружбы с Москвой – сам архиепископ, а вместе с ним – и вся Владычная слободка.

– Сам догадался или сказал кто?

– А чего тут непонятного? Митрополит, глава церкви, в Москве. Архиепископ рязанский ему подчиняется. Да и не в этом дело. Церковь сейчас – тот стержень, скелет, если хочешь, который православную Русь объединяет. Каждый князь своего удела хочет, самостоятельности. А вокруг враги: Орда, Литва, – и все норовят земли наши отхватить.

– Истинно глаголишь, продолжай, – боярин перестал есть и пить и весь обратился в слух.

– Гордыню, как ты сказал, боярин, отбросить князьям надо, в один кулак объединиться, тогда и земли свои, и народ защитим. Нас бояться будут, а не мы.

– Я так же мыслю. Похоже – письмо, что в ларце было, ты прочитать успел.

– Нет, боярин. Я успел прочитать только приветствие, что Захарьин пишет. Ну а дальше – догадался. Захарьин – известный московский боярин, и понять, что он хочет, много ума не надо.

– Ой, не скажи! От одной прочитанной фамилии правильные выводы сделать далеко не каждый может. По крайней мере, в городе нашем таких по пальцам одной руки пересчитать можно.

– Только усилия твои, Григорий Акинфиевич, тщетны.

– Как так?! Почто? Ну-ка, разъясни.

– Мирный договор с Москвой, где Иван Федорович Московского князя

Василия Темного старшим братом величает, шесть годков тому подписан.

– Было, – кивнул боярин. – Продолжай, не томи!

– Через два года наш князь передаст на попечение в Москву детей своих – сына Василия и дочь Федосию.

– Не может быть, сказка! Откуда ты можешь будущее знать?

– Пройдет время – сам убедишься.

– А еще?

– В том же году супружница княжеская, Анна, скончается.

– Ох, лихо какое!

– А следом за ней – и сам князь, будучи пострижен в иноки. Могилы их рядом будут, в соборе.

У боярина отвисла челюсть, вылезли из орбит глаза, и Андрей всерьез испугался, что его сейчас хватит удар. Но отошел от неожиданного известия боярин, опрокинул кубок вина, чтобы промочить вмиг пересохшее горло.

– Продолжай, – прошептал.

– Перед смертью Иван Федорович завещал княжество Рязанское Москве. Наместники московские править в Рязанском княжестве будут.

В комнате повисла тишина. Собственно, Андрей сказал все, что смог припомнить из истории. Знал бы он, что сюда попадет, – не вылезал бы из архивов и библиотек.

Боярин пришел в себя:

– Страшны и удивительны слова твои, Андрей. Сбудутся ли только?

– В начале года, когда все случится, посольство к князю прибудет из Вильны, от Василия Хребтовича – с жалобой на рязанских людей за разорение Мценска. После того все и сбудется.

– Ты-то откуда узнал? – боярин впился глазами в Андрея. Но тот глаз не отвел и сказал твердо:

– Видение мне было, ангел во сне явился.

А что он мог еще сказать? И так правдоподобно получилось.

– Еще кому-нибудь о том говорил?

– Нет, тебе первому.

– И молчи, не баламутить народ.

– Сам понимаю. Видение-то мне было полгода как.

Боярин снова разлил вино:

– Такое сегодня узнал – голова кругом идет. Давай за княжество Рязанское, за Русь православную!

Они выпили, и Андрей взялся за рыбу – больно она ему понравилась.

Боярин локоть на стол поставил, на руку голову опустил и сидел так

долго, потом спросил:

– А про меня видения не было?

– Окстись, боярин, видение полгода назад было, а тебя я впервые увидел два дня назад.

– А и правда. Прости, не подумал. Тогда другое: кто тать, кто изменник в доме?

– Скажу. Прохор, служивый твой.

– Прощка?! – взревел боярин. – До смерти велю запороть на конюшне! Я же его, аспида, пригрел! А он за добро вон как отплатил!

– Ночью он ларец взял, когда тебя с пира княжеского в опочивальню помогал заносить. И не бумаги ему твои нужны были, а только деньги.

– У своего боярина украсть! Не знаешь, кому верить! Супружнице, ключнику?

– Думаю, есть и другие преданные тебе люди. Нельзя по одной паршивой овце обо всем стаде судить.

– Верно подметил.

Боярин взял со стола колокольчик и позвонил.

Явился холоп.

– Двух боевых холопов ко мне!

Когда холопы явились в боевом облачении, боярин приказал:

– Прощку-холопа схватить, заковать в железа и ко мне доставить.

Похоже, холопы удивились – сроду в доме боярина не получали они таких приказаний.

А боярин взялся за кувшин:

– Давай еще выпьем!

Они допили последнее вино в кувшине.

В коридоре послышался шум, дверь отворилась, и холопы втолкнули в комнату Прощку, руки которого уже были закованы в кандалы. Тот сразу увидел ларец на столе и рухнул на колени:

– Прости, боярин!

– Ты мне скажи, собака, чего тебе не хватало? Сыт, одет, обут, жалование получаешь, доля в трофеях есть. Это твоя благодарность за мою заботу? Я ведь тебя из деревни, из навоза вытащил! А теперь погляди на себя! В кафтане, порты новые, сапоги...

– Прости, боярин, бес попутал!

– Сколько украл?

– Не знаю, всего одну пригоршню монет вынес.

Боярин подошел, замахнулся и хотел ударить, но сдержался:

– Руки о тебя марасть неохота! На конюшню его, выпороть плетью.

Одежду снять, надеть на него рваньё и отправить назад, в деревню! Пусть навоз за коровами и свиньями убирает!

Орущего о прощении Прошку холопы подхватили под локти и выволокли из горницы.

Андрей поднялся:

– Мне пора, боярин, темнеть скоро будет.

– Славно посидели. А уж сколько я от тебя узнал всего! Только о том – молчок. Думаю, свидимся еще.

Боярин позвонил в колокольчик:

– Запрягите коня, и пусть Степан сам доставит купца домой.

Когда холоп известил, что выезд готов, боярин подошел к Андрею и обнял его:

– Умен ты, парень, не по годам и сметлив. Береги себя!

– Супружнице твоей и детям здоровья и долгие лета.

– Твои слова – да богу в уши. Ступай!

Андрей, провожаемый холопами, вышел.

Когда он подошел к саням, на облучке уже сидел возничий. Вскоре подошел и Степан, за ним – еще холоп, несший что-то, завернутое в холстину.

– Трогай!

Сани выехали со двора.

– Я рад, что ты с боярином нашел общий язык, – сказал Степан, обращаясь к Андрею. – Давно я его в таком настроении не видел.

– Да, пообщались. Неплохой мужик оказался.

– Ты что? Мужики в деревне, а он муж.

– Не так сказал, прости.

Они въехали на улицу, где жил Андрей, подъехали к его дому.

– Стой!

Сани замерли у ворот. Андрей ловко выскочил, а Степан замешкался. Андрей уже было взялся за ручку калитки, но ключник остановил его:

– Погоди, купец, еще не все.

Степан достал из саней груз в холстине:

– Это тебе, от боярина.

Андрей куражиться не стал и принял подарок.

Сев в сани, Степан укатил.

Андрей отпер калитку и вошел во двор. Ногой толкнул дверь в дом:

– Полина, подарок боярский возьми, а я разденусь.

Жена взяла у него из рук груз и поставила его на лавку.

– Тяжелое. Что это?

– Не знаю, сам еще не видел.

Андрей скинул тулуп и валенки, подошел к лавке и развернул тряпицу. Ба! Перед ним стоял ларец. Тот самый, что он нашел, – вот и отметины от топора.

Андрей откинул крышку, и любопытная Полина сразу в него заглянула:

– Андрюша, да тут деньги! Много!

Андрей перевернул ларец над столом. Зазвенели монеты. Он сгреб их в кучу:

– Считай.

Чего-чего, а уж деньги женщины считать любят и умеют! Пальчики Полины так и мелькали.

– Тринадцать рублей! – подвела она итог.

– За два дня заработал, да еще с боярином Олтуфьевым знакомство свел, – похвастал Андрей.

– Есть иди, проголодался, наверное! – Полина обняла Андрея. – Ой, да от тебя вином пахнет!

– Боярин фряжским угощал.

– Вкусное?

– Приятное. Целый кувшин выпили.

– А за что он тебе деньги дал? Уж больно изрядно!

– Много будешь знать, скоро состаришься! – пошутил Андрей и легонько щелкнул ее по носу.

Андрей поел с аппетитом. Известное дело – вино пробуждает желание поесть.

После, в постели, когда Полина уснула после любовных утех, Андрей долго раздумывал. После неудачной ходки в Коломну он приуныл, а потом неожиданно повезло. Хоть бросай торговые дела и становись частным сыщиком. Но в этот раз ему повезло: мозги включил, анализировал. Однако удачу и везение тоже нельзя со счетов сбрасывать – они были на его стороне. Но так может быть не всегда. Предсказаниями заняться? На костях гадать, на картах... Так ведь церковь против, что произойдет в будущем – один Господь знает. Вот и выходит – крест свой дальше нести надо.

Утром он поднялся бодрый, поел и сразу направился к своему дому, где была конюшня. Там уже хлопотал Михаил. Лошадь была накормлена и вычищена.

– Доброго утречка, хозяин! Что прикажешь?

– Людей набирать надо, коней покупать. Сергея и Пантелея жалко, но жизнь продолжается.

– Верно.

Людей долго набирать не пришлось – Михаил нашел их в этот же день среди своих знакомых. «Все люди проверенные, не подведут, – заверил он Андрея. – И коней любят».

Взяли четверых – в прошлую езду Андрей понял, что обоз должен быть больше. Еще пришлось покупать сани. А коней Михаил и новые ездовые выбирали.

Андрей меж тем спрос изучал. Мало товар привезти – надо, чтобы он востребован был, чтобы купили быстро. Деньги в торговле должны крутиться, иначе прогоришь.

Несколько дней он вместе с Михаилом, возившим его на санях, объезжал старшин с ремесленных слободок. Беседовал уважительно, расспрашивал – что надо? Он помнил выгодную сделку с рыбаками, когда продал им большую партию соли.

И сейчас такие товары нашлись. Медники бы взяли листы меди, причем много. Только где их взять? На ярмарке в Коломне Андрей их не видел. Листовую медь привозили в Великий Новгород шведы на кораблях. Но до Новгорода далеко, туда на корабле по теплу сходить можно.

Визиты к старшинам принесли пользу: златокузнецы, как называли ювелиров, заказали Андрею необработанный янтарь и олово в слитках.

И к выбору товара для распродажи или обмена в Коломне Андрей на этот раз подошел серьезнее. Понятно, что воск и мед тоже купят. Однако же в княжестве Рязанском и другие диковины есть, на которые покупатели охочи. Цветное кружевное плетение из Михайлова набрал – на двое саней. Взял еще стеклянных бус, кои из Персии привозили. Еще соболей три мешка – зимой у них мех самый лучший.

Безопасности внимание уделил. Кроме топоров – дров на костер нарубить, оборониться в ближнем бою, сулицы на все сани взял. Короткое такое копье, размером в рост человека. И обороняться можно, и метнуть в недалекую цель. Прятать его удобно: положил вдоль саней у борта, прикрыл рогожей – вроде и нет ничего.

Через несколько дней выехали.

Однако уже к вечеру Андрей понял, что у большого обоза свои минусы есть. Не только разместить людей и лошадей более хлопотно – это понятно, так обоз еще на ходу растягивался: то упряжь подтянуть кому-то надо – ослабилась, то рогожа с груза сползла.

– Нет, мужики, так не пойдет! – заявил он на первой же стоянке, сидя за столом в трапезной. – Отныне держаться всем ближе, кучно. Мои сани последними идут, все на виду будут.

Через седмицу они вполне благополучно прибыли в Коломну. Конечно, верхами было бы куда быстрее, но лошадь с санями за день проходила не более двадцати – двадцати пяти верст, а на телегах – и того меньше. Летом дорога вверх-вниз ныряет, трясет на кочках, за колесами присмотр нужен: то спица сломается, то обод лопнет, то чека вылетит. Сани куда удобнее: ломаться нечему, и дорога по льду гладкая, скорость выше.

К его радости, михайловские цветные кружева новгородцы тут же обменяли на янтарь. Кружева еще в Вологде плели, но они всегда были только белые, и рисунок другой.

Две подводы он загрузил оловом. Металл в слитках тяжелый, а на санях его и не видно почти, вроде как пустые.

Стеклянные бусы тоже быстро купили. А вот с соболями два дня стоял. Не один он мягкую рухлядь привез, конкуренты не дремали. К тому же соболиный мех – не заячий дешевый, не каждый купит. Этот мех, как и горностаевый, – для богатых.

Еще воска он брал, одни сани, и его понемногу, да разобрали. Купцов заморских ноне мало было, наверное, зима и морозы русские испугали.

Узнав, что он из Переяславля, подходили и спрашивали ловчих соколов. Андрей удивился, но оказалось – в княжестве и такие есть.

За пять дней он распродал свой товар и купил на обратную дорогу. Утром шестого тронулись в обратный путь.

Пять дней ехали спокойно и даже расслабились: по своей, рязанской земле уже ехали. Как вдруг из-за поворота реки, из русла замерзшего ручья на реку выскочила разбойничья ватажка. Одеты они были в рваньё, зипуны рваные, на обросших волосьями головах – заячьи треухи.

Они сразу рванули к передним саням – лошадь остановить. Мужики схватились за сулицы. Оружие привычное, как татары или литвины нападали, с таким в ополчение шли.

Андрей достал из-под меховой шкуры ружье и зарядил его. Разбойников он вначале всерьез не принял – это не литвины, напавшие на него в прошлый раз. У тех кони, сапоги, одежда добротная, а эти – голодранцы. Но действительность оказалась хуже.

Предводитель ватажки оказался мужиком огромного роста и силы немереной. Как понял Андрей, вся разбойничья ватажка на нем держалась.

Один из разбойников схватил под уздцы первую из лошадей обоза и тут же упал, получив удар сулицей в живот. Возничий схватился за топор, но к нему подскочил предводитель и ударил по голове здоровенной дубиной, утыканной железными шипами. Ездовой упал замертво, а разбойники уже бежали ко вторым саням.

Андрей выскочил из саней и бросился в голову обоза.

– Все ко мне! – прокричал он.

Атаман разбойничий тоже смекнул, кто в обозе главный, и побежал навстречу Андрею, размахивая своей страшной дубиной. Андрей вскинул ружье, навел его на разбойника и нажал на спуск. Ба-бах! От неожиданного грохота все замерли. Предводитель же, получив тридцать шесть граммов картечи в грудь, упал.

Но потеря атамана не остановила разбойников. Они воинственно заорали и кинулись к обозникам.

Андрей подгадал момент, когда два разбойника оказались рядом, и выстрелил. Картечь – не пуля, у нее разброс большой, и потому он тяжело ранил обоих. Еще одного убил сулицей ездовой, ловко насадив на нее нападавшего. Другого свалил с ног Михаил. Кнутом он подсек разбойнику ноги, а когда тот, взыв, упал, зарубил его топором.

Разбойники, потеряв сразу несколько человек и почувствовав перед собой силу, повернули назад.

– Стоять! – закричал Андрей. Он быстро перезарядил ружье и сделал два прицельных выстрела. Еще два тела остались лежать на льду, но трое оставшихся только поддали ходу.

Андрей было кинулся перезаряжать ружье, да передумал. До разбойников уже полсотни метров, и расстояние с каждой секундой увеличивается, он только драгоценный патрон попусту переведет.

– Еще потери есть?

У обозников был только один убитый.

– Собрать оружие – свое и чужое, – распорядился Андрей.

Свои сулицы обозники оттерли от крови и положили в сани. У разбойников и брать было нечего: палицы, дубины и ножи из скверного железа.

– Бросьте все. Пусть проезжающие видят, что злодеи получили по заслугам.

Труп ездового положили на груз в сани, а его лошадь поставили второй, привязав уздой к задку передних саней. Ехать недалеко, вполне доберутся.

И добрались, еле взобравшись по скользкому склону. Лошадей завели в конюшню – они заслужили отдых, а двоих ездовых оставили на охране до утра. Вечер уже, лавки закрыты, разгружать некуда. Но и бросить товар на санях без сторожей нельзя, лихие люди найдутся.

Утром Андрей поехал с Михаилом к златокузнецам – оптом продал и янтарный камень и олово. Надо же, еще и полдня нет, а у него уже трое

саней пустые, а кошель полон денег. Всегда бы так!

Последние сани он разгрузил в своих лавках, разойдется понемногу.

До вечера Андрей занимался делами – они не могли быть отложены, зато на следующий день дал себе и ездовым отдых. Он попарился в бане, отоспался.

А утром у ворот его уже ждал Михаил. Цветные кружева для поездки Андрей покупал на городском торгу, теперь же он решил съездить в Михайлов, купить товар у ремесленников – дешевле выйдет. Да и груз легкий, в одних санях поместится.

Дул ветерок, мел порошу. Тучи низко висели, грозя обрушиться снегопадом. Однако кто из русских снега боится?

Путь не по реке шел, но тракт накатанный. По тем временам Михайлов город совсем не маленький, на санном пути попадались попутные и встречные одиночные сани и обозы.

Снег пошел, с каждой минутой становясь все сильнее. Вскоре встречных не стало, путь был виден всего метрах в десяти перед мерином. Потом Михаил и вовсе остановил лошадь.

– Хозяин, назад бы повернуть надо, санный путь едва виден.

Молод был Андрей, горяч, мало его жизнь учила.

– Езжай. Одеты мы тепло, не замерзнем, а путь кое-где виден еще.

Ветер усиливался, мороз крепчал. Начиналась настоящая снежная буря, буран. Повернуть бы, по своим следам вернуться...

Дорога свернула в лес. Тут ветер стал потише, и накатанный путь виден. Но лес шумел, гнулись верхушки деревьев.

Они проехали лес, и оказалось, что впереди сугробы по пояс, мерин в них по брюхо вязнет и сани влачить за собой не в силах. Только тут до Андрея дошло, что дело серьезное и может обернуться плохо.

– Михаил, поворачивай назад, домой едем.

Они кое-как развернулись и направились назад. По лесу еще проехали, а как на опушку леса выбрались, увидели: впереди снежная пелена, и никаких следов санного пути. Одно белое снежное поле, и ничего не видно. Похоже, застряли они тут.

Андрей в душе стал сам себя корить.

– Ничего, хуже бывало! – успокоил его Михаил.

Он вытащил топор, утопая в снегу едва ли не по пояс, прошел в лес и срубил несколько сухостоин. С трудом развели костер. Михаил распряг мерина, дал ему сена из подстилки на санях, которая лежала под медвежьей шкурой, попоной суконной укрыл, от холода спасая. Когда конь бежит, он не замерзнет, а вот в неподвижности легкие простудить может, не работяга

он тогда.

Сухостоины прогорели быстро, и Михаил еще дважды ходил в лес за дровами. Потом начало смеркаться. День был серый, солнца за снегопадом не было видно, и вечер наступил раньше обычного. Если бы не костер – совсем хана! Рядом с ним и тепло, и свет есть.

В лесу завывали волки. Андрей хоть и охотник, но живых волков только в зоопарке видел. Он выдернул ружье из-под медвежьей шкуры, зарядил его и повесил на плечо. Мерин насторожился, перестал есть сено и начал прядать ушами.

– Волки близко, мерин их учуял. Нападут! – с тревогой заметил Михаил. Он тоже взял в руки сулицу.

А волчий вой, от которого кровь стынет в жилах, становился все ближе. И судя по голосам, волков стало больше. Голодно зверям в лесу зимой, а здесь еда сама пришла.

Волки тоже учуяли коня, во тьме появлялись и исчезали зеленые волчьи глаза.

Стая окружила вынужденную стоянку. Устав ждать, почуяв свою силу, волки кинулись к бивуаку.

Андрей вскинул ружье и выстрелил в вожака. Тот рухнул в снег, совсем немного не добежав до саней. Остальные шарахнулись в сторону от резкого и необычного звука.

На время вой волков смолк. Но они не ушли, за деревьями лютой ненавистью светились зеленые волчьи глаза.

Хуже оказалось другое – стал прогорать костер. Так волки хотя бы огня боялись, а погаснет костер – быть беде. Нападут с нескольких сторон и сожрут не только коня, но и их самих.

– Михаил, руби сани, бросай в костер!

В ход пошло все. Дерево у саней сухое, горело ярко. Только подбрасывали в костер их понемногу, чтобы горел не сильно – руки согреть и зверей отпугнуть.

Ветер не успокаивался, но снег идти перестал. Видимость улучшилась, но луна была за тучами. Выглянула бы – стало бы светлее, и время узнать можно было бы. Для них сейчас это важно. Утро раньше настанет, или сани закончатся, а с ними и костер погаснет.

Михаил и Андрей встали спина к спине – так теплее и обзор лучше. Чужая опасность, к ним жался мерин.

Однако голод и жратва, которая была совсем рядом, толкнули волков вперед. Они кинулись с нескольких сторон как по команде.

Андрей выстрелил, успел перезарядить ружье, поймал летящую на

него тень и снова выстрелил. Рядом сначала работал хлыстом Михаил, потом он стал отбиваться сулицей.

Внезапно Андрей услышал его крик. Он обернулся и увидел – волк вцепился Михаилу в ногу. Выстрелив серому в грудь, он переломил ружье, чтобы перезарядить его, и в этот момент другой волк прыгнул на него самого. Он попытался вцепиться в шею, но Андрея защитил поднятый воротник тулупа.

Андрей выронил ружье, выхватил нож из ножен и несколько раз ударил им волка в брюхо. Тот свалился, суча ногами, но в валенок вцепился зубами еще один. Андрей ударил его сверху в шею и с потягом выдернул нож, расширяя рану.

Рядом раздался хрип. Андрей в испуге обернулся – не дай бог, волки уже грызут Михаила. Однако они завалили коня и рвали его на части. Да сколько же их, не меньше чем десяток!

Андрей подобрал ружье, вогнал в ствол два патрона и выстрелил дуплетом. Нескольких серых он убил, другие же отбежали, облизываясь и скаля зубы.

– Бросай остатки саней в костер!

Михаил швырнул в огонь остатки оглоблей.

– Ты чего одной рукой? – заметил Андрей его движения.

– Руку прокусили. Тулуп спас, иначе и руку бы оторвали.

Андрей пошарил по патронташу, но в нем осталось всего четыре патрона. По коже пробежал мороз. Он знал, что не вечен, он готов был сложить голову в бою с татарами, в драке с разбойниками – но чтобы быть съеденным волками? Такое даже в страшном сне не могло привидеться.

Однако запах свежей крови манил волков, и некоторые из них уже успели отхватить от мерина по куску. Звери зашли с другой стороны, где не горел костер, и кинулись на зарезанного ими коня.

Андрей и Михаил, стоя рядом, смотрели на страшное пиршество, не вмешиваясь. Может – нажрут и уйдут? Но оружие держали наготове. Впрочем, от всей стаи все равно не отбиться, волков слишком много.

Волки обглодали коня до костей меньше чем за час, оставив от него лишь скелет да копыта. Даже кровь со снега слизали и, рыча, ушли.

Андрей и Михаил облегченно вздохнули.

Меж тем небо на востоке стало сереть.

– Неужели до утра дожили? – ни к кому не обращаясь, спросил Михаил.

– Костер совсем прогорел, только угли тлеют; скоро и они погаснут. Прости меня, Михаил! Все дурь моя! Чуть не погубил всех, тебя не

послушав.

– Бог простит, и я прощаю, – ответил ему Михаил.

Взошло солнце. Его первые лучи осветили поляну, и даже не верилось, что ночью тут разыгралась драма, о которой напоминал лишь обглоданный волками скелет мерина. От саней ничего не осталось, даже шкуру медвежью волки утащили. Чудом Андрей и Михаил избежали смерти.

– Стоять будем или пойдем? – спросил Андрей.

– Пойдем, все теплее будет. Может, к деревне какой выйдем.

В чистом поле снега полно. Андрей и Михаил шли след в след, меняя друг друга, экономя энергию – эта ночь и так выжала из них все силы.

К полудню они вышли к деревушке в три избенки. Из труб курился дымок, но вокруг на снегу не было никаких следов – хозяева пережидали в избах непогоду. Смерть прошла рядом в очередной раз, добавив жизненного опыта.

Глава 9. Наемный убийца

Пару недель и Михаил и Андрей сидели дома, лечились. У них были обморожены кисти рук, лица, имелись укусы на ногах, а у Михаила – глубокая рваная рана на левом предплечье. В общем, беспечность Андрея вышла им боком.

Когда сошли коросты на руках и лице, Андрей стал выбираться на улицу – до того момента было стыдно показываться, людей своим видом пугать. Полина мазала обмороженные места барсучьим жиром и еще чем-то. Советовали к лекарю сходить, да Андрей отмахнулся:

– Ран нет, зажили, а обморожение само пройдет, не я один такой.

Действительно, в тот день, когда случился буран, не один Андрей пострадал. Тех, кого непогода застала в пути, нашли насмерть замерзшими, а от кого и вовсе – только кости и обрывки одежды. Волков в лесах очень много было.

После выздоровления Андрей ходил в церковь, свечи перед святыми образами поставил за свое чудесное спасение и подношение храму сделал.

Он ходил по улицам и радовался жизни. После пережитого ужаса жизнь по-другому воспринималась: краски были более яркими, запахи – более насыщенными.

Потом он зашел к Михаилу – проведать. Тот уже ходил по избе, но рана на руке гноилась, заживала плохо.

– Ты мох сушенный к ране прикладывай, помогает, – посоветовал ему Андрей. – На торгу знахари продают. – И оставил денег на лечение: он виноват – ему и платить.

Пока Михаил работать не мог, вместе с другими ездовыми Андрей купил нового коня, сани для выезда и теперь вместе с Егором ездил по делам.

В один из дней Полина обрадовала его:

– Задержка у меня, похоже – ребеночек у нас будет.

– Пора! – обрадовался Андрей. – Без ребенка какая семья? Наследник нужен.

– А если девочка родится?

– Дальше будем пробовать.

– Да ну тебя, скажешь тоже... – А сама зарделась.

Как-то раз Андрея нагнали на улице сани, стали обгонять.

– О! Андрей! Остановись!

Егор остановил лошадь. Из других саней важно вылез боярин Олтуфьев. Они обнялись, поздоровались.

– Слухи до меня дошли – в беду ты попал, чуть волки не съели.

– Да, едва отбились, а коня волки задрали. Сани в огонь пошли.

– Сани и коня не жалею, главное – сам жив остался. Такую голову беречь надо. А что у тебя на щеках?

– Поморозился, не отошло еще. А у тебя как дела, как семья?

– Лучше некуда! Прибавления в семействе жду, семья на сносях. Ну – бывай здоров. Посидеть бы с тобой, вина попить, побеседовать не спеша, да в делах погряз.

С этими словами боярин уселся в сани и уехал.

«А ведь едва смертельными врагами не стали, – думал Андрей, глядя ему вслед. – Вспылили оба, гордость разыграла, выдержки не хватило».

Он ехал домой, испытывая в душе какое-то странное чувство, вроде бы он забыл о чем-то.

– Полина, какой сегодня день?

– Пятое февраля!

Точно, у него же сегодня день рождения! Все даты напрочь вылетели у него из головы. Не отмечали здесь дни рождения. Годы только считали, да и то по летам. Не сколько зим прожил, а сколько лет. Да это и понятно – теплое время года.

– Зови Авдотью, отметить надо.

– А что приключилось, разве праздник сегодня?

– День ангела у меня.

Удивилась Полина, но распоряжение дала.

Они посидели за обильным столом – Андрей и Полина. Поели, Андрей выпил немного вина, Полина отказалась. Попели песни. Андрей замолчал иногда, вспоминая свои прежние дни рождения, когда приходили друзья, родители, он получал подарки, было застолье, звучала веселая музыка.

Ему стало грустно. Здесь он освоился, избу купил, нашел возможность зарабатывать на кусок хлеба – даже какой-то статус приобрел, уважение. Совершил нечто – женился, прибавление в семействе ждет.

А все равно воспоминания о другой жизни порой накатывают – там остались друзья, родители, уютная квартира и работа. Сложно человеку вначале жить в одном мире и внезапно очутиться в другом. Рушатся все устои, привычки, семейные связи, да и навыки прежние уже не надобны. Как будто жизнь испытывает на прочность – выживешь ли? Судьба ли это, шутка Господа или происки чужих цивилизаций... Иногда ему казалось, что все происходящее – виртуальность, сон. Вот сейчас или игра

закончится, или он проснется, и все будет по-прежнему, он утром поедет на работу на машине. Но утром у его ворот стояли сани с кучером на облучке – игра не заканчивалась уже девять месяцев.

Со временем сны и воспоминания о той, прежней жизни, приходили все реже, и он уже осознал и принял, пусть и не в полной мере, реальность жизни.

Через три недели началась честная Масленица. Андрей проснулся от криков детворы на улице. «Приехала Масленица!» – кричали они.

А с кухни в опочивальню уже доносился запах блинов и скворчание сковороды.

Андрей с Полиной встали.

– Сырную неделю проспите, – незлобиво ворчала на них Авдотья.

Они поели блинов и заторопились на улицу. Дети катались с ледяных горок, строили снежные крепости, бросались снежками.

Взрослые тоже вышли на улицы – принаряженные. Праздник!

На площади у торгова качели поставили, балаган для скоморохов, столы с угощением – горячими пирогами, медовухой, сытом, леденцами для детворы. Народ побогаче раскатывал на санях. Кто из бояр или боярских детей да купцов позадиристей на льду реки гонки на санях устраивали, бахвалясь резвостью своих рысаков и своей удалей. Простолюдины смотрели на разные развлечения: лазание на столб за призом, новыми сапогами. И вроде просто на столб ошкуренный залезть, только хитрованы-устроители вечером его водой окатили. Льда не видно, а столб скользкий. Другие подушками пуховыми на доске дрались.

А уж после полудня народ на берег повалил, кулачные бои смотреть, забаву любимую, где удалые бойцы из разных слободок силою мерились. Подвыпил народ – не без того, песни горланили. И всю неделю – гуляния, пьянство да обжорство.

В Страстное воскресенье при большом стечении народа чучело Масленицы сожгли, и начался Великий пост. Теперь семь недель нельзя было вкушать скоромное, петь песни и веселиться.

Для купцов же и путешествующих начиналось тяжелое время. Снег под солнцем оседал, наливался водой и таял. За ночь подмораживало, и можно было на санях ездить, а днем, особенно после полудня – беда. Полозья проваливались в мокрый снег, лошадь надрывалась. Лед на реках кое-где был еще крепким, но и он местами потемнел, а к вечеру на его поверхности лужицы образовывались. Санные обозы еще ходили по льду, но уже стереглись. Только по старым следам ездили или верхового вперед посылали – промоину углядеть.

Но лед оказался коварнее, лужи на льду маскировали промоины и полыньи. И когда первая лошадь из обоза въехала в такую лужу, то сразу провалилась. Хорошо – ездовой проворен оказался. Пока лошадь билась в полынье, он выхватил топор, обрубил постромки и освободил лошадь от саней. Та в испуге била копытами по кромке льда.

Под передние ноги лошади удалось завести вожжи, и совместными усилиями бедную животину вытащили из воды. Вода стекала с коня потоками и тут же замерзала, образуя на гриве и хвосте маленькие сосульки.

Посмотрев на происшествие, Андрей подумал и повернул обоз назад. Обидно, конечно, назад возвращаться, но люди и кони дороже. Тем более что тем же путем возвращаться придется, а за это время солнце еще больше лед подтопит. Особенно опасно было на берег выбираться – лед здесь самый тонкий и ненадежный. Пришлось ему набираться терпения до начала ледохода.

И он не заставил себя ждать. Через пару недель лед вздулся, и даже самые отчаянные ухари не рисковали выезжать на него.

Ночью Андрей проснулся от грохота. Спросонья не понял, сел в постели – неужели гром? Пушкам ведь неоткуда взяться.

Полина повернулась на бок, зевнула:

– Ты чего вскочил? Лед на реке ломается, грохочет – разве не слышал никогда? Спи!

А он и в самом деле не слышал. Но успокоился, уснул. Теперь ни с обозами пройти, ни на судне, считай – полная транспортная блокада. Молодцы римляне, они еще в древности свои дороги камнем вымостили, и в любую непогоду в отдаленные уголки империи добраться можно было. На совесть делали, многие дороги и в двадцать первом веке служат в первозданном виде. В России же до сих пор асфальт во многих городах – как после бомбежки.

В Переяславле улицы в центре и во многих слободках деревом вымощены. Короткие дубовые чурки плотно друг к другу вбивали в землю. Получалось нечто похожее на булыжную мостовую. Такие мостовые еще при Олеге Ивановиче, радетеле земли Рязанской, делали, но дуб от времени и сырости только крепче становился. По обочинам проезжей части шли сплошные канавы, стекая в Трубеж с возвышенности, на которой стоял город. Умно было сделано, рачительно.

На окраинах, в посадах и ремесленных слободках похуже было: грязновато, и дороги не везде вымощены. А уж во дворах – кто как мог изгалялся. Богатые дворы деревянными плашками мостили, а бедные –

соломой устилали, дабы в грязи не утонуть или чтобы обувь с ноги не соскочила.

Колокола церкви зазвонили, извещая о заутренней молитве.

Андрей сходил в храм, поставил свечи. Назад шел не спеша, предвкушая постные щи и кашу – в церковь сытыми не ходят.

Вдруг сзади раздались энергичные мужские шаги – человек явно торопился. Вот он поравнялся с Андреем:

– Ты не Андрей ли купец будешь?

– Он самый.

Андрей остановился. Мало ли что незнакомцу надо, может – насчет товара договориться. Однако мужчина имел другие намерения. Он сделал резкий выпад левой рукой и побежал в сторону.

Андрей в этот момент был расслаблен, после молитвы в храме находился в благостном расположении духа. Он почувствовал резкую боль в животе, по коже потекло что-то горячее. Опустив голову вниз, увидел: из живота, пробив шубу, торчала рукоять ножа. Он еще успел удивиться – кто и за что его ударил – и вытащить окровавленный нож, как вдруг накатила резкая слабость, ноги сделались ватными, закружилась голова, и Андрей упал на деревянные плашки мостовой. «Все, абзац!» – мелькнуло в голове.

Но понемногу слабость уходила, голова перестала кружиться, зрение стало четким. Он оперся на руки, сел.

– Пост Великий, а он напился! – осуждающе покачала головой проходящая мимо женщина.

Андрей не ответил – не до того было. Кое-как он поднялся. Его качало, и со стороны и впрямь могло показаться, что он пьяный.

Он подошел к забору, оперся и увидел, что в руке по-прежнему сжимает окровавленный нож. Надо же, не выпустил в беспамятстве, не уронил на мостовую.

Андрей распахнул шубу. На кафтане под ней – кровавое пятно, но кровь уже не текла, свернулась. Он сунул нож за пояс. Странного вида нож, но не до него сейчас, потом разберется. Постояв так немного, он пришел в себя, отдохнул и почувствовал, что появились силы.

Домой в таком виде идти было нельзя, Полину испугать можно, а она беременная. И Андрей направился к своему, им купленному дому – там сейчас ездовые у лошади хлопотали. В пути лошадь или в конюшне отдыхает, а кормить-поить ее надо, щеткой чистить, денники убирать.

Встревоженный видом Андрея, Михаил подошел сразу:

– Ты чего такой бледный, хозяин?

– Идем в избу.

Михаил помог ему снять шубу, увидел окровавленный кафтан и ахнул:

– Кто это тебя так? К лекарю надо!

– Знать бы кто! Но ничего, найду! Помоги раздеться.

– Конечно.

Михаил помог Андрею снять кафтан, рубашку. Живот был в крови, но кровь подсохла коркой и больше не текла.

– Воды принеси и тряпицу чистую, – попросил Андрей.

Они осторожно смыли кровь и с удивлением обнаружили, что под ней не было никакой раны. Сразу вспомнил Андрей волхва и то, как он резанул ему руку ножом – ведь на глазах затянулась рана. Наверное, и сейчас так.

– Рана-то где, не вижу что-то, – посетовал Михаил.

– Ты вот что, Михаил. Иди на торг, рубаху и кафтан новые мне купи, точно такие же. А то как я домой в непотребном виде заявлюсь?

– Чудак-человек! Его ранили, а он об одежде печется!

Но взял деньги и ушел. А Андрей отмыл в воде нож и стал его разглядывать. Оказалось, что это вовсе не нож, а стилет. Лезвие четырехгранное, резать им ничего нельзя, только колющие удары наносить. Настоящее оружие убийцы!

Странность была в другом. Стилеты пользовались популярностью у европейских рыцарей, и появились они одновременно с появлением кованых лат. Их назначением было – колоть между лат, в сочленения, в уязвимые места. На Руси такой нож почти не встречался.

В Европе стилеты носили наемные убийцы. Нож можно было незаметно спрятать в рукаве, и пользоваться им было удобно. К тому его лезвие часто было отравленным – для большего эффекта. Любили его за это в Италии и Франции, а также слуги папского престола – для устранения неугодных. И потому более чем странно – Русь, стилет, наемный убийца, да еще и левша.

За разглядыванием стилета его и застал Михаил, вернувшийся с покупками:

– Это что у тебя за нож такой? – удивился он, увидев стилет в руках у Андрея.

– Им меня убить пытались! Но о том – никому! Это мое дело и ничье больше.

– Кому-то ты дорогу перешел!

– Понятное дело! Но только не могу понять – кому?

– Да тем же купцам городским!

– Не похоже. Ладно, давай одеваться.

Андрей надел новую рубашку, кафтан. Слишком новыми они выглядят,

Полина увидит – насторожится, вопросы задавать будет. Но похожи на старые, залитые его кровью. На шубе только дырка маленькая, не видно совсем, но подкладка в крови. Подкладку Михаил замыл водой и повесил шубу к печи, изнанкой навыворот – подсушиться.

А у Андрея из головы не выходило покушение. Убийца просто не знал, что раны у Андрея быстро затягиваются – качество это он приобрел при переносе из своего времени. А удар был точный, смертельный, даже – профессиональный. Простой смертный уже концы отдал бы там же, на деревянной мостовой. В голове билось – кто? Узнать и покарать убийцу и заказчика, отомстить! Кровь за кровь, или, как говорили римляне, око за око. Может, не по-христиански это, но прощать обидчика Андрей не думал. Подставить вторую щеку? Не дождетесь! Мужичонка, который его стилетом ударил, слишком невзрачен – исполнитель, не более, стоит за ним кто-то. Лицо его Андрей запомнил, хоть и видел секунду, и может сказать точно – он с ним не встречался никогда. Если бы встречался, убийца не спрашивал бы у него, не уточнял – Андрей ли он?

Скорее всего, на Андрея показали пальцем при выходе из церкви. Кто показал? Андрей начал припоминать, кого он видел. Но слишком благостно он был настроен после заутрени, в себя ушел. Стояли какие-то люди у выхода, но знакомых там лиц не было.

Андрей начал копаться в памяти, кому он мог насолить. Савельевна, бабка, которую он посадил в поруб, зла на него – но чтобы убийцу подослать? Ума не хватит, слишком тонко придумано. Вдовец, у которого в подвале невольники сидели? Так его Васька-гридень ударом ноги в голову убил. Получается, мстить некому. Но и просто так на убийство не решаются. У заказчика явно деньги есть, об этом и стилет говорит. Штука явно заморская, хорошей стали, стоит недешево. Обычный грабитель кистень бы использовал или дубину, а в довершение всего еще и кошель с пояса срезал бы. Этого же кошель не интересовал, хотя он и висел у Андрея под шубой, на поясе. Если бы заказчик хотел, чтобы убийство Андрея выглядело, как обычный разбой, то убийца оплошал. Или его кто-то спугнул.

Время близилось к вечеру, и надо было идти домой, не то Полина будет беспокоиться. Ведь он как ушел с утра в церковь, так и пропал. Но железо надо ковать, пока оно горячо. И Андрей придумал некий план.

Михаил довезет его в санях к дому и поможет выйти. А потом распушит слух, что Андрей ранен и отлеживается дома. Только надо предупредить Полину и Авдотью, чтобы языки за зубами держали, а интересующимся говорили, что Андрей плох и лежит в постели. Заказчик

убийце хвост накрутит: деньги взял, а дело до конца не довел? Убийца попробует исправить положение и проберется к Андрею в дом. Как говорится, ловля на живца, только живцом будет сам Андрей. Не хотелось Полину волновать, но лучше он женщин в избе предупредит, чем все внезапно произойдет.

Он объяснил Михаилу задумку.

– Ой, хозяин, рискованно! – только и смог сказать тот, восхищенный смелостью Андрея.

– Я после внезапного нападения выжил, а если готов буду – тем более.

Михаил покачал головой, но хозяин – барин, его указания выполнять надо. Наблюдатель или соседи должны видеть, что Андрей ранен.

В санях Андрей ехал лежа, но так, чтобы было видно его лицо. Прохожие внимания не обращали, мало ли – купца подгулявшего домой везут.

У ворот Михаил остановил сани и помог Андрею выйти. Тот обхватил Михаила за шею рукой и почти повис на нем, изображая совершенно ослабевшего. Так он едва доковылял до ворот. Но когда они зашли во двор, Андрей выпрямился и пошел сам, Михаилу же напомнил:

– Слух распусти, и хорошо бы на торгу это сделать.

– Сделаю все, как велишь. Ну и здоров ты, однако, шею мне намял – чистый медведь.

– Зато похоже получилось.

Полина встретила его с укором:

– Утром ушел в церковь и пропал! Друзей встретил? – А сама принимает. – Пил?

– Трезвый я, – устало отмахнулся Андрей, – делом занимался.

Он разделся и прошел в трапезную.

– Авдотью позови.

– Обед остыл, сейчас она подогреет.

– Зови, потом обедать будем.

Андрей уже пришел в себя после ранения, слабость прошла, и чувствовал он себя относительно неплохо. Только живот в области ранения немного побаливал.

– Вот что, бабы! Мне для дела надо, чтобы в городе думали, будто я болен. Несколько дней на улицу выходить не буду. Слухи разные про меня Михаил по моей просьбе распускать будет – что вроде ранен я и едва ли не при смерти. Сами не верьте – вот я перед вами, живой. Но всем, кто спрашивать обо мне будет, слухи подтверждайте. Ясно ли?

Женщины дружно кивнули. Распоряжения Андрея были иногда

чудными, странными, но всегда шли семье на пользу. Надо так надо, будем говорить.

Андрей поел с аппетитом – все-таки голоден был, с утра крошки хлебной во рту не держал. Все выпались, и Авдотья ушла с утра на торг за продуктами. Вернулась возбужденная:

– Ой, что на торгу бают! На Андрея вчера вроде разбойники напали, сам он при смерти лежит, и даже батюшка из церкви к нему приходил!

– А ты?

– Сказала, что животом мается, лежит. А про батюшку – брехня.

– Вот и молодец, так и впредь отвечай.

Немного позже пришла сердобольная соседка, принесла лечебных трав «от живота». К Андрею в комнату Полина ее не пустила, говорили они в трапезной, но Андрей разговор слышал, зажимая себе рот, чтобы не рассмеяться. Однако вечером он сунул себе под подушку пистолет. В нем один патрон, но стрелять он будет почти в упор и не промахнется. Подумав, рядом с пистолетом положил и нож без ножен.

– Полинушка, ты бы в комнате с Авдотьей спать легла. Если все пойдет, как я задумал, сегодня или завтра к нам в дом незваный ночной гость нагрянет.

– Тать? – испугалась Полина.

– Вроде того. Я ему нужен, не вы.

– Ой, боюсь я.

– Я здесь, в доме, буду – чего тебе бояться? Спи спокойно.

Впервые после свадьбы они спали в одной избе, но в разных комнатах. Вернее, спала Полина, Андрей же всю ночь глаз не смыкал, прислушиваясь к каждому шороху на улице. Лишь утром, когда забрезжил рассвет, напряжение спало. Значит, завтра.

Он придремал, слыша сквозь неглубокий сон, как встали женщины и как потом Авдотья сковородками и посудой на кухне гроыхала, а Полина шикала на нее:

– Тише, безрукая, хозяин спит!

Потом Авдотья ушла на торг, и Андрей на некоторое время забылся.

Пробуждение было неприятным – убийца его переиграл. Ночью в чужой дом да без подготовки лезть рискованно – темно, не видно ничего. Домочадцы крик поднимут, соседи прибежать могут.

И убийца поступил проще. Когда Авдотья с покупками, держа в руках корзины с провизией, возвращалась с торга, он вошел за ней в калитку. Подстерег, рядом с воротами ожидаючи, изображая прохожего. Авдотья ругаться было с ним начала, да он ей нож к горлу приставил:

– Нишкни, не то, как куренка, зарежу! Хозяин где?

– В постели, спит.

У Авдотьи от страха подкашивались ноги, и за хозяина душа болела. День ведь, он спит, а тут этот с ножом. По виду не скажешь, что разбойник. И лицо не страшное, приятное даже – кабы не угрозы. Авдотья и хотела бы знак какой-нибудь Андрею подать, да на ум ничего не шло.

– Веди в дом, – приказал незнакомец.

Авдотья отворила дверь в избу и поставила в сенях тяжелые корзины. Незнакомец указал ей на дверь и прошептал:

– Отвори! Где опочивальня купца?

– Прямо. Ой, лишенько!

– Тс! – тать приложил к губам указательный палец.

Авдотья отворила дверь в трапезную, и следом за ней, за ее спиной, туда вошел убийца.

Андрей хоть и спал, но необычный звук услышал. Обычно Авдотья шумно входит, отдувается и сразу бежит на кухню. А сейчас, кроме ее шагов, другие были слышны, причем осторожные. И еще: едва слышно подковки на сапогах цокали. У Авдотьи железных набоек нет.

Андрей сразу вспомнил, что у убийцы, когда тот убежал, тоже подковки о дерево мостовой цокали. Едва слышно было, дерево – не бетон и не асфальт, но все-таки. Как-то выпал у него из памяти этот звук, не придал Андрей ему значения, а вот теперь выплыло.

От этого звука он проснулся сразу, и сердце заколотилось. А вдруг убийца не один? Даже не за себя испугался – за женщин. Но теперь уж и не изменить ничего.

Сунув руку под подушку, он достал пистолет и, зажав его в руке, спрятал под одеяло. Веки прикрыл, притворяясь спящим или больным – это уж кто как расценит.

Убийца таиться уже не стал, отбросил в сторону служанку, сделал три шага и возник на пороге комнаты.

Андрей открыл глаза – вроде только что очнулся.

– Узнал? – ласково улыбнулся ему убийца.

Лицо его было совсем не зверским, улыбка – доброй. Со стороны взглянуть – заботливый родственник пришел проведать больного.

– Узнал, – с трудом, имитируя слабость и немощность, ответил Андрей.

Убийца шагнул в комнату и по-хозяйски уселся на табурет. Андрей искоса посмотрел на его левую руку – в ней был зажат нож.

– Ошибочка вышла, недооценил я тебя. Живучий ты больно! Вот я и

пришел исправить.

– Гад!

– Ну зачем так? У каждого своя работа. Я потом тихо уйду, женщин твоих не трону.

– Зачем? – почти прошептал Андрей.

– Не нравишься ты одному человеку.

– И ты мне.

– Это понятно.

– Кто?

Андрей разговаривал односложно, по-прежнему имитируя полный упадок сил и неспособность оказать сопротивление.

– Тебе какая разница?

Чего убийца время тянет? Или хочет увидеть страх в глазах Андрея? Осознать собственное превосходство, почувствовать себя почти равным богу, могущим отнять чужую жизнь?

– Сколько тебе заплатили?

Убийца как будто ждал этого вопроса:

– Два рубля серебром.

– Я больше дам, уйди с миром.

Но, видимо, убийцу его жертвы так просили уже.

– Сам заберу. Убью тебя и заберу.

– Как имя твоё?

– Иваном-вятичем кличут.

Убийца поднялся с табурета. Медлить было уже нельзя, Андрей помнил, как быстр он в движениях, а от табурета до кровати три шага всего. Он приподнял пистолет и выстрелил – не целясь, из-под одеяла.

Выстрел прозвучал приглушенно. Убийца остановился, удивленно посмотрел, потом побледнел и рухнул на пол.

После выстрела и звука падения тела на кухне завизжали женщины.

Андрей поднялся с кровати, и в этот момент в дверном проеме возникла Полина:

– Андрей!

– Иди к Авдотье, все хорошо!

– А то мы так спужались, просто ужас!

Она перевела взгляд на лежащего убийцу.

– Так это он тать?

– Полина, уйди!

Андрей мягко взял ее за плечи, развернул и подтолкнул к кухне. Потом вытащил из-под подушки боевой нож, отбросил на постель пистолет. Все,

он свое дело сделал, патронов в нем больше нет. А жаль! Сколько раз он его выручал, хорошая машинка!

Ногой Андрей отбросил нож от руки убийцы, ногой же перевернул тело на спину.

Убийца был еще жив, дышал. Пуля попала ему в живот, в печень, и из раны текла темная, почти черная кровь. «Не жилец, минуты считанные ему остались», – определил Андрей. Он наклонился к убийце. С таким ранением и без оружия тот сопротивления уже не окажет. Похлопал убийцу по щекам.

«Киллер», говоря современным языком, на мгновение очнулся.

– Кто меня заказал? Кто приказал убить? – четко и отдельно спросил Андрей.

Убийца смотрел осознанно.

– Страшно... умирать...

– Ты сейчас перед богом предстанешь. Не бери грех на душу, скажи – кто?

– Грехов... на мне... много...

Убийца говорил медленно, каждое слово давалось ему с трудом. Было видно, как с каждым толчком сердца выплескивалась кровь из раны, как уходила жизнь.

– Бо... ярин...

И умер. Черт! Секунды не хватило, он бы назвал имя! Имени он не узнал!

Разочарование Андрея было велико. Он хотел, надеялся захватить раненого, но живого убийцу, которого можно будет допросить. Андрей даже не исключал, что допросит с пристрастием, попытает, но выбив признание; для того и спектакль городил – и все зря. Впрочем, может, и не зря. Какой-то боярин заинтересован в том, чтобы Андрея убрать. Но не Олтуфьев же, не Григорий Пантелеевич! Снова загадка!

Андрей положил на стол нож – на этот раз обычный засапожник. Подавив брезгливость, обыскал убитого. Снял с пояса кошель, открыл. Похоже, здесь деньги за его убийство. А больше ничего – ни письма, ни личных вещей.

Иван-вятич. Не слыхал о таком Андрей. Судя по прозвищу, убийца был из Хлынова, из вятских краев. Да все равно, откуда он, фамилию заказчика не назвал. Месть свершилась, его убийца мертв – но жив заказчик. И как только он узнает о гибели одного подосланного убийцы, то найдет себе другого. И Андрей должен вычислить его и найти раньше, иначе покушение повторится. И не факт, что оно кончится для убийцы неудачей.

Значит, надо землю носом рыть, но найти неизвестного боярина, который хочет его смерти. Только что потом с ним делать? Убить принародно можно, но его самого повесят или четвертуют. Тайно? Еще попробуй в дом боярский войти! Гривни, прислуга, домочадцы – вмиг обнаружат чужого. Нет, он слишком вперед забегают, еще боярин не найден.

Андрей оделся и отправился в свой дом, где находилась конюшня, – к Михаилу. По пути встречал удивленные взгляды знакомых:

– А бают, что болен ты зело, животом маешься?

– Сказки! Вот он я, жив-здоров.

Люди только головой качали:

– Вот и верь после этого бабам!

Михаил, как всегда, был в конюшне. Андрей прошел с ним в свою избу, подальше от лишних ушей.

– Ко мне утром убийца пришел – завершить начатое!

– Обнаглел совсем!

– Как видишь, я живой, а он убит – в доме Полины труп!

– Кажется, я понял. Надо его незаметно вывезти?

– Правильно. Сможешь?

– Обижаешь, хозяин! Едем! – Михаил запряг лошадь в сани.

Они подъехали к дому Полины, загнали упряжку во двор.

– Завернуть бы его во что-то и сверху закидать – сеном или мусором.

Труп обмотали рогожей и погрузили в сани, Авдотья стала замывать кровь. Поверх трупа вилами набросали в сани мусор.

– Только сани испоганили! – сокрушался Михаил.

– А ты их не береги. Как найдешь подходящее место, лошадь выпряги, а сани вместе с телом сожги.

– Даже так? Может, попробовать отмыть?

– Сожги! Я денег дам, завтра новые купишь. Собственно, через неделю сани уже будут не нужны. Снега мало осталось, а скоро и последний стает совсем.

Михаил уселся на облучок и, приняв беспечный вид, уехал.

Андрей зашел в дом. После уборки комнаты ничего не напоминало и не указывало на то, что утром тут разыгралась драма.

– Ох, натерпелись мы сегодня страху, – Полина все не могла успокоиться.

– Все, со страхами покончено. Татя я убил, бояться теперь некого. Но никому об этом не говори, даже подругам, – строго сказал ей Андрей.

– Как скажешь, любый.

После обеда Андрей стал думать, как выйти на заказчика. Следов –

почти никаких, только слова убитого о боярине. Но верить ли им? Что у него есть? Пожалуй, только стилет. Вот с него и надо начать. Оружие на Рязанщине редкое, может – видел кто-то.

Утром он пошел на торг, по оружейным лавкам. Усмехнулся про себя. Вот бы полицию сюда, надолго бы в ступор впали от увиденного. Ассортимент – от кистеней до любого холодного оружия, да еще щиты и брони разные: от кольчуги до бахтерцев и юшманов, на любой вкус и кошелек. Вот только огнестрела нет, не пришло еще его время. Нет, огнестрельное оружие знали, на башнях городов находились пищали для обороны – но это для войны. А ручного оружия, прозываемого ручницами, или, на западный манер, аркебузами, не имелось. Да и носы от него воротили. Из лука за минуту можно весь колчан стрел во врага выпустить, а на один выстрел из огнестрела уходило три-четыре минуты только на то, чтобы его зарядить. Да и тяжелое оно, мешкотное при зарядке, недальнобойное, неточное в стрельбе. А главное – давало большое облако дыма, пахнувшего серой. Себя стрелок демаскировал, а врага не видел, пока дым не рассеется. И сера преисподней пахнет. Священники вначале огнестрел вообще дьявольским изобретением нарекли.

Андрей ходил по лавкам, завязывал с мастерами разговор, показывал стилет:

– Не знакома случаем вещица?

Многие видели такой кинжал в первый раз, рассматривали с удивлением. Но все-таки не сапожники – оружейники. После осмотра признавали, что колоть им противника через щели в броневой защите удобно.

– Не наш нож, от немчуры привезли. Видел я уже такой, – заявил один.

– Этот или похожий? – насторожился Андрей.

– Похожий. Тот подлиннее был, и рукоять из кости. Давно, правда, видел – год, а может, и поболее.

– У кого же?

– Кузнец боярина Селиванова приносил, рукоять ослабла на хвостовике.

– Подожди, это какой же Селиванов?

– Ужель казначея княжеского не знаешь? Он за казну великокняжескую отвечает.

Андрея как мешком пыльным из-за угла ударили. Пересекался он с казначеем, ох пересекался! Из-за него и в поруб попал. Так ведь еще и домовый предупреждал, что человек ночью в его избу приходил, кубок, подарок князя, ядом смазал. А не он ли и убийцу подослал?

– Да ты не слушаешь совсем! – привел его в чувство голос оружейника.

– Прости, задумался. Что говоришь?

– Несколько стилетов на продажу уже года два как мастер Степан Кондратьев из Великого Новгорода привозил.

– А как его найти?

– Заинтересовали стилеты? Вроде не воин ты. Ладно, коли деньги водятся – дорогие ножи-то! Он в Рыбачьей слободке живет, все рыбаки у него ножи берут.

– Чего же в Рыбачьей?

– Зазноба у него там жила. А теперь и он в примаках.

– Как избу узнать?

– Да его в слободке каждая собака знает, спросишь.

– Спасибо.

И Михаила нет, сани новые на торге покупает.

Андрей пошел пешком, периодически раскланиваясь со знакомыми. Уже в слободке он столкнулся со старшиной, шедшим ему навстречу:

– О Андрей! Давно не виделись! Доброго здоровья!

– И тебе не хворать. Не подскажешь ли, где Степан Кондратьев живет?

– Это который в примаках? Прямо иди, во второй переулок направо. Его дом – третий по правую руку. А зачем он тебе?

– Нож хочу заказать, – соврал Андрей.

– Ножи у него знатные, все рыбаки берут. Он железо свейское возит, из Новгорода. И городские охотно берут, третьего дня гридень боярина Селиванова к нему приходил. А уж они-то в оружии толк понимают!

– Вот спасибо!

– Ты когда за солью пойдешь?

– Как лед сойдет, так на ушкуе и пойду.

– Про нас не забывай, полста мешков сразу возьмем.

– Не забуду.

Они расстались по-дружески. Андрей шел и думал: опять старшина про гридня боярского упомянул. Что-то часто фамилия Селиванова сегодня упоминается!

Он завернул в переулок и сразу услышал звон металла. Обычно оружейники и кузнецы по соседству, в одной слободке живут, на окраине. Кузнецов народ уважает, но побаивается: считается, что с нечистой силой они дружбу водят. А еще с огнем все время работают. Опасно, пожар от них может приключиться.

Андрей постучал кулаком в ворота. Мастерские обычно на заднем

дворе, да и стучат железом сильно, не сразу и услышат.

Однако калитка быстро отворилась. Перед Андреем стоял огромный плечистый мужик средних лет, бородатый, в кожаном, прожженном во многих местах фартуке. Длинные вьющиеся волосы были разделены на голове пробором, схвачены сзади в хвостик, а на лбу перехвачены кожаным ремешком.

– Ты Степан будешь?

– Я, если тебе оружейник нужен.

Андрей поздоровался.

– Проходи, на улице какие разговоры? Только в мастерскую, мне за горном следить надо.

Так, пожалуй, даже лучше, лишних ушей меньше.

На одной из стен мастерской висело уже готовое оружие – кинжалы, ножи, сабля.

Пока мастер поддувал мехами горн, в котором яростно бушевал огонь, Андрей осмотрел оружие. Все оно было изготовлено самим мастером, ничего покупного. А стилетов и вовсе не было.

– Что купить хочешь?

Андрей достал из кармана стилет.

– Знакомая вещица. Я его из Великого Новгорода привез, да не один – четыре штуки. Кинжал занятный, сталь хорошая. Едва продал. Резать им нельзя, потому спросу нет. А как он у тебя оказался?

– Долго рассказывать. Хозяина найти хочу.

– Чего его искать? Боярин Селиванов все стилеты и купил.

– И этот тоже?

– Я же говорю – все.

Увидев, что Андрей не собирается ничего покупать, оружейник быстро потерял к нему интерес.

Андрей откланялся и вышел в переулок. Все следы к боярину Селиванову ведут. И что теперь? Вещественные доказательства не подтверждают его вины: вдруг он потерял стилет, украли, продал, наконец. Если он и виновен, от всего откажется. Убийца сам убит, на боярина показать не сможет. Если боярина судить, видаков-свидетелей нет – разве тайные дела обговариваются при посторонних? Так что, даже если Андрей и пойдет к князю с жалобой, никто его всерьез слушать не будет. Самого обвинят в клевете и виру наложат. Скажут, тень на боярина бросить хотел, честное имя его опорочить, грязью облить. Андрей хоть и купец, а не дворянских кровей. Боярин выкрутится, даже если Андрей свидетелей иметь будет. И получится, что весь его розыск – пустой звук, работа

впустую.

Но и оставлять зло безнаказанным Андрей не собирался. Не получилось у боярина на этот раз – нового убийцу найдет, повторит попытку. Можно подумать, Андрей его лично, кровно обидел. И чего боярин на него так взъелся?

Андрей шел домой и по дороге размышлял. Лучше всего с боярином с глазу на глаз встретиться, поговорить. Только это непросто и опасно. Если к нему домой прийти, может не принять, взашей холопы вытолкают. А если и примет, узнает о подозрениях Андрея – так и вовсе бесследно сгинуть поможет. Был человек и пропал. Во все времена люди бесследно исчезали.

Нет, на ничейной земле встретиться с боярином надо, тогда они на равных будут. Но как? Боярин при въезде в город все время на коне, и пара воинов при нем всегда. Попробуй, останови их. И все же боярин – живой человек, со своими слабостями и недостатками. Коли он нанял убийцу – в чем Андрей не сомневался, то вполне вероятно, что встречался с ними на нейтральной территории, в противном случае слишком многие Иванавятича видели бы. А раз так, выходить он должен из дома, и причем в одиночку, чтобы с отбросами общества общаться. Не со всеми, конечно, но с каким-нибудь главарем – это точно. Андрея в городе видели живого и небось боярину уже донесли. Наверняка он уже встревожен, будет искать других людей, чтобы завершить задуманное им злодейство. Последить за ним надо, узнать, чем дышит, где бывает, с кем встречается.

Решив так, он повернул к торгу. Там всегда толкались мальчишки: кому-то помочь купленный товар до дому донести, телегу с грузом посторожить – да мало ли мелких поручений выполнить за мзду малую? А для мальчишек – заработок: на леденцы, на калач сдобный, на нож собственный – всем на зависть.

Андрей понаблюдал издалека за пацанами, определил, кто у них вожак. Потом подошел, поздоровался:

– Помощь твоя нужна.

Паренек приосанился.

– За так не работаем! – стараясь говорить солидно, ответил он.

– Само собой.

– А что надо?

– За человеком одним понаблюдать надо – куда он ходит, с кем встречается. Только близко не подходить, чтобы он не заметил.

– Всего-то? Сколько платить будешь?

– За день – медный пул.

– Задаток давай.

Андрей достал монету.

– Я каждый вечер приходиться сюда буду – деньги отдать, тебя послушать.

– Идет. А за кем смотреть надо?

– Боярин Селиванов. Знаешь такого?

– В церкви видел не раз.

– Вот за ним.

– Не простой человек, казначей. Постой, ты не казну ли княжескую похитить хочешь?

– Разве я на татя похож? К тому же казна у князя в кремле, под охраной. А смотреть за боярином около его дома надо. Около кремля не крутятся даже, днем он на службе.

– Тогда полегче.

– Завтра буду.

Андрей стал ходить каждый день на торг, как на работу. Ближе к ребятам не подходил, махнет рукой жожаку и в сторону отходит. А тот ему рассказывает, что боярин после службы делал. В кремль и в дом боярский им ходу нет, а обо всех передвижениях боярина по городу жожа докладывал. Но пока ничего интересного для Андрея не было. Однако Андрей исправно платил, и ребята приглядывала за Селивановым.

День шел за днем, но ничего интересного для себя в рассказах соглядатаев Андрей не находил. Он уже начал сомневаться – не тратит ли попусту время и деньги? И тут совершенно неожиданно предводитель мальчишек ему доложил:

– Боярин выехал верхом один, с заднего двора, и одет был, как обычный человек – плащ на нем серый, потрепанный. Выехал из города через Рязанские ворота, а куда – неведомо. Разве нам за конем угнаться?

– Это когда было?

– Да сегодня же!

– Вернулся?

– Нет. У ворот сейчас Костя дежурит – не прибежал еще.

– Ну, молодцы! Продолжайте наблюдать. Вот вам две деньги.

Новость обмозговать надо. Уехал боярин, явно стараясь, чтобы его не узнали. Куда уехал? Из Рязанских ворот выезд на юг, потом дорога разделяется. И у боярина сто дорог, а у Андрея только одна верная.

Он направился к Михаилу – тот должен знать окрестности.

– Скажи-ка мне, Михаил, какие деревни или села по южной дороге стоят? Ну, скажем – верст за десять-пятнадцать?

Сомнительно было Андрею, что боярин пустился в дальний путь один,

без заводной лошади, без дружинников. Потому он и решил, что боярин недалеко уехал.

Михаил закрыл глаза, вспоминая, потом назвал с десяток сел и деревень – даже хутор один.

– Не знаешь, случаем, кому села принадлежат?

– Прости, хозяин, не ведаю. Мое дело – за лошадьми следить.

Андрей повторил вслух названия деревень.

– Ни одного не пропустил?

– Нет, все верно.

Боярин мог в свою деревню поехать, в удел. Только туда в одиночку и скрытно не выезжают, ключника берут – подати учить – и хотя бы пару дружинников для статуса. Значит, дело у боярина тайное. Или к главарю разбойничьей шайки поехал, или к полубовнице – в другие варианты верилось слабо. Прихватить бы его на дороге – случай удобный для разговора с глазу на глаз, без свидетелей. Но сегодня уже не успеть. Кто может знать, когда и по какой дороге боярин возвращаться будет?

Однако в доме боярина слуг много – у стола прислуживают, в покоях. И у всех уши есть. Боярин с гостями разговаривает – слуг за мебель считает, не замечает. На кого-то из них выйти надо. Только осторожность нужна. Надо найти обиженного, способного за деньги боярина продать – напоить его, в конце концов. Не бывает людей без недостатков. Для одних это женщины, для других – деньги мерило всему. Но есть и третьи, кому всего дороже и приятней вино. Вот и надо за слугами понаблюдать, попытаться их недостатки и слабости выявить, сыграть на их слабых струнах. И про удельные наделы выяснить, а повезет – и про то, куда боярин ездит. Кропотливая работа, но куда без нее?

Утром он снова направился к жожаку мальчишек. Тот, ответив на приветствие, зачастил уже привычным говорком:

– Вчера же боярин и вернулся – прямо перед тем, как городские ворота закрыли.

– Молодец!

Городские ворота закрывают перед тем, как стемнеет. Летом – в девять вечера. Но сейчас весна, темнеет рано, часов в восемь. Уезжал боярин в пять. Выходит – отсутствовал три часа. За это время он мог верст семь проехать в одну сторону. Однако ему ведь еще вернуться надо, следовательно, в итоге – два часа. И час он делами тайными занимался.

Но самая дальняя деревня – из тех, что Михаил назвал, была в пятнадцати верстах от города, стало быть, половину отбросить можно. Остается шесть сел и деревень, где боярин мог бы быть. Круг поиска едва

ли не вдвое уменьшился.

После разговора с мальчишкой Андрей направился к дому боярина.

На службу боярин не торопился, выехал часов в десять. Тут же, после отъезда хозяина, из дома потянулась челядь. Две кухарки с корзинками на торг за провизией, молодой парень... Ага, вот этот абориген поинтересней. И Андрей направился за ним.

Тот оправдал его надежды. Повертев головой по сторонам, оберегаясь от случайных взглядов знакомых, он нырнул в харчевню. Андрей последовал за ним.

Холоп заказал пива – без закуски. Наверняка вчера выпить успел, а сегодня душа поправиться просит.

Пил он не спеша, с наслаждением, закатывая от удовольствия глаза. Потом с сожалением отдал хозяину медный пул. Выпить хотелось еще, а денег уже не было.

Андрей, вошедший за холопом, сидел в углу за столом. По примеру холопа он тоже заказал пива, но не кружку, а кувшин. Холоп, направляясь к выходу, завистливо стрельнул глазами в сторону кувшина Андрея.

– Подойди, испей пивка, составь компанию, – предложил ему Андрей.

– По делам я, времени нет, – отказался уже было холоп, да не выдержал, свернул от прохода в сторону Андрея и уселся на лавку.

– Половой, кружку принеси гостю, – тут же приказал Андрей.

Когда принесли кружку, он собственноручно наполнил ее до самого верха, не забыв также и себя.

– За здоровье! – провозгласил Андрей и отхлебнул из своей кружки.

А холоп к кружке присосался жадно. Он отпил половину и только тогда перевел дух.

– Хорошее пиво! – сказал он. И верно, нехорошо сидеть молча, когда тебя угощают.

– Да, хорошее, – подтвердил Андрей. – Я тут часто бываю, но тебя что-то не видел.

– В делах все, у боярина Селиванова служу, – с гордостью сказал холоп.

– Кем же?

– Плотником.

– О солидно!

– Кабы еще платили по умению. Давеча плетей отведал – двери-де кривые, что ставил! А я при чем, если дерево сырое? Повело!

– Да, да, да, – подтвердил Андрей, – мастерового каждый обидеть норовит.

Холоп нашел сочувствующую душу, стал вспоминать обиды, Андрей же все подливал и подливал ему пива. Когда кувшин опустел, он заказал второй, да еще и рыбки копченой. После вчерашнего, да еще и пиво на голодный желудок – и плотника понесло. Сначала он про ключника боярского говорил, потом – про самого боярина. Но хоть и навеселе был, а осторожность соблюдал, говорил тихо, потому как в зале еще люди были.

Андрей все момент удобный выжидал – не прерывать же. И когда плотник вонзился зубами в рыбу, все-таки спросил:

– Вроде я боярина вчера видел, только подумал – обознался. В виде непотребном он был – в плаще поношенном и без дружинников. Не обознался?

Плотник повертел головой по сторонам и приложил палец к губам:

– Тс-с! Боярин которую неделю к полюбовнице своей ездит, в Куделиху.

– И кто же эта красавица?

– А не твоего ума дело! – выпрямился на лавке плотник. Хоть и пьяненький был, а понял, что лишнего сболтнул.

– Мне до твоего боярина дела нет, – успокоил его Андрей, – это так, к слову пришлось.

– Ох, засиделся я с тобой! За угощение спасибо, да мне за замком надо.

– Иди, разве я держу?

Плотник, слегка покачиваясь, ушел. А довольный Андрей едва руки не потирал. Узнал он все-таки, куда боярин ездит! А к кому – это уже не так важно. Надо приготовиться, а как только боярин к своей зазнобе поедет, вдогонку за ним отправиться и на обратном пути перехватить. Боярин один едет – и он один, свидетели ему не нужны. Одно только смущало: у боярина конь верховой, скакун, а у него на конюшне – тягловые лошади. Он и до Куделихи добраться не успеет, как боярин назад поедет. И остановить его как? Свою лошадь посреди дороги поставить – так объедет. Да еще как бы сабелькой поперек спины не вытянул, с него станется. Тут думать надо.

И он направился к Михаилу.

– Дорогу на Куделиху знаешь?

– Ну?

– Отвези меня туда!

– Прямо сейчас?

– Немедля!

– Запрягу только.

Они выехали из города, и через версту повернули на развилке направо.

Андрей запоминал дорогу. Сейчас у него опытный проводник, а потом придется самому ехать.

До Куделихи, небольшого села, оказалось недалеко – верст пять. На обратном пути Андрей по сторонам смотрел – где лучше засаду устроить. И приглядел-таки местечко удобное, на повороте. Дорога узкая, с обеих сторон крепкие деревья стоят – но без листвы. Только вот укрыться сложно будет.

В голове мелькнули воспоминания о старом военном фильме. Там наши разведчики поперек дороги на уровне груди веревку натянули, сбив таким образом мотоциклиста. А ведь можно применить этот способ! И боярина останавливать не надо будет, сам упадет.

– На торг езжай, – приказал Андрей Михаилу, когда они въехали в город.

Он выбрал веревку длинную, прочную – пеньковую. Не очень толстую, чтобы боярин не заметил издали, пригнуться не успел.

Воротились во двор Андрея. Пока Михаил лошадь распрягал, Андрей спросил:

– Отъехать мне на днях в Куделиху надо будет, причем верхами. Что посоветуешь?

– У нас же лошади тяловые – ни рысью не пойдут, ни галопом.

– Мне и не надо.

– Тогда вот эту – смирная. Так ведь седла у нас нет, а без него не удержишься. Да и опыта у тебя нет, к лошади с опаской подходишь.

– Так купи седло! Пока время есть, попробую.

На следующий день Михаил купил седло и взнуздал лошадь.

– Давай по двору попробуем. Она к тебе привыкнет, Зорька, ты к ней.

Андрей подошел к лошади и неловко взобрался в седло. Лошадь опасливо косила на него лиловым глазом.

– Ты порешительней, лошадь седока чует. Коли слабак, сбросит.

Андрей тронул поводья, и лошадь пошла во дворе по кругу. По его команде остановилась, снова тронулась. Он повернул влево, вправо. Непривычно: ноги враскорячку, держаться не за что.

Он спрыгнул и дал лошади кусок хлеба с солью. Кобыла угощение обнюхала и взяла у него из рук мягкими губами.

– Ну – все, – подвел итог Михаил, наблюдавший за происходящим. – Признала она тебя, подружилась. Хлеб она любит, только перепадает ей такое лакомство редко.

Михаил расстегнул подпругу, снял седло.

– Завтра еще попробуй, пусть к тебе привыкнет.

Дома Андрей собрал узелок, положив в него корчагу с вином запечатанную и кубок – подарок княжеский. Туда же стилет убийцы сунул. Жалко, патронов к пистолету нет. Выкинуть его можно, да жалко, не раз он ему жизнь спасал.

Узелок в свой дом отнес, туда, где лошадь на конюшне стояла. Теперь оставалось только ждать, когда мальчишки известят его об отъезде боярина.

Однако день шел за днем, никаких новых или необычных вестей от мальчишек не поступало, и напряжение Андрея понемногу росло.

Снег за неделю сошел, дороги кое-где подсыхать стали, река ото льда очистилась. Правда, разлилась она, и грязная вода несла упавшие деревья, мусор. Но через неделю река войдет в свое русло, и можно уже будет грузить ушкуй – идти в Коломну или Нижний Новгород. Пора бы уже, засиделся он дома, работать надо – да вот с боярином не разобрался. А как в дальний вояж собираться, когда боярин занозой в душе сидит? Хоть и говорят, что месть – это блюдо, которое нужно употреблять холодным, но эта поговорка не для него. Боязно Полину оставлять одну на сносях, боярин пакость может учинить, а ее ведь и защитить некому, кроме Андрея.

А через неделю, как по расписанию, боярин снова уехал один. В этот день Андрей, как предчувствовал, пришел к жожаку мальчишек.

– Нет известий! – развел руками пацан. – Ой, погодите, ко мне Костя бежит!

Подбежал запыхавшийся мальчишка лет десяти: худой армяк расстегнут, лицо потное – торопился.

– Боярин через Рязанские ворота только что уехал!

– Молодец!

Андрей вручил жожаку и Косте по медному пулу и заторопился к дому. Ездовые были еще здесь.

– Зорьку мне седлайте, немедленно!

Сам же, заскочив в дом, забрал узелок, закинул его за спину, проверил – висит ли на поясе боевой нож и хорошо ли он выходит из ножен. Другого оружия при нем не было, а ружье брать не стал – оно в глаза бросаться будет. И выехал со двора.

Ехать по улицам верхом было непривычно, в санях он чувствовал себя уютнее, но Зорька шла послушно. Андрею хотелось мчаться, но кобылка не спешила, да и он сам побаивался ее подгонять – вдруг не справится? Однако, проехав через городские ворота, все-таки стал нахлестывать ее плеткой, и кобылка послушно прибавила шаг.

Наконец Андрей добрался до выбранного места – у поворота. Завел кобылку подальше от дороги, привязал к дереву и сунул ей краюху хлеба.

Сам же с мотком веревки и узлом побежал к дороге.

В лесу было полно упавших прошлогодних листьев и хвои, влажно, но грязи не было.

У дороги он прикинул, на какой высоте веревку привязывать – получилось метра два с небольшим. Привязав веревку, отрезал лишний конец – пригодится боярина связать. Потом улегся на хвою под елью, чтобы остаться незаметным, и стал ждать.

На его счастье, проезжих не было. Дело шло к вечеру, и крестьяне занимались домашними делами – доили коров, кормили живность, а как только темнело, ложились спать: свечи жечь было дорого, а лучин не напасешься. И вставали рано, еще до рассвета, с первыми петухами – работы на селе всегда много.

От волнения Андрея слегка познабливало, тело била мелкая дрожь, губы сохли.

Ждать пришлось долго, и Андрей стал уже переживать – уж не другой ли дорогой поехал боярин? Но часа через два послышался глухой стук копыт, и из-за поворота показался всадник. Он гнал коня достаточно быстро и потому, не успев увидеть веревку, вылетел из седла, как будто его сдернули арканом. Упав на спину, боярин ушибся, так как падения он не ожидал и не успел приготовиться. От удара о землю на пару минут просто дух вышибло.

Зато Андрей не сплеховал. Подскочив, он перевернул боярина на живот, завел ему руки за спину и связал. Оттащив с дороги подальше, чтобы не было видно, привязал его к дереву. Потом расстегнул на боярине пояс и увидел на нем саблю и ножи – боевой и обеденный. Не стоило врагу давать шанс, и он все это снял. Хотел еще коня боярского поймать и привязать, но получилось даже лучше, чем он предполагал. Конь почуял привязанную в лесу кобылку и сам подошел к ней – да и она призывно заржала.

Боярин пришел в себя, открыл глаза и, подняв голову, повел глазами по сторонам.

– Что это было? А здесь я почему?

Он дернулся, пытаясь освободиться, и взгляд его упал на Андрея, стоявшего в стороне.

– Ты? – удивился он.

– Не ожидал увидеть?

– Пес смердящий, развяжи немедленно!

– Ага, для того я столько дней выжидал и засаду устраивал, чтобы тебя сейчас отпустить?

Андрей вспомнил про оставшуюся натянутой веревку и побежал ее снимать. Не дай бог, еще кто-нибудь пострадает, да и улика ни к чему.

Он вернулся к привязанному боярину с мотком веревки в руке. Тот задергался, решив, что Андрей будет его вешать.

– Ты что задумал, поганый?

– Заткнись, говорить будешь лишь в ответ на мои вопросы – когда я спрошу. А доселе рот свой грязный держи на замке.

– Ой, испугался! Я вот князю доложу о твоём самоуправстве!

– Думаешь еще встретиться с ним?

Этот вопрос застал боярина врасплох, в его глазах появился страх. Это боевой боярин в атаку на врага не раз ходил, смерти в лицо глядел, гибели своей не боясь. А этот боярин во дворце княжеском проедался, казну стерег, козни конкурентам строил. На пакости он был силен, а вот духом оказался жидок.

– Ты зачем ко мне Ивана-вятича подослал? – начал свой допрос Андрей.

Боярин дернулся, но он был крепко привязан к дереву.

– Чего молчишь? Думаешь, я не знаю?

– А раз знаешь, зачем спрашиваешь?

– Одного не пойму: я ведь дорогу тебе не переходил. Это ты меня в краже клинка обвинил, в поруб посадил. Только видишь – я на свободе, а ты к дереву привязан.

– Не знаю я никакого Ивана, – продолжал отпираться боярин.

Андрей достал из узла стилет и показал-повертел им перед носом боярина. По внезапно метнувшемуся в сторону взгляду того понял – узнал боярин клинок.

– Это твой стилет?

– В первый раз вижу.

– А вот оружейник Степан Кондратьев из Рыбачьей слободки говорит, что он его из Великого Новгорода привез. Да не один – несколько, и все лично ты у него купил.

– Обознался он, напраслину возводит.

– Если ты купил, то как он у Ивана оказался?

– Потерял я его, на охоте потерял. Наверное, Иван этот клинок опосля и нашел.

– Пусть так! А в дом ко мне зачем ночью приходил?

– Не было такого! – боярин все отрицал.

– Ладно, не виновен так не виновен. Сейчас я вином тебя угощу – из кубка, что князь мне на пиру подарил. А потом отпущу.

Андрей достал кубок и корчагу с вином. Пробку вытащил, вино в кубок налил и боярину поднес. Тот извернулся, ногой по кубку ударил. Кубок из руки Андрея вылетел, вино разлилось.

– Хм, чего же ты вина не хочешь? Оно не отравлено, смотри. – С этими словами Андрей приложился к горлышку корчаги и сделал несколько глотков. Потом снова наполнил кубок, собираясь поднести его боярину. Однако тот стал дергать ногами, пытаясь ударить Андрея по руке.

– Какой ты, однако, ершистый! Прямо непоседа!

Поставив кубок на землю, Андрей связал боярину ноги.

– Так спокойнее будешь.

Но боярин, сжав челюсти и губы, упорно не желал пить из кубка. Вытащив свой нож, Андрей разжал ему зубы, сломав при этом один. Боярин вскрикнул от боли, и Андрей плеснул ему вина в разинутый рот. Поперхнувшись, боярин вино выплюнул.

Но и Андрей был упорен и настойчив – он зажал боярину нос. Тому надо было как-то дышать, деваться было некуда, и он открыл рот. В этот момент Андрей и влил ему в рот вина из кубка. Боярин вино проглотил, но Андрей еще раз наполнил кубок.

– Пей! Хорошее вино, фряжское; не пожалел на тебя, паскуду. – И еще кубок вина влил в рот боярину.

– А теперь подождем немного. Если ты не соврал, отпущу тебя. Под суд княжий пойду, вину свою признаю. И наказание приму любое, если виновен и ошибся.

Четверть часа ничего не происходило. Потом лицо боярина искривилось.

– Больно!

– А мне, ты думаешь, не больно было? Чудом уцелел! И провидением божьим из кубка не отпил, потому что отравил ты его.

По телу боярина пошли судороги, изо рта пузырилась пена. Андрей отвернулся – видеть это было неприятно. Потом боярин затих.

Повернувшись, Андрей увидел – боярин лежит, закатив глаза, и уже не дышит. Андрей нагнулся пощупать пульс на шее, на сонной артерии. Пульса не было.

Отвязав боярина от дерева, Андрей освободил ему руки-ноги от веревок и оттащил его тело на дорогу – пусть все выглядит, как несчастный случай. На теле ран нет, и об убийстве никто не подумает.

Он подошел к Зорьке, возле которой по-прежнему стоял боярский конь, положив ей на спину свою морду, взял его под уздцы, отвел к мертвому хозяину и надел на боярскую руку узду. Потом собрал узелок,

положив в него корчагу, кубок и стилет. Оглядел место – не забыл ли чего? Моток веревки в узел сунул. Все, никаких следов.

Взобравшись на Зорьку, он направился к городу. По пути, переезжая речку по мосту, развязал узел и бросил в воду и кубок княжеский, и стилет. Туда же полетела корчага. Хотел и веревку швырнуть, но вовремя сообразил – пенька ведь не тонет. Ее он в лес зашвырнул, подальше. Теперь у него не оставалось ни одного предмета.

Потихоньку он стал подстегивать Зорьку, а та и сама к конюшне торопилась, предвкушая отдых.

Они успели до того, как закрылись городские ворота.

Зорьку Андрей отвел на конюшню. Один из ездовых дождался его – он расседлал кобылу и завел ее в стойло.

Андрей отправился домой, к Полине. Вот вроде и с врагом расправился, отомстил. А на душе было пусто, не было радости и удовлетворения от отмщения. Как там в Библии: «И Аз воздам?» Воздал, а на душе потемки, и горько как-то.

Полина своей женской интуицией поняла его состояние и спрашивать ни о чем не стала.

Раздевшись, Андрей уселся за стол, налил себе вина в кружку и залпом выпил. Потом еще и еще, не закусывая, – напиться хотел, чтобы душу отпустило. В бою, в схватке с татарами, с разбойниками убивал – так на то и бой. А связанного отравить? На душе было так мерзко, как будто в помоях искупался!

День он промаялся дома, в горло ничего не лезло. А следующим утром Авдотья пришла с торгова возбужденная. Едва поставив корзинки со снедью на лавку, она затараторила:

– Ой, что в городе творится!

– А что такое? – поинтересовалась Полина.

– Боярин Селиванов помер.

– Так он ведь не старый еще.

– К полубовнице своей на лошади ездил, на обратном пути с коня упал и насмерть расшибся. Той ночью он домой не пришел, с утра его искать стали – на дороге и нашли. Окоченел уже.

– Ой, что творится! – поднесла ладони к лицу Полина.

– И не говори, Полинушка! Кашу когда ставить?

– Пирог поперва.

Андрей их разговор слышал. Но – не рой другому яму, сам в нее попадешь!

Глава 10. Жертвоприношение

Андрей начал активно готовиться к предстоящему походу. Он скупал местные товары и складывал их в почти пустые лавки – не пустым же ушкой гнать. После разговоров с купцами и раздумий решил плыть в Нижний. Там восточные товары – вроде шелка, перца и пряностей – дешевле, поскольку до Желтоводной ярмарки купцы татарские из Казани добираются. Косятся на них, но товар берут – надобен. А татарские купцы в обратный путь ткани льняные покупают, мед, пшеницу и железные изделия. До Нижнего Новгорода плыть дальше – так судно свое, дешевле выйдет.

Когда товар был закуплен, вода в реках в прежнее русло вошла, а земля на берегах просохла, Андрей распорядился Михаилу готовить тарантас. Надо было в Пронск ехать, ушкой с командой в Переяславль гнать – грузить товаром. Команда небось уже заждалась его, каждый свою копейку заработать хочет.

Андрей планировал обернуться тремя днями.

Выехали поутру. Лошадка застоялась и бежала бодро.

На деревьях уже набухли почки, кое-где, на взгорках, где потеплее, пробивалась трава. Воздух был свежий, не надышишься – не как в городе. А в городе от печных труб – особенно когда ветра нет – аж в горле першит, и снег зимой черный от пепла.

Андрей взял с собой ружье, Михаил держал в руке кнут. Кнут у него был не хуже пистолета – близко не подходи. И настроение у обоих было приподнятым: кончилось весеннее затишье, пора работать.

Справа от дороги, на небольшой полянке неожиданно показалась молодая девка. Она стояла рядом с дорогой и была красива – глаз не отвести – и одета празднично. Андрей даже глаза протер – не пригрезилось ли ему? И только он собирался скомандовать Михаилу остановиться, как тот приподнялся на облучке и огрел девицу кнутом. Да еще и лошадь стегнул, чтобы ходу прибавила. Действие кнута в руках Михаила Андрей уже видел – он ударом руку врагу ломал.

Девка исчезла напрочь, как утренний туман, а Михаил прокричал: «Аминь, аминь, рассыпся!»

Когда Андрей пришел в себя от шока, то спросил ездового:

– Не пойму – что это было?

– Не знаешь разве?

– Не ведаю.

– Тогда слушай. Клад здесь спрятан. Тот, кто его зарыл, заклинание сделал – на «сорок голов». Кто клад найдет, умрет – и так сорок человек подряд, а сорок первому клад и достанется. На этом месте, бают, по ночам светлые огоньки появляются, а днем – девица красная. Только клад черти оберегают, и взять его не просто. А кому он достанется, должен уйти, не озираясь.

– Не верю, сказки!

– Ежели чертей не боишься – попробуй, коли жизнь недорого. Говоришь – сказки? А ведь мы вдвоем девицу видели. Стало быть, правда.

Андрей хмыкнул. На самом деле странно. Красивую легенду или сказку он от Михаила услышал, но и привидение сам, своими глазами видел. Обычно всякая нечисть и нежить днем от людей прячется – взять того же домового из его дома. Вроде заблуждение народное, но советы он Андрею дельные давал. Как тогда? И потом, сколько он ехал, все головой по сторонам крутил.

– Клад-то пробовал кто забрать?

– Про то не знаю, не говорят.

Долго еще ехал Андрей, вспоминая об увиденном и размышляя.

В Пронске Андрея встретили как близкого родственника – тепло.

– Заждались уже! Большая вода сошла, ушкуй просмолили, кое-где такелаж обновили – к плаванию готовы.

– За ним и приехал.

– Когда выходим?

– Хоть сейчас!

– Команду известить надо, харчей подкупить.

Андрей понял намек и отсчитал деньги.

– Ты пешком на торг не ходи, у меня тарантас, на нем приехал.

Георгий сразу с Михаилом и уехал. Дел до вечера много, успеть бы все сделать.

Загрузив корабль провизией, они оставили на нем дежурного.

Андрей не решился отправить Михаила в Переяславль одного. Тарантас пустой, груза нет, но лошадь лихие люди отобрать могут.

По сходням они закатили повозку на палубу, потом с трудом завели упирающуюся лошадь – она боялась воды и раскачивающейся палубы. Зато безопасно.

К вечеру они уже были в Переяславле. Судовая команда осталась ночевать на судне, а Михаил на тарантасе довез Андрея до дома.

– Завтра с утра товар из лавок на судно возить будем. Ездовых

предупреди, – сказал на прощание Андрей.

– Да я и так понял.

И у Андрея дома были дела: деньги сосчитать, список товаров, приготовленных к продаже, проверить, в баню сходить, с Полиной поговорить. Ведь не на день уходит, хорошо, если через месяц вернется.

Утром он проснулся, едва рассвело. Подводы уже стояли у ворот дома.

Андрей умылся, схватил рыбный пирог, поцеловал Полину и выскочил на улицу.

Ездовые грузили товар в лавках и свозили к судну. Андрей делал отметки в списке – не забыть бы чего, а судовая команда укладывала груз в трюме.

К вечеру они вымотались все, но судно к отплытию было готово.

– Отдыхайте, утром отплываем.

На этот раз судно отплывало в другую сторону – не вверх по Оке, к Коломне, а вниз по течению, к Нижнему Новгороду. Желтоводская ярмарка, что у Нижнего, значительно больше Коломенской, выбор товаров разнообразнее, цены ниже. Да и Георгию путь был знаком.

Андрей же разглядывал реку и берега с нескрываемым интересом, стараясь запомнить повороты, отмели, села и городки на пути. Причем располагались они в большинстве своем на левом берегу. Правый берег на некотором протяжении был ордынским, а затем до самого Нижнего принадлежал мордве. И меря их называли, и эрзя, весе – по племенам.

Большие земли занимала мордва – от правого берега Оки и Волги, Мокши, Цны, Суры, Пьяны, Алатыря, Иссы. По силе и многочисленности народа мордва могла поспорить с княжеством Рязанским, Владимирско-Суздальским, а то и Московским.

Потому к правому берегу они не приближались, а на ночную стоянку причаливали только к левому. Самое настоящее пограничье, только вот соседи не самые дружественные. Только через сто лет, в 1552 году, мордва присоединится к Москве, да и то уже ослабленная. Мыслимое ли дело – сначала золотоордынцы по пути на Русь прошли по ней железным катком, потом – Казанское ханство, и напоследок – Иван Грозный, покоря Казань, вел через нее войска. Отвращенная татарами, мордва не приняла ислам, долго сохраняла язычество и перешла в христианство.

Судно, сплавляясь по течению, а временами и под парусом, шло ходко.

– Если и дальше так пойдем, через пару дней у Нижнего будем, – довольно сказал Георгий.

И как сглазил кормчий. Сначала тучи на горизонте появились, потом небо темнеть начало. Тучи из серых превратились в почти черные,

поднялся ветер, и хлынул дождь.

Парус на ушкуе спустили – могла не выдержать мачта.

– Правь к берегу! – прокричал Андрей.

Георгий и сам был бы рад это сделать, да ветер отжимал судно от левого берега.

– Команде – на весла! – приказал кормчий.

Взялись за весла.

– И-раз! И-раз! – отбивал ритм Георгий.

Судно медленно стало приближаться к берегу. В левый борт стала бить волна. Вроде не море – река, пусть и широкая, а двухметровая волна с силой бьет по корпусу, да так, что обшивка скрипит и стонет.

Андрея страх взял – за судно, за себя, за команду. Если судно на бок ляжет – не выплыть. Гребцы ситуацию тоже понимали и налегали на весла так, что сухожилия трещали и вздувались вены на шее.

Медленно, очень медленно удалось подойти к берегу. Андрей, как был – в сапогах и одежде, – сиганул в воду с концом швартова в руке.

На их счастье, нашелся пень, к которому он и привязал швартов. Другой бы с кормы завести надо, а не к чему, деревья от воды далеко стоят.

Обычно причаливали на места ночевок – их можно было узнать по следам кострищ на берегу. Для защиты от ветра их обустроивали под высоким берегом, да еще мощные деревья у берегового уреза стояли – удобно судно швартовыми крепить. А тут не стоянка, ноги в иле по колено утопают, но выбора нет. Да бог с ним, с илом, от него отмыться можно. Сложность возникла в другом – волной судно о берег бить стало. Или на бок положит, или разобьет. Одно радовало – при любом исходе команда спасется.

Однако Георгий, как опытный кормчий, послал вверх и вниз по берегу по одному человеку, и они нашли более подходящее место в ста саженях ниже их вынужденной стоянки. Судно перетянули за швартов, идя по берегу – как бурлаки, зато удалось закрепить надежно.

Бурю пережидали на корабле, под тентами из натянутой рогожи, но она не защищала – протекла. Да и ветер боковой захлестывал потоками дождя. Все вымокли, продрогли. Хоть и поздняя весна, листья уже распустились, а холодно. И костер развести под ветром и дождем не было никакой возможности. Так и сидели, стуча зубами и прижимаясь друг к другу, чтобы хоть как-то согреться. Уже и есть хотелось, а как без костра похлебку сварить?

Дождь и ветер прекратились только под утро. От воды поднялся туман, стало промозгло. И на судне все было сырое – и одежда, и запасы еды, хотя

они хранились в трюме. Сухари размокли и превратились в кашу.

Неожиданно Терентий, указывая на реку, вскрикнул:

– Глядите!

Все обернулись к реке. Ее мутные воды несли мусор, ветки и остатки какого-то судна. Это был кусок кормы с ахтерштевнем и обшивкой из смоляных досок.

Команда дружно стянула шапки и перекрестилась. Не повезло кому-то, судно в щепки разбило, а о судьбе команды думать не хотелось. Андрей и подумать не мог, что такой шторм может быть на реке. Им еще мало досталось, а кому-то и вовсе пришлось отпить беды полной чашей.

Они съели по куску соленого сала без хлеба и сухарей – все проголодались – и отчалили, надеясь ниже по течению встретить место посуше и развести костер. Обычно на реке суда видны – встречные, попутные; сейчас же было пустынно, даже рыбачьих лодок не видно.

Туман начал подниматься, показалось солнце, потеплело. Видя, что погода улучшается, кормчий приказал поднять парус.

Только через некоторое время показалось встречное судно. Оно шло на веслах – на мачте клочьями висели обрывки паруса.

Обычно кормчие и купцы, если суда торговые, сближаются, стараясь пройти поближе друг к другу. За это короткое время они успевают поприветствовать друг друга и сообщить какую-то важную информацию – об отмели, о движущемся плоту, который представлял опасность для судов: плоты, широкие и длинные, всегда сплавляли по реке. Хоть и старались плотогоны веслами держать их в фарватере, а все равно происшествия случались. На изгибах русла плоты по инерции несло к берегу, и если между плотом и берегом попадало судно, его могло раздавить, как грецкий орех.

Тут же встречное судно к левому берегу жалось, и с него кричали что-то. Однако далековато, да и вода по бортам журчит, плохо слышно.

– Андрей, ты помоложе, расслышал, что они кричат?

– Не понял.

– Про бурю, наверное. Если плот где и сорвало, то нам не страшно, мы по течению идем.

– Вперед поглядывать надо.

– Так Димитрий впередсмотрящим на носу сидит, упредит, если что.

Река делала плавный поворот, Георгий переложил рулевое весло, и в это мгновение впередсмотрящий закричал:

– Лодки впереди!

Однако никто не насторожился – лодки так лодки, рыбаки, наверное.

Но по мере приближения стало видно, что лодки не рыбацкие.

Лодок было с десяток, в каждой сидело человек пять-шесть, и не рыбаков. Одежда на них была не русская, в руках у многих – луки, у других – топоры.

– Мордва! – ахнул Георгий.

Андрей бросился на нос судна.

Люди, сидящие в лодках, увидели добычу, самую идущую в руки, и направили их ближе к фарватеру.

– Команде – на весла! Георгий – держи прямо!

Андрей решил идти прямо, не сворачивая. Коли лодки поперек встанут, таранить. Ушкуй больше и тяжелее лодки, подомнет ее под себя. «Прорвемся, – подумал Андрей, – лишь бы мордва на abordаж не пошла. Их много, и если успеют на борт взобраться – быть беде, числом одолеют». Сам же нырнул в трюм, достал топоры для команды и ружье для себя. Эх, четыре патрона всего!

Течение, парус и весла быстро несли судно. Похоже, должны проскочить.

На лодках взвыли, заорали что-то воинственное – жалко было добычу упускать! Лучники взялись за луки.

– Берегись! – закричал Георгий.

Стрелы стали бить по ушкую. Каждый гребец мог видеть только свою сторону. Выстрелит лучник – и гребец пригибается за борт.

Но стрелы прилетали с двух сторон. Ранило в руку Ивана, наповал сразило Терентия.

Андрей лег на палубу, укрываясь за бортом.

Одна из лодок подошла совсем близко, метров на пятьдесят. Это была максимальная дальность поражения картечью.

Андрей прицелился и выстрелил, угодив по центру. Двое в лодке замертво упали, один оказался ранен и вывалился за борт.

Андрей перенес внимание на другую лодку. Когда и она подошла поближе, выстрелил – и тоже удачно. Убил он кого-то или ранил – непонятно, но с лодки раздались крики боли, она потеряла ход, и стрелы метать с нее перестали.

Андрей перезарядил ружье и переполз по палубе к другому борту. Здесь лодки были уже совсем близко, одна и вовсе метрах в двадцати. Четверо гребцов налегали на весла, двое стояли на коленях и стреляли из луков.

Андрей выстрелил. Оба лучника, сраженные, упали на дно лодки. Господи, последний патрон остался!

На ушкуе вскрикнули, и Андрей обернулся – на палубе корчился Димитрий, получив стрелу в спину. Вот же гады! Андрей поймал на мушку мордвинов, сидевших в лодке, и выстрелил. Еще одна лодка лишилась людей и хода. Все, закончились патроны! Из грозного оружия ружье превратилось в простую железяку.

Андрей повернулся к Георгию. Тот твердо держал в руке рулевое весло, хотя на рукаве рубахи расплывалось кровавое пятно. Краем глаза Андрей видел: все члены команды лежат неподвижно на палубе – они были убиты.

Неожиданно раздался странный стук, и за борт ушкуя уцепилась железная «кошка» с привязанной к ней веревкой. Андрей схватил топор, валяющийся на палубе, и обрубил веревку. И почти сразу же рядом в дерево борта своими железными концами вцепилась еще одна «кошка», и еще... А с другого борта уже показалась голова.

Андрей решил защищаться до последнего. Перерубив веревки, он бросился к правому борту и ударил мордвина топором в грудь. Тот рухнул в лодку, прижавшуюся к борту ушкуя. Но со всех сторон, с правого и левого борта лезли чужие воины.

Ярость обуяла Андрея: «Мое судно!» В него вселился дух варяжского берсерка. Он метался по судну и бил чужих топором. Только их было больше, и человеческих сил Андрея не хватало. Его чем-то сильно ударили по голове, палуба судна вдруг ушла из-под ног, и он лишился чувств.

Сколько он пролежал, Андрей не помнил. Придя в себя, открыл глаза и увидел – по палубе ушкуя ходят чужие, а судно продолжает двигаться. Парус надут ветром, за бортом журчит вода. Андрей попробовал пошевелить руками и ногами – не получилось, он был связан.

Мордвины опустили парус и сели на весла. Над собой Андрей увидел кроны деревьев. «К берегу пристаем», – понял он.

Судно потеряло ход и ткнулось носом в берег. Рядом пристали лодки. Он хорошо слышал, как они приставали, как переговаривались воины и стучали веслами гребцы. Так вот о какой опасности кричали воины со встречного судна! Только не поняли они, за что и поплатились жестоко.

Двое воинов подхватили его под руки и рывком подняли. Андрей успел увидеть, что на палубе нет убитых из его команды. «За борт сбросили», – решил он и угадал. Выходит, он один остался в живых и в плену. Ничего хуже и придумать нельзя! Лучше бы он голову сложил вместе с остальными!

Его свели на берег по трапу. Там уже собрались женщины и дети. В Андрея полетели камни, некоторые из детей стали плевать. Один из

конвоиров замахнулся на обидчиков тупым концом короткого копья. Дети отбежали в сторону, выкрикивая обидные слова. Андрей языка не знал, но по тону ему было понятно.

Его привели в небольшую деревню, втокнули в какой-то сарай и заперли дверь. Он уселся на земляной пол. Голова побаливала – сказывался удар, который ему нанесли на палубе.

Ушкуй с товаром у мордвинов, команда мертва, он в плену. Расклад – хуже некуда. А еще мучила неизвестность. Отпустят ли его за выкуп? Так делали и татары, и литовцы, но про мордву он не слышал ничего.

К вечеру пришел воин, принес воды.

– Ты по-русски понимаешь? – обратился к нему Андрей.

Воин кивнул.

– Где я?

– В Мордве, в племени эрзя. Сейчас совет племени собрался, трофеи распределяет.

– А со мной что будет?

– Ты храбрый воин, хоть и купец, наших много убил. Как текштяй решит, так и будет.

– Текштяй – это кто?

– Вождь. – Воин запер дверь.

Издавека, от центра деревни донесся восторженный вопль множества глоток. «Наверное, товар с ушкуя закончили делить», – решил Андрей, но ошибся – трофеи уже поделили. Это вождь решил его судьбу. Племя было языческим, и за многих убитых при захвате судна текштяй решил принести Андрея завтра в жертву – к радости собравшихся.

За стенами сарая стемнело. Руки у Андрея были связаны сзади и затекли. Он периодически шевелил пальцами, сжимал и разжимал кисти рук. Кончики пальцев покалывало, они теряли чувствительность.

Андрей улегся на пол и уснул – слишком много потерь в его судьбе произошло сегодня: потеря свободы, товарищей, судна.

Утром его разбудил солнечный свет, бьющий из открытой двери.

– Вставай, чужеземец!

Андрей перевернулся на живот, встал на колени и поднялся. Бок совсем затек, а кистей рук он не чувствовал.

– Выходи.

Андрея провели в центр деревни. Там уже собралась толпа – наверное, туда пришли все жители.

На Андрея надели венок из весенних цветов.

На небольшой площади восседал на некоем подобии трона вождь,

рядом стояли приближенные – все в праздничных одеждах. Текштяй сказал короткую речь на своем языке, из которой Андрей не понял ни словечка. Потом вперед выступил шаман или колдун, а может, и волхв – Андрей не мог сказать точно. Он начал бить в бубен, кружиться, что-то напевая и выкрикивая. Толпа одобрительно покрикивала, приплясывала и иногда подпевала.

Сколько это продолжалось, Андрей сказать не мог. Потом языческий шаман поднес к его губам деревянную плашку с пойлом, заставляя отпить. Напиток пах грибами.

Затем Андрея подвели к столбу и привязали. Сердце у него екнуло. На предстоящий выкуп и обмен это было вовсе не похоже, больше на казнь смахивает. Но он русский, он мужчина, и если настала пора умереть, то он сделает это достойно.

Каждый из присутствующих принес полено или ветку, и по команде шамана сложили их вокруг Андрея.

И только сейчас он осознал, какую участь ему уготовили. Хотят сжечь живьем! Андрей дернулся – но куда там! К столбу он был привязан прочно.

Толпа бесновалась, приплясывала. Шаман запел заунывную песню, а когда закончил, подал знак.

К куче дров, которыми до пояса обложили Андрея, подбежали сразу несколько воинов с факелами в руках и бросили их на поленья. Сухое дерево вмиг вспыхнуло.

Повалил дым, поднялось пламя, загородив Андрея от окружающих. Стало жечь открытые участки тела. Было очень больно, от дыма и жара стало нечем дышать. А потом – забытье...

Он дернулся, перед глазами мелькнул огонь, шаман с расписанным лицом, нелепой шапкой на голове и в странной одежде из шкур.

Андрей очнулся. Что за хрень? Над головой – беленый потолок, какой бывает в избах, он укрыт одеялом, и рядом кто-то лежит. Неужели мордва, его казнь – только страшный сон? Но ведь все было так реально?

Он пошевелился и застонал от головной боли.

– А очухался! – раздался рядом незнакомый женский голос.

Голос был явно не Полины, с хрипотцой.

Андрей повернул голову. С постели поднималась женщина в ночной сорочке. Он ее точно не знал, не видел никогда – поручиться мог.

– Сколько говорила – не пей со Степанычем! Он водку ведрами глушить может, и хоть бы что! А тебе на службу идти!

Женщина повернулась к нему. Андрей испугался, что она сейчас увидит его лицо, незнакомое ей, и поднимет крик. Но женщина только

вздыхнула:

– На кого ты похож? Пьянь!

Или она чокнулась, или он. Скорее – она.

Андрей сел в постели. Где это он? Комната оштукатуренная – он не в деревянной избе. Стол обеденный, шифоньер, на полу – домотканый половичок. Но не это сразило его, а тарелка громкоговорителя на стене.

– Сегодня какой день? – Андрей не узнал своего голоса.

– Известно какой – понедельник, шестнадцатого июня тысяча девятьсот сорок седьмого года.

– Какого года? – изумился Андрей.

– Оглох, что ли?

Женщина подошла к приемнику, повернула выключатель.

– С добрым утром, товарищи! – донеслось из тарелки. И следом зазвучал гимн, гимн Советского Союза, а не России!

С ума сойти! Андрей рывком встал. И еще раз удивился – на нем были исподняя рубаша и холщовые кальсоны. Да он сроду таких не носил.

На стене висело зеркало в простой деревянной раме. Андрей подошел к нему. На него смотрело его лицо, но вместо бороды, к которой он привык, на верхней губе были усы. Только не пышные, а щеточкой – как у маршала Ворошилова в свое время или у Кулика. Не веря своим глазам, Андрей потрогал усы. Колючие!

– Мойся, ешь и одевайся, на службу опоздаешь!

Женщина вошла в комнату и стала собирать на стол. Андрей хотел спросить – где он служит, кем и куда идти? Слишком неожиданные и разительные были перемены, происшедшие с ним. Но не решился – сам понемногу разберется.

Он умылся над раковиной на кухне, в подвесном шкафу нашел бритвенные принадлежности, помазок и побрился.

– Иди есть, чай готов!

На столе в комнате стоял подкопченный с одной стороны чайник, железная эмалированная кружка, блюдец с кусковым сахаром и нарезанный ломтями черный хлеб. Небогатый завтрак, не купеческий. Стало быть, на больший он не заработал. Но есть хотелось, и Андрей уселся за стол.

Женщина – вероятно, жена – достала из шифоньера плечики с одеждой. И одежда форменная – гимнастерка, бриджи.

Андрей молча оделся. Как ни странно, одежда по размеру подошла – как и сапоги. Он поискал глазами ремень – к форме всегда ремень полагался.

– Под подушкой, ты его вчера туда сунул, – поняла женщина.

Он взял ремень, подпоясался. В малюсенькой прихожей снял с вешалки форменную фуражку, надел, ребром ладони проверил положение звездочки и вышел. Он что – военный?

Спустившись по лестнице, Андрей оглядел дом: тот был двухэтажным, двухподъездным, из красного кирпича – видел он такие раньше на окраине. Их уже сносить за старостью хотели и на их месте строить новые.

Андрей потоптался на месте. Кто он? Где служит и куда идти? Интуитивно пощупал нагрудный карман. В левом лежало что-то плотное. Он вытащил удостоверение, развернул. С фотографии на него смотрел он сам, а справа был текст: «Уралзолото, Исовское приискское управление, военизированная охрана. Кочетов Алексей Иванович...» – только и успел прочитать он, потому что сзади раздались шаги, и чья-то тяжелая ладонь хлопнула его по плечу.

– Здорово, Леха!

– Привет.

Рядом стоял незнакомый мужчина в такой же, как и на Андрее, форме.

– Ну ты вчера со Степанычем всех перепил, – незнакомецдохнул на него перегаром.

– Ага! Башка трещит – сил нет. Утром не мог вспомнить, как жену зовут, – поддержал разговор Андрей.

– Знала бы Ольга! – захохотал незнакомец.

Ага, значит, его жену Ольгой зовут!

– Чего стоим? На службу опоздать хочешь? Кстати, чем пьянка закончилась? Я-то раньше всех ушел.

– Потому что умный. А я не помню, как до дома дошел, – продолжал сочинять на ходу Андрей.

Похоже, была коллективная пьянка сослуживцев, и теперь провалы в памяти можно валить на перепой.

Незнакомец пошел, и Андрей пристроился рядом – хоть узнает, где он, Андрей, работает.

Идти оказалось недалеко, метров триста – за дощатым забором с будкой контрольно-пропускного пункта оказался сам прииск.

На КПП незнакомец предъявил вохровцу удостоверение, Андрей последовал его примеру.

После КПП повернули влево – мужчины в форме собирались именно там, у одноэтажного здания, рабочие в гражданском шли прямо. Там в высоком одноэтажном здании что-то грохотало, наверное – работало оборудование.

Едва они подошли, раздалась команда:

– Строиться!

Построились в две шеренги – как в армии. Только там были погоны и петлицы, а у вохровцев погон нет, и на черных петлицах эмблема – две скрещенные винтовки.

Сначала была перекличка, потом каждого поименно распределили по постам. Кочетова и Самойлова – к хранилищу. Андрей понимал, что Кочетов – это теперь он.

Все с озабоченным видом потянулись к зданию.

– Чего еле ноги волочишь, напарник?

– После вчерашнего.

Андрей повернул голову. Наверное, этот молодой вохровец – его напарник по посту. Андрей приотстал на полшага – пусть Самойлов вперед идет. Он же не знает, как, где и что.

Они подошли к оружейной комнате. Первым получил «наган» в кобуре и патроны напарник, за ним назвал свою фамилию Андрей. Выдававший оружие вохровец буркнул:

– Думаешь, я твою фамилию забыл? Распишись.

Андрей получил револьвер, пачку патронов и кобуру. По примеру других зарядил семь патронов в барабан и уже хотел сунуть револьвер в кобуру, но мазнул взглядом по левой стороне оружия и замер: надпись «ТОЗ», 1934 год и номер. Он видел этот номер не раз – это был револьвер, взятый им на месте авиакатастрофы. Его облило холодным потом.

Напарник заметил, что Андрей стоит весь мокрый, понял это по своему и посочувствовал:

– Тяжко?

– И не говори...

Андрей снял ремень, пропустил его через шлевки кобуры и снова затянул пряжку на поясе. А в голове бился номер «нагана».

– Идем, караул менять пора.

Самойлов двинулся вперед, Андрей – за ним.

Выйдя из здания, они свернули влево – там стоял небольшой бревенчатый дом.

Они поднялись по крыльцу и вошли. Слева на двери была надпись «бухгалтерия», справа – «председатель». А прямо – еще одна дверь, и возле нее стояли двое вохровцев.

– Ну, наконец-то! Где вас носит?

– Мы вовремя, – отвел упреки Самойлов. Он тщательно осмотрел замок, печать на маленькой фанерке с веревочными хвостиками и кивнул:

– Все в порядке, идите.

Старая смена ушла. Нет, ВОХР – не армия – где разводящий?

Оба встали у дверей.

В бухгалтерию заходили и выходили люди.

Через час Андрей спросил:

– И долго нам так стоять?

Самойлов посмотрел на здоровенные часы на запястье:

– Еще одиннадцать часов.

Андрей мысленно чертыхнулся. Но делать нечего, надо стоять. После, дома, он попытается разобраться в ситуации.

За весь день он только дважды отлучился в туалет. К вечеру ноги устали. Уж лучше бы бегать, ходить – даже таскать что-нибудь.

Когда их сменили и они шли сдавать оружие, Андрей спросил:

– А чего мы охраняем-то?

– Ты что, совсем дурак? Три года служишь и не знаешь? Пить меньше надо! Золото с прииска мы охраняем! Весь поселок знает, а он – нет.

Домой Андрей пришел уже затемно. Жена вернулась с работы намного раньше и уже приготовила ужин.

– Ты слышал, по радио передали, что товарищ Сталин сказал о снижении цен на некоторые товары?

– На службе радио нет – где бы я слышал?

– А у нас на работе женщины весь день только об этом говорили. В поселке, в магазине ОРСа и товаров-то нет, все по карточкам.

– Придет время, и их отменят.

– В Молотов бы съездить.

– Куда? – О таком городе Андрей никогда прежде не слышал.

– Все-таки ты на фронте контужен был! Запомню, что Пермь в сороковом году в Молотов переименовали? В честь товарища Молотова.

– Привык уже к Перми.

Оказывается, он на фронте был. Наверное, надо географическую карту купить, посмотреть названия городов, чтобы больше впросак не попадать.

Они поели жареной картошки с селедкой, выпили жидкого чая. Андрей чувствовал себя попавшим в нереальность: другое время, чужая служба и чужая биография. Каждое слово, каждый шаг контролировать надо, как будто идешь по тонкому льду. Одно неверное движение – и ты в ледяной воде. Даже жена чужая, но ведет себя с Андреем, как с мужем.

Учитывая, что поселок режимный, все и вся под контролем НКВД, или МГБ. Андрей просто не помнил, когда ведомство Берии переименовали.

– Леш, ты чего сидишь? Я уже посуду вымыла и убрала. Спать пора.

– Задумался что-то.

Подумать и в самом деле было о чем. Второй раз в жизни судьба его круто менялась – вроде испытывал его кто-то. Только раньше никто ему не говорил, что с ним случалось подобное. Посоветоваться бы с кем-то! И опасался он. По крайней мере здесь, в режимном поселке, нельзя ни с кем разговаривать. Итог разговора – или психбольница, или застенки НКВД.

Голова от мыслей пухнет. Год он уже провел в Переяславле, жизнь наладил, женился – Андрей едва не застонал от воспоминаний. Как там Полина? Ведь она ребенка ждет, его ребенка! Сообщить о гибели команды и захвате судна некому – нет свидетелей. Так и будет она ждать его возвращения месяц за месяцем, пока не состарится в одиночестве. В церковь ходить будет, свечи ставить перед иконами, молиться за него.

– Оля, у нас где церковь?

– По-моему, ближайшая – в Горнозаводском. А зачем тебе? Товарищ Ленин говорил, что религия – опиум для народа.

– Так и есть, это я так, к слову спросил.

– Что-то я раньше не замечала, чтобы ты церковью интересовался. Ты ведь и сам когда-то говорил, что после фронта ни во что не веришь – ни в бога, ни в черта, а только в случай, в удачу.

– Спать давай.

– Вот так всегда.

Ольга разобрала постель и разделась сама. Андрей заметил, что у нее хорошая фигура. А вот голос подвел – низкий, с хрипотцой.

– Ты куришь? – спросил он.

– Раньше, в войну курила. Нас, женщин, в трудовую армию забирали. Мне еще повезло, я на торфоразработках была. А другие на лесоповалы попали. Знаешь, как там тяжело? Понадорвались все.

– Предполагаю.

Они улеглись в постель. Жена прижалась к Андрею, поласкала его, явно пытаясь соблазнить. Но Андрей устал после всех перипетий, чувствовал себя разбитым, глаза смыкались.

– Ну тебя, противный, жена хочет, а он – спать. – Ольга отвернулась, обиженная.

Никаких чувств Андрей к ней не испытывал, обиду ее хотя и понял, но отнесся к ней спокойно.

Утром он проснулся, когда Ольга уже хлопотала на кухне, гремела посудой. Пахло керосином от керогаза.

Он встал, вышел на кухню.

– Ты чего? – удивилась Ольга. – Тебе же на работу в ночь идти. Или не спится?

– Чаю с тобой попой и снова лягу.

– Ты же соня, тебя по утрам не разбудишь, – еще больше удивилась Ольга. Однако кружку чая все же налила.

Андрей выпил горячего чаю с сахаром вприкуску. Давненько он сахаром не баловался, год.

Ольга переоделась и убежала на работу. Интересно, где и кем она работает? Да ведь спроси ее – удивится: настоящий Алексей знал.

В отсутствие жены Андрей учинил в квартирке форменный обыск. Ему нужно было найти документы, фото – и тогда, может быть, хоть что-то прояснится.

Своих фото он не нашел, только несколько – жены, да и то двух-трехлетней давности. Но документы были: военный билет и удостоверения к наградам. Оказывается, Кочетов был на фронте пулеметчиком и имел медали – «За отвагу» и «За боевые заслуги». Ну хоть что-то о Кочетове узнал, а то прошлое – как белый лист бумаги.

Он снова лег в постель, пытаясь осмыслить невероятные повороты в судьбе, но ничего вразумительного на ум не приходило. Стал придремывать, а перед глазами огонь стеной, тело жжет – страшно... Проснулся в липком холодном поту, сердце колотилось о ребра. Кошмар какой-то, и не галлюцинации мозга, а реальные воспоминания, хотя на коже – ни малейшего следа ожогов.

Андрей провалялся в постели до вечера. Идти никуда не хотелось, да и некуда. Видел он вчера поселок: десятка два жилых барачков, десяток кирпичных домов, магазинчик и поселковый совет – куда же без совета при советской власти? Мужикам только и остается, что пить, да может быть, еще на рыбалку ходить, грибы и ягоды собирать. А он не грибник и не рыбак.

А еще душа за Полину болела. И вроде новая жена рядом объявилась, только не нравилась она ему – вульгарная, горластая. Да что делать, не он ее выбирал. Придется потерпеть, пока оглядится, освоится. А там ведь можно и уехать из поселка: все-таки двадцатый век, есть машины, железная дорога. Правда, рельсов он здесь не видел, как не слышал перестука колес и паровозных гудков.

Между тем было пора на работу.

Он поднялся с постели, оделся и вышел. Запер двери незамысловатым ключом, висевшим здесь же, на стене в коридоре квартиры. А дальше – уже знакомая дорога, развод караула, получения оружия и пост. На этот раз он стоял на окраине периметра, на вышке, с карабином за спиной.

Стемнело, включили фонари вдоль колючки и прожектора на вышках.

Ни одной живой души не было видно – скучота.

К утру он замерз и понял, что сглупил, не взяв шинель, висевшую в шифоньере. Хотя и лето на улице, а Север, по ночам холодно.

Едва дождавшись смены, Андрей заторопился домой. Жена уже ушла на работу, может – оно и к лучшему.

Андрей поел каши, выпил чаю. Немного поразился – как можно так испортить рисовую кашу? Комками, слиплась, без масла – в рот не лезет. Совсем Ольга неумеха безрукая, ей бы поучиться у кого-нибудь из товарок. После бессонной ночи голова чумная, спать охота.

Он разделся и нырнул в постель. Согревшись под одеялом, уснул, и во сне ему Полина привиделась: улыбается и руки к нему тянет – обнять. Проснулся Андрей с такой тоской на душе!

Жена заявила, повертелась перед ним:

– Ну, как я тебе?

Андрей не мог понять, что она от него хочет.

– Ты что же, не видишь, что губная помада у меня новая?

– Прости, не заметил.

От обиды Ольга надула губы. Ладно, пусть дуется, может – ночью приставать не будет.

Так они и спать легли – спина к спине. А утром она ушла на работу, когда он еще спал.

Проснувшись, Андрей не знал, куда девать время, поскольку после ночи – двое суток отдыха.

Он позавтракал, прочистил и подрегулировал керогаз, а то запах слишком сильный распространялся, когда он работал; розетку подкрутил, которая болталась, бритву опасную о кожаный ремень направил. Хорошая бритва, золингеновской стали, наверное, Алексей привез ее с фронта в качестве трофея.

Так он провозился до обеда, а в два часа в дверь постучали. Андрей удивился – он никого не ждал, но открыл дверь.

На лестничной площадке стоял посыльный в вохровской форме.

– Привет, тебя начальство вызывает.

– А что случилось?

– Там узнаешь.

Пришлось срочно бриться, одеваться, чистить сапоги, и все в темпе – начальство ждать не любит.

Явившись пред светлые очи начальника караула, Андрей доложил о своем прибытии.

Начальник снял очки и глянул на Андрея уставшими, покрасневшими

от напряжения глазами:

– Вот что, Алексей. Я понимаю – день у тебя выходной, но надо выйти. Сумароков заболел, в больничку его повезли – как бы не аппендицит.

– Ну так постою на часах.

– Нет, ты не понял. Сумароков не на посту стоит – ежели ты забыл. Он груз сопровождает. Так что получай оружие, ватник надень.

– Не холодно, не ночь.

Начальник караула только засмеялся:

– И шапка лишней не окажется.

– Мне посыльный ничего не сказал про одежду, – растерялся Андрей.

– Он не знал. Возьмешь в комнате рядом с оружейной.

Андрей получил оружие – все тот же «наган», подобрал под себя ватник и шапку-ушанку. Рядом с оружейной была комната, где хранились теплые вещи для караулов – тулупы до пят и здоровенные валенки, которые надевались на сапоги. Дома такой одежды никто не имел, в ней невозможно работать. А в карауле зимой стоять – в самый раз.

Потом они вместе с начальником караула уселись на потрепанную полуторку. Правда, начальник, как ему и положено, уселся в кабину, рядом с водителем, а Андрей – в кузов.

Ехать пришлось недалеко – до здания, где он стоял в карауле в первый раз с Самойловым у хранилища. Там и сейчас стояли двое незнакомых ему вохровцев.

Начкар осмотрел пломбу на двери, сорвал ее и отпер дверь.

– Кочетов, ко мне!

Андрей подошел.

Начкар откинул замки на двух ящиках:

– Лично убедись, что пломбы целы.

В ящиках лежали опломбированные брезентовые мешки. Видел уже Андрей такие – на самолете в тайге.

– А теперь распишись, что груз принял.

Андрей неловко расписался. Знал бы, что подпись придется ставить – потренировался бы.

– Ну, парни – грузите.

Оба вохровца взяли по ящику и понесли к полуторке.

Начкар снова уселся в кабину, а Андрей взобрался в кузов. Полуторка тронулась и повернула направо.

Они выехали за промышленное здание, где мыли руду, и еще дальше – к самому дальнему углу прииска.

Когда полуторка вывернула из-за какого-то склада, Андрей увидел маленький самолет «У-2», сердце упало в пятки. Он думал, что сопровождать груз придется на машине, и воспринял приказ спокойно.

Машина остановилась у самолета. Начкар вышел из кабины, из кузова выпрыгнул Андрей.

– Товарищ начкар, я не могу лететь! – заявил Андрей.

– Это что еще за фокусы на службе?

– У меня это... воздушная болезнь, укачивает.

– Ты раньше не говорил ничего, а теперь менять поздно. Забыл, что сегодня груз в Молотов доставить надо? Там уже ждут, встречающие на аэродром поехали. Да что я тебя, как девку, уговариваю?

Обогнув самолет, к нему подошел летчик – в меховом комбинезоне и шлемофоне.

– Вылетать надо, иначе засветло не успеем добраться. Сами понимаете, груз государственной важности, абы где приземлиться с ним нельзя, инструкция.

– Да вот у сопровождающего охранника воздушная болезнь.

– Погода хорошая, болтать не будет – спокойно долетим. Грузите.

Андрей с помощью начкара погрузил оба ящика в заднюю кабину. Летчик уже забрался в самолет, механик прокручивал деревянный винт. «Выпрыгнуть бы, да и убежать! – подумал в отчаянии Андрей. – Только куда? Колючая проволока по периметру и охрана». Он уже догадался – даже наверняка знал, чем закончится полет.

Начкар отошел.

– Контакт! – скомандовал пилот.

– Есть контакт! – отозвался механик.

– От винта!

Мотор чихнул, обдав стоящих бензиновым выхлопом, и ровно затарахтел. Вот начкар, сволочь, подгадал с вылетом! Знал бы Андрей про вызов – лучше бы напился. А что? Выходной, имеет право.

Самолет пополз вперед, развернулся. Летчик дал газ, и самолет, пробежав совсем немного, взмыл в воздух. Видевший не раз, как взлетают большие современные самолеты и какова длина их разбега, Андрей удивился. Такой и на школьном стадионе сядет.

«У-2» набирал высоту. В открытой кабине самолета Андрей был в первый раз: ощущения сильные. Дул ветер. Наклонив голову за борт, можно было видеть все, что было внизу – дороги, грунтовки, лес, реку и многочисленные ручьи.

Двигатель тарыхтел ровно, без сбоев, и Андрей понемногу успокоился.

Наверняка с прииска самолеты регулярно летают, почему он решил, что именно самолет, на котором он летит, сегодня упадет? Интересно, сколько до Молотова лететь?

Часа через полтора лета, когда Андрей и вовсе выкинул дурные мысли из головы и успокоился, мотор чихнул раз, потом – другой и заглох. Слышался только свист ветра в расчалках.

Пилот повернулся к Андрею.

– Ничего страшного, сейчас спланируем и сядем! – прокричал он.

Но Андрей в счастливый исход посадки уже не верил, только сделать ничего не мог. В случае опасности он привык действовать только сам и активно: убегать, стрелять, драться – в общем – противодействовать беде. А сейчас он вынужден был довериться умению летчика и этой потрепанной железяке. Самолет явно знал лучшие годы, а сейчас на крыльях заплатки перкалевые видны, кое-где краска облезла, задняя кабина вытерта до металла.

Самолет медленно снижался. Летчик поглядывал за борт, поверх капота, явно выбирая место для посадки.

У Андрея закралась мысль – а не специально ли это сделано? Поломка имитирована, сейчас приземлится на каком-нибудь лугу, где уже сообщники ждут... Все-таки два ящика золота – во все времена лакомая и серьезная добыча для преступников.

Он вытащил из кобуры и осмотрел револьвер. В барабане все камеры с патронами, медно светятся тупоносые пули. Просто так он не сдастся – если это не простая поломка, а хитрый ход, не одного бандита убить успеет.

А самолет продолжал снижаться. Появились озера – одно, вдали – другое. И никаких полей или лугов, тайга, куда взгляд ни кинь.

– Держись! – закричал летчик.

Андрей сунул револьвер в кобуру, схватился обеими руками за борта кабины, а ногами уперся в переборку. Мысленно он начал молиться.

Впереди стала видна поляна – летчик попытался дотянуться до нее. Но высоты уже не хватило. Раздался треск – это «У-2» задел колесами шасси верхушки деревьев. Самолетик резко накренился влево и ударился крылом о деревья. Крыло оторвало, тут же последовал резкий рывок фюзеляжа вниз, сильнейший удар о землю, треск деревьев, ломающегося деревянного корпуса и крыльев. Руки не удержали тело, и Андрей приложился головой о переборку кабины. Свет в глазах померк.

Он пришел в себя от мерного звука и открыл глаза. На стене висели ходики. Такие уже давно не делают – с гирями на цепочках. В комнате сумрачно, только начинает светать.

Андрей повернул голову: на соседней кровати, откинув одеяло, спал Павел. А у стены напротив, на старом раскладном диванчике тихонько похрапывал Саша. Так это ж они у деда Никифора в деревне! И такая радость охватила Андрея, что он едва не закричал от чувств, переполнявших его. Он жив! Он в своем времени, и не надо изворачиваться, выдавая себя за кого-то другого. Но тут же засомневался: а как быть с Переяславлем, Полиной, мордвой, Ольгой и прииском? Или это все ему пригрезилось? Да уж больно реально, никакой симулятор происшедшего не произведет. Нет, после возвращения в Пермь надо показаться психиатру. Может, у него раздвоение личности, какая-нибудь шизофрения или параноидальный бред.

Тихонько отворилась дверь, и вошел дед Никифор.

– Парни, вставать пора, а то всю охоту проспите.

Они поднялись, быстро умылись. Сев за стол, попили чаю, и дед повел их в известное ему место.

– Уток там полно, непуганные! Только с одного места стрелять не следует. Озеро большое, пусть кто-то из вас на другую сторону идет. Как утки после выстрела на крыло поднимутся да к другому берегу полетят – только стрелять успевай!

Озеро было большим, около километра в длину, берега поросли камышом. Жребий идти на другую сторону выпал Андрею.

– Ты озеро обойди, – напутствовал его дед. – Как на другом берегу окажешься, мы стрелять начнем, а ты не зевай.

Андрея не оставляло чувство повторения, «дежавю» – как в американском фильме «День сурка», когда один день проигрывался снова и снова.

Он обошел озеро, приготовил ружье и махнул рукой. Его увидели, и почти тут же прозвучало два выстрела, потом дуплетом – еще два. С воды взметнулись испуганные утки и стайей потянулись к другому берегу.

Андрей вскинул ружье – выстрел! Одна утка упала в воду. Он повел стволом, взял упреждение, выстрелил еще раз и увидел, как от попадания дроби полетели перья, и утка упала в лесу среди деревьев.

Боясь упустить трофей, Андрей разделся и полез в воду – утку могло отнести от берега. Вода холодная, Пермский край – не Сочи! Бр-р-р!

Он дотянулся до кряквы и выбросил ее на берег. Выбрался на землю, отмыл ноги от ила, оделся. Надо было искать вторую утку – будет чем перед друзьями похвастать.

Мысленно представив себе траекторию полета и снижения утки, он направился к предполагаемому месту ее падения. А в душе – ликование,

радостные чувства переполняют грудь. Он жив, здоров, охотится! И ружье при нем – не осталось на ушкуе, захваченном мордвой. Андрей уже почти уверился, что все – сон, галлюцинации.

Он вошел в лес, осматривая землю. Потом поднял голову – вдруг сбитая им утка зацепилась за ветки? Среди деревьев увидел что-то темное, и сердце забилося, как пойманная птица. На мгновенно ставших ватными ногах он медленно приблизился. Черт, черт, черт!

Среди деревьев лежал на боку полуразвалившийся фюзеляж самолетика «У-2», недалеко – оторванные крылья. Перкаль был ободран, как ребра, просматривались фанерные шпангоуты.

Он уже знал, что увидит там, в кабине, но все равно подошел ближе. В обеих кабинах были видны скелеты в истлевших одеждах. Страшно и жутко было смотреть на свои останки. А может, это настоящий Алексей Кочетов, несколько дней жизни которого Андрей прожил?

Ему стало плохо, закололо сердце, закружилась голова. Во рту – сухо, внезапно перестало хватать воздуха. Сроду сердце не беспокоило, он даже не знал, где оно находится.

Так он стоял долго, не меньше получаса – ноги как к земле приросли. Смотрел на самолет, на останки летчика, сопровождающего – или на свои? Мороз шел по коже.

Через некоторое время Андрей пришел в себя, повернулся и запнулся о деревянный ящик. На нем едва заметно проступала надпись краской: «Партия № 3. 1947 год». Золото. Да будь оно проклято! Одни несчастья от него! Не возьмет он ничего и парням не скажет.

Пусть все идет своим чередом. Может, когда-нибудь повезет случайному прохожему, найдет он эти ящики. Но это будет уже его судьба.

За озером раздались выстрелы. Парни охотятся. По берегу Андрей направился к ним. Он ликовал – жив, в своем времени, друзья рядом! А что еще человеку для счастья надо?